

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск пятьдесят девятый

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИМЕНИ *УНИВЕРСИТЕТ*: НЕПРЕЛОЖНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО УСПЕХА

Под редакцией В. И. Бакштановского

Тюмень
ТИУ
2022

Востребованность имени *Университет*: непреложный потенциал институционального успеха. Вестник прикладной этики. Вып. 59 / Под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2022. – 194 с. – Текст: непосредственный

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

В какой мере задачи, решаемые сегодня университетами, являются собственно университетскими? Возможно, имя «Университет» уже не определяет ценностную направленность трансформируемых университетов? Тема выпуска обращена к вопросам субъектности университетов в изменяющемся контексте, соответствия наименования «Университет» практикуемым ценностным ориентирам стратегий их деятельности. Обсуждая проблемы трансформирования институциональной идентичности, авторы выпуска рассматривают университет как «моральный мир», генератор образа будущего, его ценностные ориентиры и вызовы, этос свобод ученого. В текстах, содержащих гуманитарную рефлексию Тезисов, адресованных НИИ ПЭ Тюменскому индустриальному университету как своеобразной формы этического консультирования его ситуации, обсуждаются признаки университетского статуса, амбиций университета, направлений этического консультирования трансформационных процессов в сфере высшего образования.

РЕДАКТОР

В. И. Бакштановский, д. ф. н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р. Г. Апресян, д. ф. н., проф., Институт философии РАН

А. А. Гусейнов, д. ф. н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е. И. Головаха, д. ф. н., проф., Институт социологии НАН Украины

М. В. Богданова, д. с. н., ТИУ

Е. В. Беляева, д. ф. н., проф., Белорусский государственный университет

Ю. В. Казаков, к. с. н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И. М. Ковенский, д. т. н., проф., ТИУ

А. В. Прокофьев, д. ф. н., проф., Институт философии РАН

А. Ю. Согомонов, к. ист. н., Институт социологии РАН

Г. Л. Тульчинский, д. ф. н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала М. В. Богданова.

Редактор выпуска: И. А. Иванова. Оригинал-макет: И. В. Бакштановская.

Обложка: М. М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовала С. П. Нохрина.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский

институт прикладной этики, 2022

© Федеральное государственное

бюджетное образовательное

учреждение высшего образования

«Тюменский индустриальный

университет», 2022

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS**

Issue 59

**THE SIGNIFICANCE OF THE NAME «UNIVERSITY»
AS AN INDISPENSABLE POTENTIAL
FOR INSTITUTIONAL SUCCESS**

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
IUT
2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	6
<i>Теоретический поиск</i>	
<hr/>	
<i>А.В. Прокофьев</i> Три возраста НИИ Прикладной этики, или российский университет в изменчивом мире	10
<i>А.Ю. Согомонов</i> Университет как порождающая реальность номинация	32
<i>А.А. Сычев</i> Университетская идентичность в современном мире: ценностные ориентиры и вызовы	47
<i>Г.Л. Тульчинский</i> Университет как генератор образа будущего и его неоднозначные перспективы	60
<i>А.А. Скворцов</i> Университет как моральный мир	64
<i>Е.В. Беляева</i> «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага»	73
<i>П.Гиббс</i> Этос свобод ученого	93
<i>Рубрика академика А. А. Гусейнова</i>	
<hr/>	
Социологическая трилогия Александра Зиновьева	103
<i>Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития</i>	
<hr/>	
<i>В.И. Бакштановский, М.В. Богданова</i> Имя «Университет»: актуальный ценностный ориентир или факт исторической памяти?	115

Кафедра прикладной этики

<i>В.А. Абилькенова</i> Станет ли блогерство профессией? (Блогерство – новый феномен среди профессий?)	141
--	-----

Из истории инновационной парадигмы

Опыт гуманитарной экспертизы конфликтного состояния нравственности в российском обществе начала 90-х гг. XX в.	157
«На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции» (<i>Анкета</i>)	159
<i>Г.С. Батыгин</i> Этика дела и/или этика долга	169
<i>В.Н. Сагатовский</i> Гражданское общество или человеческая общность?	177
 <i>Summary</i>	 185
<i>Авторы выпуска</i>	191
<i>List of authors</i>	192
<i>О журнале</i>	193

Предисловие редактора

Выпуск 59-й журнала собран вокруг темы «Востребованность имени “Университет”»: непреложный потенциал институционального успеха».

Приглашение потенциальных авторов журнала к этической рефлексии номинации «Университет» мотивировано не только намерением критически осмыслить изменения, происходящие в сфере университетского образования. Университеты за свою многовековую историю существования пережили многие трансформации, сумев не только выжить, но сохранить и развить свою институциональную идентичность. И потому попытки ограждать их от воздействия перемен по сути означают – причинять им вред.

Однако стремительно изменяющиеся глобальный и локальный контексты, заметная тенденция деуниверситизации, деконструкции университетов проблематизируют тождественность названия («Университет») и называемого (институции высшего образования). Такого рода асимметрия создает повышенную уязвимость последних. Но, возможно, сегодня имя «Университет» уже не отражает переструктурируемое трансформациями содержание ценностных оснований образовательных институций, пока (?) еще именуемых университетами.

Новому их состоянию должно соответствовать новое имя?

В контексте происходящих трансформаций в высшем образовании попытки осмысления имени «Университет» – с точки зрения содержащегося в нём имени ценностного ресурса развития, устойчивости в изменяющемся мире – можно обозначить как «волю к смыслу» в ситуации, требующей понимания в какой мере решаемые университетом задачи являются действительно задачами университетскими.

Тема выпуска обращена и к юбилею Тюменского индустриального университета. Инициированная в этой связи гуманитарная рефлексия Тезисов НИИ ПЭ 2021 года (в их перекличке с Тезисами 1995 и 2005 годов) – своеобразная форма этического консультирования ситуации университета. В Тезисах к юбилею 2021 года выделен ряд характеристик, идентифицируемых в качестве граней институционального успеха, оправдывающего имя «Университет» в XXI веке.

Предпринятое авторами выпуска обсуждение темы, в том числе Тезисов, адресованных Университету, представлено в традиционных рубриках журнала.

Авторы статей рубрики *Теоретический поиск* обращаются как в целом к номинации «Университет», рассматривая ее в этико-прикладном, культурно-историческом аспектах, так и к актуальным этиче-

ским ориентирам ключевой фигуры, обеспечивающей его институциональную идентичность – профессора, а также к выделенным в Тезисах 2021 г. как своеобразной формы этического консультирования – характеристикам, идентифицируемым в качестве ценностных ориентиров институционального успеха университета.

А.В.Прокофьев в своем тексте предпринимает анализ практического и теоретического контекстов Тезисов, адресованных НИИ ПЭ Тюменскому индустриальному университету в 1995, 2005, 2021гг. Отмечая, что для российских вузов «тридцать постсоветских лет были парадоксальным образом годами параллельной университетизации и деуниверситетизации», автор фиксирует определенную динамику содержания в этих Тезисах предмета этического консультирования. От вопросов этического характера относительно трансформации советского вуза в университет, к раскрытию «всей широты прагматических университетских ценностей», наконец, – «к конкретизации миссии университета в условиях организации, специализирующейся на предоставлении высшего инженерного образования». Акцентируя внимание на рисках для университета отраженного в Тезисах понимания назначения его, автор, в то же время, обосновывает позицию: «университетская жизнь хороша в любых дозах и необходимо стремиться к тому, чтобы получить столько университетской жизни, сколько ее возможно получить в данных условиях».

А.Ю. Согомонов обсуждает в своей статье вопросы эволюции университетской номинации от ее становления в средние века, выделяя ряд ключевых моментов. Во-первых, восхождение от номинации к институции в период первоначального становления европейского университета, когда «именно Имя сделало университет подлинным социальным фактом». Во-вторых, понимание университета как институции, «рационализирующей национальные цели государства» на протяжении XIX-XX вв. Наконец, в XXI в. *universitas* «перестала быть сама по себе творящей институциональную реальность». Вызовы современной эпохи, с точки зрения автора, скорее, делают запрос на стратегию образования «во имя устойчивого развития».

А.А. Сычев, рассматривая вызовы идентичности современного университета, выделяет среди ее признаков автономию, академическую свободу, единство образования и исследований, универсальность охвата знаний, дух гуманизма, стремление к которым, с точки зрения автора, является «достаточным условием для удержания университетской идентичности». В современных условиях для университета важно определиться с тем, что для него является целью, а что средством. Так, оптимизация, цифровизация, коммерциализация – средства, способные улучшить качество образовательной и иссле-

довательской деятельности университета. Сегодня они, с точки зрения автора, «превращаются в жестко установленные цели развития, сужая тем самым пространство самоопределения». Обращаясь к теме амбиции регионального университета, автор развивает идею: чтобы быть драйвером инновационного развития для региона, университет фактически «должен быть классическим университетом с амбициями, значительно превышающими региональные нужды».

А.А. Скворцов в своей статье выделяет два аспекта в проблематизации темы об имени «Университет». Первый – связан с уточнением: «источник тревог – не в смене названий», поскольку, «университет как важный общественный институт настолько вошел в отечественную культуру, что слово не исчезнет никогда». С точки зрения автора, опасно другое – «высшая школа стремительно теряет своё привычное положение в обществе, а если видеть процесс изнутри, то можно сказать – теряет свою идентичность». Второй аспект, выделяемый автором, связан с тем, что университеты, «не защищенные от социальных потрясений, часто становились их первыми жертвами...». Стремление университетов «к идеальным целям и честное, иногда уничижительное, отношение к себе» – А.А. Скворцов именуется «моральным миром» и развивает идею: «продолжающаяся де-университизация общества неизбежно приведет к его деморализации».

Благодаря инициативному проекту А.В. Прокофьева в этом выпуске «Ведомостей прикладной этики» публикуется текст почетного профессора Мидлсекского университета (Великобритания) Пола Гиббса, подготовленный им для нашего журнала. Автор акцентирует внимание на важности проведения различий между «настоящими учеными и теми людьми, которые просто принадлежат к академическому миру». Такое различие, с его точки зрения, напрямую связано с вопросом об уместности «предоставления академической свободы тем и другим», поскольку «не существует ни безусловной академической свободы тех людей, которые принадлежат к академическому миру, ни безусловной институциональной автономии тех учреждений, которые классифицируются как университеты». Свобода и автономия требуют от ученых «подтверждения их приверженности моральным условиям доверия, смелости и истине». В условиях нерешенности вопроса об Идее университета, конфликтного вмешательства в их научную деятельность, ученые, как предположил П.Гиббс, могут жить в соответствии с тем, «что они считают адекватным», исходя из такого посыла им были сформулированы три максимы. «Чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть достойным доверия; чтобы ученый заслуживал доверия, подразумеваемого академической свободой, он должен воздержи-

ваться от самообмана; чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть добросовестным, а его добросовестность должна содержательно определяться за рамками контрактного статуса наемного работника и простираться за рамки этого статуса». Предложенные максимы, как нам представляется, с одной стороны, могут служить нравственными ориентирами самоопределения ученого, а с другой – подтверждением значимости поддержания академической автономии университетов. Представляется целесообразным предпринять обсуждение текста П. Гиббса в следующем выпуске журнала «Ведомости прикладной этики».

В рубрике академика А.А.Гусейнова представлен текст, посвященный столетию выдающегося отечественного морального философа. Автор рассматривает ключевые учения А.А. Зиновьева: «коммунизм как реальность», «западнизм», «глобальный человек». Взаимосвязь этих учений, с точки зрения автора, раскрывает «в своей целостности логику современных общественных процессов в России и мире».

Статья В.И.Бакштановского, М.В.Богдановой представлена в рубрике *Миссия университета*. Авторы рассматривают опыт гуманитарной рефлексии, предпринятой в формате ректорского семинара профессорами Тюменского индустриального университета. Рефлексия, сосредоточенная на конкретизации университетских ориентиров успешности, акцентировала внимание на востребованности ориентиров и норм этоса университета для его развития и устойчивости в изменяющихся условиях.

Опыт гуманитарной экспертизы конфликтного состояния нравственности в российском обществе начала 90-х гг. XX в. представлен в публикациях традиционной рубрики журнала *Из истории инновационной парадигмы*. Републикуемые в ней материалы содержат развернутые программные аспекты консультативного опроса «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции», предпринятого Центром прикладной этики при Президиуме Тюменского научного центра СО РАН СССР в 1990-1991 гг., и избранные экспертные тексты Г.С. Батыгина и В.Н. Сагатовского.

А.В. Прокофьев

УДК 174

Три возраста НИИ Прикладной этики, или российский университет в изменчивом мире

Аннотация. В статье проанализирован практический и теоретический контекст трех тезисов-рекомендаций НИИ Прикладной этики Тюменскому индустриальному (ранее – нефтегазовому) университету, касающихся путей приобретения и сохранения этой организацией университетского статуса. Тезисы, разработанные в 1995, 2005, 2021 гг. представляют собой интересный документальный источник по истории развития российских университетов и одновременно по истории развития российской академической этики. Автор показывает, как от общей и формальной постановки вопроса о путях превращения бывшего советского вуза в настоящий университет, НИИ Прикладной этики перешел к раскрытию перед своим адресатом всей широты непрагматических университетских ценностей, а от него – к конкретизации миссии университета в условиях организации, специализирующейся на предоставлении высшего инженерного образования. Так как тезисы НИИ Прикладной этики являются не только практическими рекомендациями, но и содержательными манифестами по некоторым вопросам академической этики, автор проделывает реконструкцию и проводит частичную критику того понимания назначения университета и опасностей, грозящих ему в современном (в том числе российском) обществе, которое используется в тезисах для консультирования руководства и академического сообщества конкретного университета.

Ключевые слова: академическая этика, миссия университета, университетские ценности, факторы деуниверситетизации, НИИ Прикладной этики.

Три последовательных обращения НИИ Прикладной этики к своему основному клиенту по консультационной деятельности, к своей институциональной площадке – Тюменскому индустриальному университету (ранее Тюменскому нефтегазовому университету) создают очень интересный срез сразу двух процессов, протекавших в постсоветской России.

Это, прежде всего, изменение самих университетов, для которых в советский период были совершенно очевидными их социальная ниша и функциональное предназначение. Вопросы «Что такое университет?» и «Как стать или остаться подлинным университетом?» для них тогда не стояли. В какой-то момент эта беспроblemная самоидентификация разрушилась и поиск новой идентичности наложился на решение задач простого самосохранения или выживания

в качестве научных и образовательных центров. Эта ситуация, в которой переплелось много внутренних и внешних факторов, поставила перед руководством университетов, сообществами университетских преподавателей, отдельными преподавателями целый ряд сложных дилемм экономического, политического и нравственного характера. Попытки решить их сформировали «индивидуальные биографии» тех или иных образовательных организаций. Но общая динамика процесса во многом задавалась извне: состоянием рынка труда; государственной образовательной политикой; зигзагами в области доминирующей государственной идеологии; интеграционными процессами в мировом высшем образовании и изменениями позиции России в их отношении; технологическими трансформациями, создающими новые формы образования и т.д. Для российских вузов (даже тех, которые к рубежу 1990-х гг. уже были университетами) тридцать постсоветских лет оказались парадоксальным образом годами параллельной университетизации и деуниверситетизации. Разные внутренние и внешние силы работали в этих направлениях, создавая в каждый конкретный момент новую уникальную диспозицию, которая по сути своей была ситуацией морального выбора коллективных субъектов. Тезисы НИИ Прикладной этики откликаются на эту изменчивую реальность, акцентируя для своего адресата неизбежность принятия решений, формирования коллективных традиций и индивидуальных установок, которые внутри потока изменений позволили бы ему оставаться университетом и быть собой.

Второй процесс касается уже российской прикладной, в частности, академической этики как направления этических исследований. С работой НИИ Прикладной этики связано выдвижение и распространение идеи – успешность прикладной этики зависит от успеха прямой коммуникации теоретика с профессиональными сообществами, а деятельность прикладного этика – проектно-инновационная, преобразующая моральные практики таких сообществ. Идея возникла задолго до того, как была инициирована череда тезисов, обращенных к Тюменскому индустриальному университету, но в случае с этими тезисами мы видим один из ярких примеров попытки воплотить ее в действительность: взять сообщество и организацию в период их трансформации (как ценностной, так и структурной) и обеспечить если не управление процессом (что было бы заведомо утопично), то, по крайней мере, направленное влияние на процесс. Ориентирами этого влияния являются идеал общественного блага и определенное представление о назначении или миссии университета. Они опосредствуют проекцию общеэтических ценностей в практику высшего образования, но, в соответствии с центральным убежде-

нием руководителя НИИ Прикладной этики, Владимира Иосифовича Бакштановского, это опосредствование происходит не во внутренней лаборатории теоретика-аналитика, а в коммуникации с теми, кто артикулирует ценности и нормы, одновременно соотнося с ними свое поведение (с членами сообщества, которые занимают разные позиции в иерархии, если перед нами это сообщество одновременно является организацией) [1, 2]. Тезисы-рекомендации представляют собой одну из форм подобной коммуникации, работа с представителями сообщества и экспертами над этическим кодексом университета – другую. Сообщество, с которым коммуницирует эксперт – прикладной этик, это не универсальное академическое сообщество и даже не общероссийское, в отношении которых понятия сообщества, или используемое в тезисах профессиональная корпорация, применимы лишь условно. А коллектив конкретного, имеющего хорошо известную авторам тезисов судьбу университета, в отношении которого они выступают не только в качестве консультантов, но и членов коллектива. Если же взглянуть на работу НИИ Прикладной этики шире, безотносительно к вопросу о продвижении проектно-инновационного метода, то можно сказать, что она создала важный канал, по которому этическая рефлексия в отношении университетской практики и деятельности профессора вошла в российский теоретический обиход. А три обращения НИИ Прикладной этики к своему университету маркируют этапы этого вхождения.

Первые тезисы НИИ Прикладной этики:

формальная постановка проблемы университетизации

Первые тезисы представляют собой формальную постановку задачи превращения Тюменского нефтегазового университета (в ближайшем прошлом – индустриального института) в подлинный, аутентичный университет. Слово «формальный» я использую в связи с тем, что в предложениях НИИ Прикладной этики 1995-го года преобладают характеристики университетского сообщества, связанные со способами его внутренней организации, с его качеством как объединения профессионалов, а не только с его содержательными целями. Университет охарактеризован как такое сообщество или такая корпорация, члены которой «осознали и согласовали свои интересы, свое понимание успеха». Хотя и без упоминания самого понятия «автономия», зафиксирован автономный характер этой корпорации: университет «не хочет жить по правилам, которые ему навязываются. Он стремится вырастить собственные правила честной игры и бережет их как корпоративные традиции». Независимость университетской корпорации *defacto* обеспечивается системой специфических обяза-

ностей и прав, которые приобретает добровольно присоединившийся к ней человек.

Та инстанция, от давления которой университет стремится быть свободным, становится очевидной, когда возникает такая характеристика университета как «живой организм гражданского общества». Это означает, что диктующим правила университетской жизни может быть прежде всего государство, противопоставленное гражданскому обществу. Однако в первых тезисах понятие гражданского общества также остается не нагруженным в ценностном отношении, не проясненным содержательно, а значит не задающим даже опосредованно цели университета. Его применение не преодолевает формализма, свойственного в целом этому документу.

Автономия университета для авторов тезисов проявляется не только в самостоятельном выстраивании внутренних «правил честной игры» и корпоративных обязанностей и прав, но и в свободном высказывании экспертных суждений по проблемам региона. Эта мысль закреплена в виде утверждения о принадлежности университетской корпорации к «элите региона», и выбор именно такого ее терминологического оформления очень интересен, особенно на фоне уже упомянутого причисления университета к «организмам гражданского общества». Понятие «гражданское общество» имеет отчетливо выраженные эгалитарные, а не элитарные коннотации. Встает также вопрос о том, как в середине 1990-х гг. мыслилась принадлежность университетского сообщества к элите региона, какими способами предполагалось обеспечить такую принадлежность. Но это требовало бы перейти от герметичного анализа тезисов к широкому историческому исследованию с привлечением дополнительного материала и результатов прямого интервьюирования авторов тезисов. Такова задача для будущих историков отечественной прикладной этики.

Полноценный университет не только по названию связывается в тезисах с феноменом профессионализма. Образовательную корпорацию формируют люди, «с продвинутой мотивацией на профессиональный успех», они же в наибольшей степени заинтересованы в ее успешном становлении. Способ, которым должна производиться «университетизация» технического вуза – это «поддержка действующих и возникающих в Университете “островков” успешных профессионалов». Понимание профессионализма, разделяемое авторами тезисов, прямо ими не раскрыто, однако очевидно, что оно не является тривиальным, отождествляющим профессионала с высококлассным специалистом в какой-то сфере трудовой деятельности. Это можно утверждать на основе того, что 10-й тезис фиксирует некоторые ключевые проблемы профессиональной деятельности именно в

узком или собственном смысле: проблему автономии профессионала (в данном случае – академической свободы) и проблему специфики управления коллективами профессионалов. С одной стороны, с точки зрения авторов тезисов, императив коллективного успеха корпорации определяет характерное для нее разделение труда и ее иерархию («структура, [где] каждый субъект вносит свою лепту», «организм, в... [котором] ясно, кто за что отвечает, каково доленое участие каждого»). Но с другой стороны, они понимают, что университет не может быть организован как конвейерное производство и управляться как бизнес-фирма или бюрократическое ведомство. Поэтому в тезисах возникают: формулировка «право на индивидуальный успех» и утверждение «ректор – первый среди равных». Мы не видим пока раскрытия темы академической свободы в той части, которая связана с профессиональной автономией профессора, но определенный заход к ее постановке уже сделан.

**Вторые тезисы НИИ Прикладной этики:
миссия университета и ценности академической практики**

Вторые тезисы уходят от формальной постановки задачи университетизации к ее содержательному раскрытию. В них присутствует вполне проясненный образ университетских ценностей, с которым можно спорить или соглашаться, но невозможно игнорировать, в том числе из-за мощного эмоционального посыла, пронизывающего тезисы. Если первое обращение НИИ Прикладной этики выглядит как своего рода предварительный брифинг, проведенный консультантом со своим клиентом, то второе – воспринимается как мировоззренческий манифест или вдохновляющая речь. Хотя задачи, поставленные в этом манифесте, имеют локальный фокус – это судьба собственного университета, решение этих задач возможно лишь в широком теоретическом и ценностном контексте. Создать университет и не потерять уже созданный можно лишь в том случае, если имеется понимание того, что такое университет. Однако понимание это может оказаться совершенно бессмысленным, если оно не находит точек соприкосновения с жизнью конкретного академического сообщества и конкретной организации, со всеми ее особенностями и несовершенствами. Идеал не может быть реализован даже в той мере, в какой вообще возможна реализация идеалов, без обнаружения тех локализованных во времени и пространстве ситуаций, в которых может произойти частичное восхождение к идеалу. Из таких частичных восхождений складывается, как мозаика, любое самосовершенствование. Авторы тезисов находятся в поиске этих точек соприкосновения и потенциальных ситуаций роста, позволяющих решить проблему общего и уникального в процессе институциональной трансфор-

мации. Они задаются вопросами об источнике миссии конкретного университета. Каков он: универсальный эталон, подражание другим, зрелым университетам или непосредственное осознание собственной уникальности? Они пытаются нащупать оптимальные способы обнаружения этой миссии. Что поможет ее найти: процесс рационального поиска или озарение, откровение, спонтанное открытие? Отвечая на последний вопрос, они склоняются в сторону рационального поиска, который осуществляет челночное движение между «идеальной моделью» и реалиями, сложившимися в стране, регионе и конкретной организации.

Каковы контуры идеала, с которым работает НИИ Прикладной этики в 2005-м году? Первая линия этих контуров – представление о профессионализме или «высокой профессии». Деятельность в сфере высшего образования мыслится как деятельность, обладающая статусом «высокой профессии», «считается профессией потому, что она несет в себе особую социальную миссию и ответственность перед обществом». Университетское сообщество воспринимается как профессиональное сообщество («Университет – корпорация. Корпорация – организация. Корпорация – профессиональное сообщество»). Профессионализм выступает как требование к членам сообщества и предмет его организованных усилий («рефлексирующий университет считает своей особой заботой культивирование ценности профессионализма»). Профессионалом является не только университетский преподаватель, но и студент университета – потенциальный профессионал (университет ориентируется на «модель выпускника как... профессионала, ориентированного на ценности профессиональной этики»).

Выражение специфики университетской практики на языке профессионализма является очень устойчивой тенденцией в теории высшего образования. Классический вариант такого подхода мы находим у классика современной социологии и академической этики Эдварда Шилза [25, 26, 27]. Он очень удобен в качестве фона для понимания особенностей «идеальной модели» университета, используемой в тезисах НИИ Прикладной этики. Шилз берет за точку отсчета то обстоятельство, что любой профессионал (врач, юрист, инженер и т.д.), опирающийся на недоступное обычным людям знание, которое касается его специальности, должен быть человеком, заслуживающим доверия общества и клиентов. Такое доверие обеспечивается наличием саморегулирующегося профессионального сообщества, выдвигающего нормативные стандарты, и развитыми индивидуальными представлениями о профессиональном долге, призвании, служении у каждого его члена. Однако у «академической про-

фессии» (университетского преподавателя) есть своя очевидная специфика. Медицина, юриспруденция и инженерная практика «имеют дело с относительно ограниченными частями систематически изучаемого и получаемого знания, в то время как академическая профессия посредством внутреннего разделения труда перекрывает все пространство такого знания» [27, 112]. Внутри этой профессиональной практики знание не *применяется*, а *приобретается и передается* (речь идет как о знании о мире, так и знании о методах, на основе которых знание о мире формируется и удостоверяется) [27, 113].

Э. Шилз подчеркивает, что член академического сообщества имеет особое отношение к «истинам о конкретных предметах» и «истине вообще», истине как таковой. Он верит в ее существование и содействует расширению истинного знания. Университет выступает в качестве основной социально организованной формы, в которой стремление к истине и рациональное исследование мира реализуют и – в процессе обучения студентов разных уровней – воспроизводят себя (словами Шилза, университет «поддерживает» академическую жизнь) [27, 108]. Конечно, университет – это еще и одно из самых распространенных мест, где люди обучаются неакадемическим специальностям, становятся не исследователями, а профессионалами-практиками, однако образование такого рода присутствует в университете только в той степени, в какой от профессионалов-практиков требуется освоение систематического знания и развитие способности к рациональной оценке данных за пределами выполнения рутинных задач [27, 109]. Обобщая, можно сказать, что для Шилза профессионализм в университете – это профессионализм производства и передачи знания. Истинное знание выступает как ключевая ценность, определяющая социальную миссию университета. Вклад университета в общественное благо определяется его способностью обогащать истинную картину мира и расширять познавательные возможности людей.

Примечательно, что в тезисах НИИ Прикладной этики 2005 г. эта линия в понимании университетского профессионализма совсем не доминирует. Университетские ценности, или «мировоззренческие аспекты» академического профессионализма, сконцентрированы на другом. Ключевые понятия в этом случае – «миссия формирования Человека» и «духовное производство человека». Целью университета, по тексту тезисов, является социально-антропологическое совершенствование, формирование определенного человеческого типа. «Университеты создают предпосылки для личностной автономии и самоопределения выпускников», выходящий из стен университета человек «ставит задачи, а не только выполняет их». Применительно к

какой-то конкретной области практической деятельности эта формулировка фактически является определением профессионализма (вернее, одним из компонентов такого определения, наряду со специальным образованием, развитой идентификацией с профессиональным сообществом и устойчивыми представлениями о профессиональном служении). Однако в тезисах подчеркивается, что университет формирует такой тип личности, который проявляет способность к автономии «не только в профессиональной, но и в общественной сфере». Основным продуктом университетского образования – это не только профессионал, а «интеллектуал», ассоциируемый в тексте со «средним классом» и «гражданским» и «открытым» обществом. «Университет призван образовывать человека, адекватного гражданскому обществу, независимую самостоятельную личность с развитым чувством собственного достоинства, способную принимать свободное решение и быть ответственной за него, умеющую жить в условиях открытого общества, в ситуации неопределенности».

Отсутствие упоминания знания и познавательной деятельности в тезисах вызывает определенные вопросы с точки зрения комплексного, целостного подхода к назначению университета. Интересно было бы понять, что именно привело НИИ Прикладной Этики к такому варианту артикулирования университетских ценностей. Ведь центральные исследователи института неоднократно подчеркивали первостепенную значимость и системообразующий для университета характер ценности знания (примеры из последних публикаций: «профессиональная этика... помещает заботу [университета] о потребностях экономики в более широкий контекст: Мира в целом, Общества, Культуры, Знания, Личности» [3, 106], «ключевые ценностные составляющие профессорского дела... связаны с производством научного знания, его воспроизводством и применением» [4, 148] и т.д.) Герметичный анализ тезисов не позволяет определиться с ответом на этом вопрос.

По моему мнению, миссия современного университета формируется на основе ряда ценностных ориентиров, имеющих более и менее тесную связь с прагматическими потребностями экономики и общественного управления. Некоторые из этих ценностных ориентиров выступали в качестве «станового хребта» отдельных пониманий сути университета, но в широкой исторической перспективе они оказываются лишь аспектами целостной миссии этого учреждения. Я размещу их в порядке убывания прагматической составляющей.

Во-первых, это ценность эффективного квалифицированного труда, опирающегося на научное и технологическое знание. Университет является профессиональной школой в смысле подготовки к

такому труду. В отсутствии этой роли он оказался бы безнадежно маргинализированным явлением. Все иные целеполагания университета были бы неосуществимыми, если бы в него не стремились попасть люди, планирующие стать востребованными специалистами в различных сферах материального, духовного производства и общественного управления. Эти сферы заинтересованы в специалистах, университет возвращает их, но не ограничивается этой функцией.

Во-вторых, это ценность профессионализма, которая надстраивается над ориентированным на знание квалифицированным трудом. Социальный и экономический прагматизм в этом случае также присутствует вполне очевидно, поскольку связка «профессиональный труд» – «профессиональное сообщество» – «профессиональное служение» («профессиональный долг») является мощным экономическим фактором. Творческое и бескомпромиссное отношение к своему делу профессионала эффективно, хотя и не всегда удобно для бюрократических и менеджерских инстанций.

В-третьих, это ценность знания и познания (в некоторых возвышенных и в своей возвышенности уязвимых интерпретациях – истины). Это основание гумбольдтовского образа университета и его современных воплощений, существующих под рубрикой «исследовательский университет» [5]. Упомянутый ранее Шилз – яростный защитник доминирования этой ценности. Есть и иные артикуляции данного подхода, ставшие классическими [21]. Прагматический аспект в этом случае слабее, но он не исчезает в связи с практической востребованностью научного знания.

В-четвертых, это ценность сознательного критического гражданства или шире – критического мышления, направленного не только на существующую систему социальных институтов, но и на ее культурные опоры. Таков образ университета, восходящий к Джону Дьюи [6] и разделяемый многими представителями современной леволиберальной интеллигенции [13, 24]. Университет действительно имеет ни с чем не сравнимые возможности в этом отношении, но сосредоточившись только на социально-критической деятельности мгновенно теряет их. Эта ценность также не лишена прагматического смысла, но это не прямолинейная прагматика сиюминутной экономической выгоды, а прагматика социальной инженерии, направленной на достижение общественного блага.

В-пятых, это ценность личностного самоопределения и личностной самореализации индивидов. Корни ее осмысления уходят в труды Джона Стюарта Милля [23, 10] и Джона Генри Ньюмена [8]. Университет – это место, где финализируется или подходит к очень важному промежуточному итогу процесс становления личности, и атмос-

фера постоянного освоения нового знания, расширения мировоззренческих горизонтов, свободной критической коммуникации создают уникальные возможности для поиска и обретения студентом самого себя [19, 20]. Здесь прагматика оказывается очень косвенной, но не исчезает полностью. Общество личностей, свободно и успешно реализовавших себя, имеет много преимуществ по сравнению с обществом, где люди нерелексивно или вынужденно (из-под палки) выполняют социальные функции и роли.

Миссия университета (в целом или какого-то конкретного) складывается на основе приведения в равновесие этих ценностей. В тезисах НИИ Прикладной этики 2005-го года я вижу стремление к такому уравниванию, призыв к его коллективному поиску и определенный предварительный результат, полученный в попытках его достичь.

***Вторые тезисы НИИ Прикладной этики:
источники деуниверситетизации
и способы противостояния ей***

Постановка позитивных задач, связанных с продолжающимся превращением советского вуза в современный университет, совмещается в тезисах с рекомендациями, касающимися факторов, препятствующих этому процессу. Первый такой фактор – «надвигающаяся коммерциализация, способная в крайнем своем проявлении подорвать соответствие университета своей миссии в обществе, идее университета, призванию высокой профессии».

Советский вуз, в соответствии с опасениями НИИ Прикладной этики, может превратиться не в полноценный университет, а в «корпорацию, ориентированную на оказание образовательных услуг». В тезисах не отрицается необходимость участия университета в образовательном рынке, но это участие осмысливается в категориях получения дополнительных средств для поддержания существования и осуществления развития. Выход «мотива коммерциализации» за эти пределы «подталкивает университет к риску утраты идентичности, оборачивается утратой веры людей в бескорыстный характер образовательной и научной работы, ведущейся в стенах университета». Суть предложений НИИ Прикладной этики состоит в том, чтобы правильным образом выстроить приоритеты образовательной политики университета, не смешивать его высокие цели с приземленными средствами (похожий рецепт, кстати, предложен в отношении профессиональной деятельности в целом).

Если рассмотреть реакцию НИИ Прикладной этики на проблему коммерциализации университета абстрактно и внеконтекстуально, то легко увидеть ее многочисленные недостатки. Она выглядит несколь-

ко прямолинейной и односторонней. Я могу привести в подтверждение этого тезиса несколько соображений.

А. Она основывается на таком понимании профессионализма, которое можно было бы назвать гиперидеалистическим. Осознание профессионалом социальной миссии профессии и ее ответственности перед обществом, его установка на общественное служение и выполнение профессионального долга, безусловно, являются частью его профессионализма. Однако профессионализм все же является одной из форм организации оплачиваемого труда. Исторически ее специфика формировалась как специфика отношений между профессионалом и оплачивающей его деятельностью клиентом, отношений, которые различным образом опосредствованы профессиональным сообществом. Профессионал, кроме служения и долга, ориентирован на успех и признание, важным признаком которых является высокий уровень дохода (другой признак – репутация среди клиентов и коллег по сообществу). Присутствующая в тезисах оговорка про «честный заработок профессионала» не отражает эту комплексную картину и даже не создает достаточных сдержек для эксплуатации установки профессионалов на служение со стороны прижимистого нанимателя.

Б. Она односторонне рассматривает роль рынка образовательных услуг, связанного с рынком труда выпускников, в университетской практике. Участие в первом из двух этих рынков является для университета не только способом получить дополнительные средства в условиях хронического недофинансирования, но и своего рода зеркалом эффективности его образовательных стратегий. Как и любой рынок, этот рынок выступает в качестве механизма оценки того, что делают его участники. Я не пытаюсь воспроизводить неолиберальные догмы, не идеализирую этот механизм, не считаю его единственным, но полагаю, что он очень важен. Не в последнюю очередь, как средство избавления от некоторых иллюзий и предрассудков, характерных для разработчиков стратегий развития университетов.

В. Она не принимает в расчет широкий контекст рынка образовательных услуг. Этот рынок задается меняющимися (и не только в худшую сторону) запросами потребителей и условиями, в которых действуют наниматели выпускников. Общество и государство могут создавать спрос на специалистов такого типа, который не вызвал бы у авторов тезисов тех нареканий, которые имплицитно содержатся в критике коммерциализации высшего образования. Рынок с данным случае всего лишь поддерживает конкуренцию университетов между собой за возможность формировать таких специалистов, а значит – за возможность продавать услуги. Ближайшая аналогия – различного

рода искусственные рынки типа рынка сокращений выбросов парниковых газов и т.д.

Г. Она не учитывает, что коммерциализация затрагивает не только сферу образовательных услуг, но и другие области деятельности университетов. Я имею в виду выход университетов на (во многом тоже искусственный) рынок научно-исследовательских проектов и (уже совсем не искусственный) рынок научно-технологических разработок. В этой сфере и пагубные, и благотворные эффекты коммерциализации университета выглядят уже совсем не так, как в тезисах НИИ Прикладной этики. Пагубные при этом интересным образом пересекаются с содержащейся в тезисах критикой технократизма.

Однако если контекстуализировать обсуждаемый документ и не воспринимать его как полноценный исследовательский текст по проблеме коммерциализации высшего образования, то эта односторонность и прямолинейность выглядят вполне извинительными. Мы имеем срез приоритетных практических проблем, которые стояли перед российскими университетами 1990–2000-х гг. Опыт существования в российских рыночных реалиях давал (да и сегодня во многом дает) не много оснований для оптимизма, для ожиданий того, что позитивные стороны коммерциализации компенсируют негативные. Это обстоятельство и отразилось в тезисах.

Второй источник деуниверситетизации, осмысляемый авторами тезисов как возвратное движение в сторону советского вуза – это идеологическое давление, работающее как против реальной автономии университета и членов академического сообщества, так и против автономии личности, выступающей в качестве важнейшей университетской ценности и одновременно высшей ценности гражданского общества. В тезисах это давление представлено в виде «тенденции неотрадиционализма в воспитании». Для носителей неотрадиционалистской установки «стремление человека к выбору определяет прежде всего как покушение на незыблемость канонов, сформировавшихся в предшествующую эпоху». Их «выбор прошлого» может быть простым «невинным побуждением продлить [его] очарование». Но в своем логическом финале он, как правило, превращается в «попытку протолкнуть в массовое сознание идеологию тоталитаристского реваншизма». В тезисах эта неотрадиционалистская тенденция, вытесняющая «либеральные ценности», сдерживаемые в своей реализации «здоровым консерватизмом», охарактеризована исключительно как тренд общественного сознания, осуществляющий давление на центры принятия решений и находящий спорадическое воплощение в управленческих решениях или законодательных актах. Это была одна из идеологий, которые присутствовали тогда на рос-

сийском «рынке идей», и она пользовалась на нем достаточной популярностью. Однако со временем «выбор прошлого» занимает все более и более прочные позиции внутри системы мировоззренческих установок, используемых на государственном уровне. Соответственно, меняются способы воздействия «выбора прошлого» на университет. В результате, под угрозой оказывается автономия университета в целом и автономия каждого конкретного университетского профессионала. Обсуждаемая в тезисах проблема превращается в проблему сохранения одного из важнейших аспектов академической свободы.

Какие средства предлагал НИИ Прикладной этики для противостояния с «выбором прошлого» и «тоталитаристским реваншем»? Преимущественно воспитательные: «Ориентация воспитания на освоение потенциалов свободы (воспитание выбором, вариативное образование и т.д.) на основе ценностей гражданского общества (в сотрудничестве либеральных ценностей со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности)». Это вполне понятно, поскольку именно воспитание позволяет менять ситуацию на «рынке идей» или, вернее, в меру сил воздействовать на нее. Однако в новой ситуации такие меры оказываются недостаточными, академическая свобода нуждается в защите здесь и теперь, а не в перспективе долговременного изменения социальной и политической культуры.

И в этом смысле парадоксальным образом меняется роль рыночной ориентации университета (его коммерциализации). Это изменение можно представить на основе особенностей профессионализма в собственном или, используя терминологию тезисов НИИ Прикладной этики, «высоком» значении этого слова. Согласно позиции Элиота Фрейдсона, профессионализм это такая форма организации труда, которая находится между бюрократическим управлением и рыночным регулированием [18, 14]. Она в своей специфичности оказывает сопротивление бюрократизации, и маркетизации. Однако в современном обществе она какой-то своей частью погружена и в рынок труда, и в бюрократические управленческие вертикали. Профессионал зарабатывает на конкурентном рынке и часто принадлежит к иерархически организованным, частью – государственным институтам (больницам, университетам и т.д.). Подвергаясь давлению со стороны рынка и бюрократии, профессиональные сообщества сохраняют свою автономию в том числе, за счет того, что противопоставляют одно другому. С помощью обращения к рынку профессионального труда сопротивляются бюрократизации, а с помощью обращения к централизованному управлению сопротивляются разлагающей

их сквозной коммерциализации. Эта особенность их положения касается и идеологической ангажированности, которая реализуется через вертикальные, бюрократические каналы. Обращение к коммерческой эффективности и ее непереносимым условиям позволяет облегчать идеологическое давление, отражать конъюнктурные политико-морализаторские интервенции. Конечно, защита автономии университета может и должна осуществляться на основе прямой апелляции к праву профессора высказывать свою аргументированную в соответствии с академическими стандартами позицию по любым вопросам (прежде всего, по актуальным вопросам общественной жизни). Но дополнительным способом ее отстаивания является апелляция к тому, что исполнение идеологических функций является обузой, которая уничтожает экономический потенциал университета (типичный «советский вуз» со всеми такими «обременениями» является ярким примером подобной неэффективности).

Третья угроза университетской форме организации высшего образования, по мнению авторов тезисов – технократизм. При этом они делают оговорку, что выдвигание на первый план этой угрозы связано с особенностями их собственного университета, который наследует индустриальному институту, а в недалеком будущем, как мы знаем, превратится в индустриальный университет. «Инженерное мышление с присущей ему технической рациональностью» имеет тенденцию вытеснять «мировоззренческие ориентиры» и содействовать превращению высшего образования в процесс «формирования «функционального» человека». Лекарством от этого недуга авторы тезисов считают «гуманитаризацию образования в университете».

В каком-то смысле это верный диагноз. Технократический подход блокирует возможность развития у выпускников и функционирования у преподавателей ценностной, этической стороны профессионализма. Он слабо совместим с превращением университета в школу критического мышления и пространство индивидуальной самореализации. И даже более того, он всерьез заставляет ориентацию на получение и передачу знания потесниться, поскольку не всякое знание представляет ценность для «технической рациональности». Однако, вместе с тем, это лишь частичный диагноз, и поэтому опирающиеся на него методы лечения не могут быть достаточно эффективными. Уже то, что технократизм девальвирует ценность негуманитарного, но при этом не подлежащего мгновенной технологической операционализации знания, показывает, что гуманитаризация образования не способна преодолеть технократические тенденции. Если смотреть на проблему, поднятую в тезисах, не через призму биографии индустриального университета, а шире, то она выходит

далеко за пределы противостояния инженерного и гуманитарного подходов. Я никогда не работал в индустриальном или политехническом университете, но мой опыт работы в вузах или на факультетах, изначально ориентированных гуманитарно, показывает, что пренебрежение «мировоззренческими ориентирами» и функционализация образования могут быть не связаны с инженерным наследием университетского менеджмента.

Другими словами, упомянутая в тезисах рассогласованность «целе-рациональных и ценностно-рациональных ориентаций» представляет собой более широкое явление. Она стоит за такими процессами как менеджериализация и бюрократизация университета. Именно их я бы назвал ключевыми источниками деуниверситетизации, хорошо понимая, что это не просто «злые демоны», напавшие на несчастный университет, а объективный результат нескольких процессов, которые давно происходят с высшим образованием и обществом в целом и вряд ли могут быть обращены вспять. Но в любом случае тема оптимального способа управления университетом, который является сообществом и организацией одновременно, поднятая в первых тезисах, не нашла развернутого выражения во вторых, хотя тематика технократизма вполне могла бы вывести на нее.

**Третьи тезисы НИИ Прикладной этики:
индустриальный университет и академический реализм**

Последние тезисы НИИ Прикладной этики характеризует резкое изменение фокуса и пафоса рекомендаций. По целому ряду проблем и задач они смыкаются скорее с формалистскими тезисами 1995-го года, чем с идеалистическими и ориентированными на преобразование общества, культуры и человека посредством высшего образования тезисами 2005-го года. Задача сохранения университетского статуса и университетского качества собственной организации уходит в бэкграунд внутреннего консалтинга Тюменского индустриального университета и заменена, в основном, на задачу обеспечения его конкурентоспособности в сравнении с другими университетами, преимущественно относящимися к Западносибирскому региону. Такое целеполагание позволяет поставить и проанализировать ряд дополнительных проблем, но выводит авторов тезисов и их адресата за пределы обсуждения непрагматических составляющих миссии современного университета. Конечно, в тезисах встречаются характеристики подлинного университета и призывы к необходимости их сохранения, но и описание характеристик, и сами призывы крайне лаконичны. Они не выступают в качестве лейтмотива. В тезисах есть перечисление признаков университета: «академическая автономия, академическая честность, автономные научные исследования, каче-

ственное образование и т.д.». Дано определение автономии университета как «научно-образовательной корпорации» – это «особое внутреннее устройство... “общества внутри общества” со своим университетским этосом, включающим неписанные правила интеллектуальной честности, доверие, солидаризацию различных групп интересов, по-своему выражающих идентичность университета». Упоминается «объективная значимость профессорства», но без расшифровки, в чем профессорство состоит и почему оно объективно значимо. Однако ни задача формирования Человека, ни задача защиты и развития гражданского общества, ни идеал академической свободы (конечно, не тождественный способности профессора вести «автономные научные исследования») не упомянуты.

Каковы те дополнительные проблемы, попадающие в фокус внимания авторов тезисов, о которых я упомянул выше? Их рассмотрение начинается с «реалистического» вопроса «в каких сферах университет может сегодня самостоятельно делать свой выбор и принимать ответственность за него, а в каких его самоопределение минимально?», а список начинается с обсуждения потенциальной роли индустриального (в прошлом – нефтегазового университета) в «зеленом переходе». В целом это вполне актуальная проблема, поскольку в переходный период именно правильно выбранные способы обращения с традиционными энергоносителями обеспечивают устойчивость находящихся в очень уязвимом состоянии экономик. У этой комплексной социально-экономической проблемы есть своя технологическая сторона. Поэтому «согласованная проектно-ориентированная работа всех корпорантов [индустриального] университета (администраторов, преподавателей, студентов)» в этом направлении действительно может обеспечить ему лидирующие позиции среди исследовательских и образовательных центров региона, и даже страны. Эта работа может быть успешно монетизирована на рыночной или бюджетной основе и т.д. и т.п.

Вторая проблема – устойчивость университета в условиях расширения заданных ему извне формальных показателей успешности. Устойчивость трактуется в тезисах в разных отношениях, в том числе как устойчивость перечисленных признаков подлинного университета.

Третья проблема – единство и солидарность университетского сообщества. Тезисы фиксируют «обособление разных групп внутри университета (преимущественно, исходя из имеющихся в их распоряжении экономических ресурсов) и, как следствие, ослабление доверия и солидаризации». В условиях обособления частей сообще-

ства университету трудно оставаться «объединением равных людей на основе взаимного соглашения с целью обучения и исследований».

У меня эта постановка проблемы вызывает двойственные эмоции. С одной стороны, это аргумент в защиту академической демократии, которая является фундаментом автономии университета (по всей видимости, гораздо более широкого явления, чем в определении, данном НИИ ПЭ). Монополизация властных полномочий и ресурсов опасна везде, в том числе в университете. Это прямой путь к стагнации и созданию коррупционных соблазнов. Но с другой стороны, в подчеркивании роли солидаризации сообщества содержится намек на неприятие конкурентной внутриуниверситетской политики. Консервативно-солидаристский взгляд на сообщество как на монолит, существующий на основе единой и единственной идентичности в не меньшей степени чреват эксцессами взаимного недоверия. Он сопряжен с неизбежным появлением ревностных поборников единства и аутентичной традиции, иницирующих деструктивную борьбу с «раскольниками». Консервативно-солидаристский взгляд на академическое сообщество во многом был характерен для упомянутого ранее Шилза и вызывал вполне справедливое неприятие многих комментаторов его труда «Академическая этика». Ведь университетское или академическое гражданство носит, в конечном итоге, не солидаристский, а плюралистический характер [22, 12].

Четвертая проблема – включение академического сообщества в инновационную деятельность. Как и другие институты, ориентированные на нее, университет стремится быть продуктивным инноватором. Однако, по мнению авторов тезисов, есть две особенности, отличающие его от других субъектов инновационной деятельности. Университет не только производит инновации, но и «готовит [индивидуальных] инноваторов для различных сфер». Эти два процесса должны быть органично связаны и поддерживать друг друга. Кроме того, университет в силу того, что он претендует на то, чтобы быть одним из центров ценностной рефлексии общественной практики, начинает генерировать «экспертное знание в отношении этики вводимых инноваций». Он является одной из площадок гуманитарной экспертизы, причем такой площадкой, которая обладает эксклюзивным пулом экспертов и эксклюзивным опытом организации дискуссий.

Пятая проблема – адаптация университетского образования к процессу цифровизации. Она поставлена в тезисах предельно радикально – университет не столько должен перевооружиться в связи с новыми возможностями и защититься от новых угроз, сколько создать анклав нецифрового и нецифровизируемого образования. Проблема, соответственно, состоит в том, сможет ли он это сделать,

одержит победу или потерпит поражение. Университет нужен для «трансляции “неявного знания”, практических умений, традиций и ценностей научного этоса». И сегодня ему «предстоит определить свой потенциал, свои авангардные позиции в отношении производства образования, которое невозможно оцифровать».

Мне не совсем понятен этот радикализм и кажется, что он связан с определенным недопониманием преимуществ и комплексного характера цифрового образования. Проблемы, связанные с цифровизацией – это проблемы роста и переходного периода, совмещенные с проблемами недобросовестного использования цифровых технологий для профанирующей высшее образование экономии бюджетов (см. подробнее: [9]). Позиция «университет – бастион нецифровизируемого образования» привлекательная для людей, не желающих предпринимать попытки к изменению подходов и навыков, сформированных в университете «кирпича и строительного раствора». Но их попытки плыть против течения только затрудняют поиск способов, которыми преимущества традиционного университета могли бы сохраниться в цифровом.

Если посмотреть на этот ряд проблем (кроме третьей, мною уже прокомментированной, и пятой, которая носит универсальный для университетской практики характер), то читатель тезисов безошибочно узнает тип университета, в котором они являются центральными. Это предпринимательский университет или университет с существенными признаками предпринимательского. Напомню, что в виде теоретической модели, обобщающей практику разных университетов, предпринимательский был описан в трудах Генри Ицковича. Такой университет развивается в условиях снижения государственного финансирования в целом или государственного финансирования «по умолчанию». Его главной чертой является активное развитие внутриуниверситетских структур, отвечающих за превращение результатов исследовательской деятельности а) в технологические инновации, б) в защищенную интеллектуальную собственность, способную приносить доход. В таком университете возникает единая инфраструктура инновационной деятельности, которая соединяет научные исследования, их технологическую адаптацию и рыночное продвижение (система внутриуниверситетских стартапов). Условием эффективной работы такой инфраструктуры является гибкость и множественность внутриуниверситетских статусов и ролей. Ученый, увидевший потенциал практического применения и коммерциализации своих исследований, имеет возможность создать предпринимательскую структуру либо непосредственно в университете, либо на условиях сотрудничества с ним. Но у него остается возможность вернуться как к финан-

сируемым государством исследованиям, так и к преподавательской работе в зависимости от судьбы стартапа. Казалось бы, такая гибкость и подвижность препятствует выполнению образовательной функции университета. Однако это не обязательное следствие. В поиск знания, которое превращается в капитал, широко вовлекаются студенты и аспиранты. Для этого в рамках академических стартапов может быть даже больше возможностей, чем в рамках классических грантовых исследований. По Ицковичу, хороший предпринимательский университет может производить технологические продукты, патенты, научные статьи и квалификационные работы как единое «бесшовное полотно» [7, 15, 16, 17]. Именно в этом случае он является идеальным инкубатором для производства «инноваторов».

Конечно, содержание третьих тезисов при их сравнении с предыдущими не может не привести к возникновению вопроса: «Почему такой поворот?» От возвышенного идеализма в описании миссии классического университета, от пафоса академической свободы и гражданского общества, от радикальной критики технократизма рекомендации НИИ Прикладной этики переходят к подчеркнуто скромной репрезентации прагматических ценностей университета и акцентированию его инновационно-технологических задач. Я не принадлежу непосредственно к творческой лаборатории НИИ Прикладной этики, хотя косвенным образом причастен к его деятельности. Поэтому я могу высказать лишь некоторые гипотезы, которые не столько противостоят, сколько дополняют друг друга (полагаю, что причастность к работе НИИ Прикладной этики дает мне право на высказывание таких гипотетических суждений).

Первая гипотеза: возможно, что в процессе выработки рекомендаций региональному индустриальному университету, сотрудники НИИ Прикладной этики постепенно пришли к выводу, что предпринимательский университет является наиболее приемлемой, хорошо работающей моделью университетской жизни для их организации. Когда-то в прямом диалоге с В.И. Бакштановским я пытался показать, что некоторые его пессимистические выводы, касающиеся тенденций в развитии современного университета, могут быть смягчены, если признать такие новые модели университета, как модель Ицковича, полноправными реализациями идеи или миссии этого учреждения [11]. Можно предположить, что дальнейшая рефлексия специфики и возможностей Тюменского индустриального университета осуществлялась на основе именно такой посылки, выраженной более или менее радикально.

Вторая гипотеза предполагает, что за поворотом стоит реализм гораздо более общего типа, уже не связанный с характеристиками

адресата, к которому обращены тезисы НИИ Прикладной этики. В недавней беседе с британским философом образования Полом Гиббсом я столкнулся с тезисом моего собеседника, что университет – это такая форма коллективной жизни, которую надо рассматривать по принципу «да» или «нет», что университет есть только там, где успешно нашел выражение весь комплекс университетских ценностей (особенно важны стремление к истине и индивидуальной самореализации, успешный поиск членами сообщества самих себя). Отсюда вытекает следующая мысль, что университет это редкое, не тиражируемое в «промышленных масштабах» явление, которое ни при каких условиях не сравнится по охвату обучающихся в нем студентов с высшими профессиональными школами. Реалистическим противовесом этой позиции является высказанная тогда мною мысль, что университетская жизнь хороша в любых дозах. Ее следует приветствовать и как дополнение к преимущественно профессиональному обучению. В более общем виде: необходимо стремиться получить ровно столько университетской или академической жизни, сколько ее может получиться в данных, конкретных условиях. Не исключено, что авторы третьих тезисов НИИ Прикладной этики руководствовались при их составлении каким-то похожим правилом.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* На пути к инновационной парадигме: становление Товарищества «Прикладная этика» В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова // *Этическая мысль.* 2013. Вып. 13. С. 246–260.
2. *Бакштановский В.И.* У истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики // *Ведомости прикладной этики.* 2015. Вып. 46. 210–252.
3. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Перспективы этики профессора в ситуации трансформирования университета // *Ведомости прикладной этики.* 2020. Вып. 55. С.105–132.
4. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета // *Ведомости прикладной этики.* 2018. Вып. 51. С.127–165.
5. *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // *Университетское управление: практика и анализ.* 1998. № 3(6).
6. *Дьюи Дж., Дьюи Э.* Школы будущего // *Свободное воспитание.* 1916/1917. № 4–5.

7. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты–предприятия–государство. Инновации в действии. Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
8. *Ньюмен Дж.Г.* Идея Университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.
9. *Прокофьев А.В.* Милль Дж.С.: философское исследование миссии университета // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2. С. 184–196.
10. *Прокофьев А.В.* Цифровизация университета: угрозы и возможности // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 57. С.10–33.
11. *Прокофьев А.В.* Экономический вызов университету: этическая рефлексия // Ведомости прикладной этики. 2018. Вып. 51. С. 9–31.
12. *Прокофьев А.В.* Этика профессора и идея академического гражданства // Ведомости прикладной этики. 2020. Вып. 55. С. 20–41.
13. *Aronowitz S., Giroux H.A.* Education Still under Siege. Westport: Bergin and Garvey Press, 1993. 243 p.
14. *Brint S.* Saving the 'Soul of Professionalism': Freidson's Institutional Ethics and the Defense of Professional Autonomy // Knowledge, Work & Society. 2006. Vol. 4. № 2. P.100–129.
15. *Etzkowitz H.* Anatomy of the Entrepreneurial University // Social Science Information. Vol. 52. № 3. P. 486–511.
16. *Etzkowitz H.* Normative Change in Science and the Birth of the Triple Helix // Social Science Information. Vol. 50. № 3–4. P. 549–568.
17. *Etzkowitz H.* When Knowledge Married Capital: the Birth of Academic Enterprise // Journal of Knowledge-Based Innovation in China. 2013. Vol. 5. № 1. P. 44–59.
18. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001. 250 p.
19. *Gibbs P.* Happiness not Salaries: The Decline of Universities and the Emergence of Higher Education // Thinking about Higher Education / Ed. by P.Gibbs, R.Barnett. N.Y.: Springer, 2014. P. 37–53.
20. *Gibbs P.* Should Contentment Be a Key Aim in Higher Education? // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 49. № 3. P. 242–252.
21. *Keohane N.* Higher Ground: Ethics and Leadership in the Modern University. Durham: Duke University Press, 2006. 296 p.
22. *Macfarlane B.* The Academic Citizen: The Virtue of Service in University Life. London: Routledge, 2007. 201 p.
23. *Mill J.S.* Inaugural Address Delivered to the University of St Andrews // Mill. J.S. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 21. Essays on Law, Equality and Education. L.: Kegan and Paul, 1984. P. 215–257.

24. *Rorty R.* Education as Socialization and as Individualization // *Philosophy and Social Hope*. N.Y.: Penguin Books, 1999. P. 114–126.

25. *Shils E.* The Academic Ethos // *The American Scholar*. 1978. Vol. 47. № 2. P. 165–190.

26. *Shils E.* The Eighth Jefferson Lecture in the Humanities: Render unto Caesar... Government, Society, and the Universities in Their Reciprocal Rights and Duties // *Shils E.* The Calling of Education: The Academic Ethic and Other Essays on Higher Education. Chicago: The University of Chicago Press, 1997. P. 177–233.

27. The Obligations of University Teachers: The Academic Ethics [Edward Shils] // *Minerva*. 1982. Vol. 20. P. 105–208.

Университет как порождающая реальность номинация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эволюции университетской номинации от ее средневекового открытия к сегодняшнему состоянию. Само слово *universitas* прошло несколько стадий в смысловом развитии. Изначально оно обозначало рядовую городскую «корпорацию», а сама «корпорация магистров и школяров» по сути своей мало отличалась от других городских цехов. Более того, университет институционально выстраивался, подражая городским хозяйственным корпорациям, в частности трехступенчатой внутренней иерархии. Университет времени простого модерна (классический, гумбольдтский) сохранил со своими прообразами лишь метафорическую связь, по-прежнему считая себя корпорацией, но не являясь ею сущностно и формально. В эпоху высокого модерна университет превращается в легкую номинацию, приемлемую в целях символического самонаименования. Вторая четверть текущего столетия может стать временем повсеместного становления нового типа институции, название которой составлено из двух семантических компонентов – «устойчивый университет» – адекватно отвечающий на вызовы времени и гармонично сочетающий в себе разные публичные миссии.

Ключевые слова: университет, университетская корпорация, «устойчивый университет».

Sermo generatur ab intellectu, et generat intellectum.

*Дискурс порождается мышлением и порождает мышление*¹.

Пьер Абеляр. Христианская теология (1123 г.)

¹ Общепринятая версия перевода этой фразы Абеляра: «язык порождается мышлением и порождает мышление». По сути, такой перевод вполне корректный, однако уводит нас от смысла, который, как кажется, хотел выразить Абеляр. Безусловно, он имел в виду не просто «язык» (*lingua*), как повседневную коммуникацию, и даже не «речь» (говорение), что тоже правомерно было бы в таком переводе, а нечто более логическое, смысло-содержащее и, наконец, синтезирующее знание и веру. Абеляр, ведь, был концептуалистом. И поэтому, мне кажется, что современное слово «дискурс» более отвечает духу и мыслительному замыслу Абеляра, несмотря на очевидную терминологическую модернизацию, да простит меня главный эксперт по Абеляру, С.С. Неретина, за проявленную выше лексическую вольность. И не стоит забывать, что словом «*sermo*» вдобавок обозначалось еще логически связанное публичное обращение духовника к пастве, то есть собственно христианская «проповедь». В таком качестве, кстати, оно и закрепилось во многих современных европейских языках.

Если бы средневековому схоласту, участвовавшему в жарких спорах номиналистов и реалистов, предложили ответить на *вопрос о значимости имени «университет»*, то, скорее всего, он бы не узрел в такой постановке вопроса предмета для рефлексии, а тем более, дискуссии. Не говоря уж о том, что само понятие «университет» в те времена еще не связывалось с высшим образованием в нашем понимании (XI-XII вв.). Главное внимание философов и теологов тогда было сосредоточено на прояснении смысла самой категории «универсалия», еще не связанной с образовательными практиками. Термином *universalis* обозначались лишь общие понятия. Сторонники реализма (от латинского *res* – вещь) исходили из того, что общие понятия (универсалии) реально существуют независимо от внешнего мира, как они тогда писали – то были вещи «до» и «после». Их противники – номиналисты – напротив, видели в универсалиях лишь чистые «наименования» вещей (от латинского *nomen* – имя), которые существовали и предшествовали самим понятиям.

***Средневековый университет:
путь от nomen'a к institutio***

Однако именно XI-XII вв. в Западной Европе стали временами вполне бурного, даже по нынешним меркам развития образования и, прежде всего, частного. Создавались private школы (*scola*), а магистры свободных искусств (как независимые и территориально высоко мобильные «учителя») открыто и публично занимались просветительно-образовательной деятельностью, набирая себе учеников там, где им хотелось, и вещая то, что они считали важным и нужным. При этом, правда, сами слушатели в правовом смысле выступали в качестве «наимателей», составляя коллективные договоры с магистрами, регламентируя гонорары и помещения для учебных аудиторий. Между магистрами нередко шла жесткая конкурентная борьба за школяров и общественное признание, поэтому частные практики легко инициировались и внезапно прекращались, не получая дальнейшего институционального развития. Разумеется, большая часть этих школ существовали при духовных учреждениях и отчасти курировались канониками, таковы были особенности тех далеких образовательных «правил», и все же они не могут считаться просто церковными, но очевидно были уже чем-то большим. Скорее, их можно трактовать как мобильные и весьма неустойчивые философско-теологические школы, которые, разумеется, абсолютно далеки от более поздних и, тем более, современных университетских образцов [4]. Отсутствие генерирующей практики и родовой номинации закрывали перед ними институциональные перспективы. Партикулярное

образование топталось на месте, нужен был какой-то особенный толчок для прогресса. Им стала лексико-правовая категоризация прото-университетов. Движение пошло как бы – *от Слова к Делу*.

Первые университетские корпорации складывались с известным отставанием от частных школ, весьма эмерджентно и нередко на месте старых школ. Высшее образование (*stadium generale*) лишь постепенно выходило из-под жесткого церковного контроля и обрело близкий классическому типу автономный статус, открытый для учителей и учащихся всех наций. Разумеется, богословие в таких «генеральных» школах оставалось сердцевинной всего содержания этого образования, но относительно свободные философские споры и открытые дискуссии довольно быстро превратились в «институциональную» норму. Сам факт долгого существования академического теолого-философского спора номиналистов и реалистов говорит в пользу наступивших уже в XII веке, безусловно, новых времен.

Высшее образование, если позволительно будет так обозначить совокупную университетскую форму той эпохи, больше искало защиты у светских властей, хотя при этом открыто не вступало в конфронтацию с католической церковью. Она в свою очередь все реже напрямую вмешивалась в дидактику, но при этом довольно часто и грубо вторгалась в процесс академических противостояний. Отчасти ей удавалось сохранять за собой роль высшего теологического арбитра и в том числе, абсолютного монополиста на философскую истину. Утверждению этих новых принципов в образовании способствовали «университетские суды», в буквальном смысле каравшие «отступников» от нормативных знаний и веры.

Впрочем, не будем увлекаться излишним историческим схематизмом отметим лишь одно важное для нас обстоятельство становления университетов в Европе: само понятие «университет» относительно позднее, а его институциональное наполнение прошло сложный и долгий путь. По крайней мере, первый университетский «век» спокойно обходился без этой родовой номинации. Как же это понимать: протоуниверситеты по факту – существовали, а общее понятие не было еще в ходу? Именно так. И этот исторический факт чрезвычайно важен для понимания последующей и, в особенности, сегодняшней ситуации в развитии высшего образования. Практика и номинация – дивергентны, подпитывая «фактами-аргументами» реалистов и номиналистов одновременно. Не лишне вспомнить, что и термин «*alma mater*» вошел в обиход только с XIV века.

Известно, что изначально словом *universitas* обозначались любые сообщества людей, связанных взаимной присягой друг с другом (*corpus*). Прежде всего, это были ремесленно-цеховые корпорации.

То есть объединения относительно горизонтального типа, не предполагавшие, как во многих других случаях, строго вертикального господства и подчинения. «Университетом» именовалась, впрочем, и вся городская коммуна (*universitas civium*), не говоря уже о специализированных производственных корпорациях, которые в свою очередь входили в ее состав.

И лишь только с течением времени термин *universitas* закрепился исключительно за одним особым типом сообществ, включавшим в себя всех членов именно образовательных корпораций [2]². Именовались они в строгой привязке к месту, например, «университет магистров и школяров города Парижа». Так, лишь к середине XIII века можно говорить о сложившейся сети таких университетов в Европе, ставшей поистине институциональной системой *studium generale*, то есть *всеобщей высшей школой* по тем временам вполне еще интернационального и «открытого» Запада [3]³. По сути, все они стали продуктом двойной корпоративности, то есть *учебной корпорацией при городской корпорации*.

Такой университет преследовал двойственную миссию - обучение и присуждение степеней. Да, именно присуждение степеней, как своего рода сертификата подтверждающего одновременно квалификацию выпускника и соответствующие из нее будущие права для него. *Licentia ubique docendi* – право «преподавать повсюду» (лат.) – действительно, представляло собой аналог современной лицензии на дальнейшую практику, то есть на обучение других. При этом важно подчеркнуть, что эта лицензия должна была признаваться повсюду в христианской Европе, поэтому все университеты так были заинтересованы во всеевропейском единстве. Эти полномочия каждому университету гарантировались в свою очередь властью, выдававшей им «сертификаты» об их основании и правах. И поэтому «не признать полноценность университетской ученой степени значило бросить вызов этой власти» [3, 544].

² Историки полагают, что университетская корпорация была внутренне организована как типичная цеховая единица. «Ученое ремесло» облекалось в похожие регулятивные формы, а университетская градация (школяр-бакалавр-магистр) была калькой с ремесленной иерархии «ученик-подмастерье-мастер» [2, 3].

³ Весьма часто «сообщества магистров» – в силу особенной открытости интернациональной Европы – составляли люди пришлые из разных мест. Поэтому, воспринимались «общиной чужеземцев», не прививавшихся ни к одному месту. И тогда они перемещались из города в город в поиске более комфортных условий, создавая удивительный прецедент «мигрирующего» университета, не получивший дальнейшего развития в новое время.

Такой властью изначально было папство, именно Ватикан выдавал легитимизирующую университетскую грамоту, наподобие рукоположения епископом священников. Но постепенно эти полномочия стали переходить к светским властям. Прозорливая и «продвинутая» светская власть поэтому изначально была заинтересована в «своих» университетах, ибо это позволяло ей считаться и восприниматься «кузницей» локальных интеллектуальных кадров [подробнее: 1]. Таким образом, именно родовая номинация породила современную институциональную практику.

При этом сами университеты сохраняли довольно большую независимость от властей. Они наделяли себя самыми хвалебными и громкими эпитетами, подобно «хранителям ключей от христианства». Все это, конечно же – метафоры, но их значение было отнюдь не только символическим, и работали они не только на повышение репутации и престижа. Эти метафоры *творили институциональную реальность* [3].

Что это означало? Излучая во внешнее пространство подобные семантические потоки и прививая современникам мысль о своей институциональной уникальности, они, с одной стороны, укрепляли положение университетов в европейском обществе, а с другой – создали важнейший прецедент в западной истории в виде учреждения *университета как главного, может быть, отчасти и – единственного инструмента легитимации истинного знания, обладающего правом на самоконтроль и самоорганизацию своего внутреннего социального мира через свои цеховые статуты.*

Именно таким специфическим образом завершился процесс первоначального становления европейского университета: в его генетическом восхождении от номинации к институции. Иными словами, именно *Имя сделало университет подлинным социальным фактом.* Нельзя сказать, что университет стал «идеальной» институцией. Уже гуманисты раннего Возрождения критиковали его за укоренившуюся в его стенах псевдонауку, лицемерие магистров, неупорядоченность во внутренних делах и чрезмерность в общественных привилегиях. Но университету не суждено было стать анахронизмом, его исторический путь, пожалуй, самый долгий в мировой институциональной истории.

***Современный университет:
одна номинация – две реальности***

Но пропустим несколько веков истории и мысленно переместимся в конец эпохи Просвещения, когда средневековый университет либо совсем приходит в упадок, либо институционально трансформируется в более современный тип образовательного учреждения. С

тех пор он называется по-разному: классический, национальный, исследовательский, гумбольдтовский, его зарождение связано с закатом средневековой схоластики и торжеством рациональной науки в Европе.

В 1808 году Ф. Шлейермахер издает свою революционную по тем временам книгу об обновленной «идее» немецкого университета [5]. Он решительным образом извлекает университет из городской коммуны и переориентирует его телеологию на цели национально-государственного строительства. Речь у него шла именно о задачах выработки национально-консолидирующего и внятного языка науки и образования, работающих на задачи государственного контроля и управления обществом. Можно сказать, что именно с тех пор мы четко указываем на первую и вторую функцию университета (обучение и исследования) благодаря тому, как отчетливо он их сформулировал. И если Шлейермахер не выражал свои идеи лексически буквально таким образом, тем не менее именно он впервые вывел из номинации «университет» всю его современную миссию и прагматику. Точнее, его *всеобщность и универсальность* в философско-герменевтическом плане. К слову сказать, во всех странах пользуются средневековым термином *universitas*, словно забыв о его изначально корпоративной сущности, в то время как в современных Афинах университет, основанный в конце XIX в., назван «*Panepistímio*» с явным намерением подчеркнуть всеобщность знания, пренебрегая исконным значением автономной общности.

Развивая мысли Монтескье и Руссо об «общем духе наций», Шлейермахер дополнил их концепцией «божественной идеи человечества» и в итоге развил теорию современного университета, основанного на понимании равноценности народов и их языков, вытекающем как из всеобщности человеческой природы, так и многообразия форм выражения идеи бесконечности божественного творения человечества [5, 6]. Речь у философа-романтика Шлейермахера шла о возрождении через конкретику духа университета национальной самобытности, напрочь отсутствовавшей в средние века и затерянной в абстрактности мышления классической философии Просвещения. От обновленного университета требовалась *конкретика чувственной реальности*, умело размещенная в контексты универсального языка науки.

Университет, как рационализирующий национальные цели государства институт, с некоторой разницей в нюансах понимался однозначно именно так на всем протяжении XIX-XX вв. Средневековые сущности были в нем вытеснены современными смыслами и акцентом на национальную эмпирику языка и прикладном характере зна-

ний. Его исследовательские программы корректировались задачами национального прогресса, а образовательные планы были сориентированы на социальное производство национальных элит – через отработку их языка и, как следствие, стиля мышления. И такой модельно видоизмененный университет, хоть и, говоря словами Гумбольдта, никому ничем не был обязан, на самом деле мог существовать только в тени всевластного национального государства. Корректнее – в союзе с ним и в услужении ему.

В XX веке по мере укрепления и демократизации интеллектуальных слоев современного общества, западный – гумбольдтовский по типу – университет все больше идеологически и институционально продвигался в сторону нового символического *статуса главного оппонента властей*. Не играя в реальную политику, понимаемую как борьбу за власть, и используя свой главный ресурс легитимного «распорядителя» экспертным знанием, университет заметно «полевел» и вел непримиримую борьбу с правительствами за смыслы и ценности публичной, социальной и экономической политик. При этом университеты численно множилось, и в орбиту высшего образования включались громадные массы молодых людей. Университет полностью утратил былой ореол элитарности, превратился в «открытый» институт массового общества и прочно укрепился на новых позициях *монополиста и законодателя социальной критики*. Собственно, и выступления студенчества в конце 1960-х гг. стали яркой иллюстрацией этого университетского тренда.

При этом массовизация университетов, с одной стороны, и естественное удорожание высшего образования – с другой, поставили их в сложное социально-финансовое положение. Необходимость зарабатывать самим, меньше полагаясь на исключительную поддержку государства, толкала многие, особенно передовые, западные университеты к модели *предпринимательского университета* [6]. Да и в целом к трактовке высшего образования, скорее как рыночной услуги, чем просто общественно необходимого культурного воспроизводства. Однако однажды, вступив в пространство конкурирующих друг с другом субъектов, университеты начинают вести себя соответственно законам рынка – вырабатывать свой уникальный бренд и фирменный стиль, открывать «тайны» своих маркетинговых стратегий, а то и еще проще – цинично «приторговывать» дипломами и степенями. В результате там, где действуют законы «белого» рынка услуг, мы неизбежно сталкиваемся со спойлерами, предпочитающими играть только по правилам «черного» рынка. В итоге одни университеты ищут свою исключительность, все больше концентрируясь только на одной – образовательной миссии, другие же умудряются

некачественно и не всегда честно эксплуатировать свои образовательные лицензии, выступая поставщиками образовательного «ширпотреба».

При этом в любом случае сама номинация «университет» остается стандартной, «типовой», и в известном смысле - *тривиальной и рыночно недостаточной*. А возможно даже – в чем-то тормозящей его развитие. Все участники мировой сети университетов вступили в фазу жесткой глобальной конкурентной борьбы за свой имидж, символический капитал и рейтинговые показатели. Само собой, в такой борьбе годятся любые средства, если они работают на «правильные» стратегические цели. И мы вновь свидетельствуем *начало* очередного университетского «транзита».

Нейминг вместо номинации, или как дезинтегрируется институция

Сегодня простой номинации «университет», действительно, явно не хватает. Министерствам, конечно же, удобнее контролировать и управлять, если все учреждения высшего образования институционально стандартизированы. Но тогда у большинства из них закрыты пути для честной конкуренции, и как бы то ни было – выиграют те, кто ближе к властям и ресурсам. Государство же в свою очередь тоже жаждет конкуренции с другими странами в сфере высшего образования и любыми путями пытается продвинуть в топ-списки, прежде всего, своих «фаворитов». Для современных стран это не только вопрос престижа, но прибыльный бизнес на мировом студенчестве. Однако высоко рейтинговым вузом стать в условиях глобальной конкуренции весьма непросто, и удастся это в буквальном смысле – единицам.

И тогда семантическая работа с номинацией вновь становится востребованной, только сегодня она больше напоминает *маркетинговые игры с неймингом*, чем с сущностными моделями институтов высшего образования. И все это порождает у экспертов коллективное убеждение в тотальной деформации современного высшего образования. Пандемические условия последних нескольких лет лишь убеждает их в «правильности» этого диагноза.

Впрочем, как мне кажется, гипотеза о якобы происходящей в наши дни глобальной де-университизации, разумеется, пока остается лишь догадкой. Действительно ли, за ней скрывается тренд, точнее, ментальная «картина» меняющейся реальности? Однозначно не ответить. Безусловно, университеты перестали быть единственными институциями производства и подтверждения профессиональных компетенций. Но они давно утратили монополию на производство нового знания. В этом смысле предположение о де-университизации,

все же базируется на чем-то другом, и как мне кажется, на понимании сдвигов именно институционального порядка.

Не следует забывать, что гипотеза о де-университизации на руку сторонникам ускоренной цифровизации высшего образования, заинтересованным в том, чтобы сама номинация «университет» стала более «гибкой» и не обязательно отвечающей строгим организационным требованиям и стандартам. Для них желательно, чтобы в принципе любое начинание в области высшего интернет-образования можно было с легкостью именовать «университетом» без необходимости строгого институционального соответствия и подтверждения своего права на эту, ставшую уже традиционной, номинацию. И действительно, «игроки» в университетский нейминг все еще обходятся с исходной номинацией весьма осторожно. И все же.

Несложно увидеть, как в сегодняшнем публичном пространстве успешно функционируют разные образовательно-просветительские проекты, организованные в форме НКО, и при этом незатейливо именуются «университетами». Мало того, что эти стартапы не следуют исконной университетской образовательной ориентации, так они к тому же и не ставят никаких «классических» задач. Иными словами, всякую просветительскую организацию по распространению знаний сегодня легко можно назвать «университетом», а ее сотрудников «магистрами», а то и «профессорами». Но, увы, институциональная природа большинства таких начинаний не имеет ничего общего ни с формой, ни с идеей университета.

Все они – сугубо индивидуализированные частные инициативы, очень напоминающие нам частные «школы» до-университетской Европы XI-XII вв., легко создаваемые вокруг яркой фигуры ученого-оратора (*magister*)⁴ и также легко прекращавшие свое существование в силу разных причин. Сегодняшние просветительские или тренерские «университеты» могут организовываться вокруг одного лидера и небольшой группы единомышленников. И поскольку в них самих отсутствует внутренняя формализованная структура воспроизводства знания через фильтры с помощью не менее жестких процедур подтверждения компетенций, все эти псевдо-образовательные стартапы могут называться как угодно, на усмотрение своих устроителей. Однако к классическим университетам они отношения не имеют. Иными словами, в данном случае номинация не воспроизводит структуры известной из тысячелетней истории институциональной реальности ни в какой из ее модельных разновидностей.

⁴ Красочное описание тех далеких практик сохранилось в автобиографии Пьера Абеляра «История моих бедствий».

И все же чаще всего, они все предпочитают именоваться университетами, движимые, очевидно, вполне обоснованным всем предшествующим опытом стратегическим мотивом *легитимизироваться через номинацию*. Тем более что эта номинация по-прежнему престижна и как будто бы не нуждается в разъяснениях.

Я не подвергаю сомнению важную роль частных НКО в сегодняшнем секторе третичного образования. Классические университеты не всегда успевают за бегом времени, труднее перестраиваются, крайне редко ставят задачи по переквалификации или перепрофилированию, да и вообще страдают излишней «стандартизацией» программ и довольно редко их обновляют. Все эти задачи с легкостью решаются малыми образовательными группами третичного сектора. И поскольку они сами прекрасно понимают, насколько они действительно успешны и востребованы в публичном пространстве, им, естественно, хочется повысить свой публичный статус. Как? Очень просто: *за счет обращения к классической номинации*. И поскольку, к счастью, самоназвание «университет» в юридическом смысле пока не является запрещенным действием, то к нему весьма часто прибегают, не мудрствуя лукаво и не опасаясь никаких правовых или административных последствий.

Самозванные университеты, однако, сами того не подозревая, девальвируют номинацию, и она на глазах утрачивает былой символический вес, а то и *raison d'être*. Выражается же это в том, что в наименовании классических университетов, особенно в мировых рейтингах, все большее значение начинает приобретать его дополнительные смысловые атрибуты. И если раньше достаточно было жесткой топографической привязки (Московский, Парижский, Гарвардский университеты не случайно писались с большой буквы), то сегодня уже важнее указание на специализацию, направление, идентичность, а само слово «университет» при этом пишется как бы сбоку и с маленькой буквы, нередко опускается и совсем (например, университет «Высшая школа экономики», «Шанинка» или «Нефтегазовый» университет). В этих случаях предикат становится смысловым в отношении «голой» институциональной номинации.

Иными словами, *universitas* сегодня, по сути дела, перестал быть сам по себе творящим институциональную реальность. К нему апеллируют либо по инерции, либо под нажимом властей для «пуцевого контроля» или просто из соображений удобства. Словом, как говорят музыкологи, университет используется *ad libitum* («по желанию»).

Классическая номинация сохраняет свою силу либо только в случаях с самыми знаменитыми историческими университетами (типа Кэмбриджа, Оксфорда, Московского), либо с теми, кто включился

в гонку за высшие места в международных рейтингах, более того, добились успехов и образуют сегодня расширенные сети «флагманских» или так называемых «глобальных» университетов [7].

Впрочем, похоже, что государству уже недостаточно чистой, исходной номинации. Оно правом своей административной воли вводит новые, чаще всего – пустые и плохо приживающиеся «сложные» номинации. Подобно «успешным» или «опорным» университетам, значимость которых подтверждается формализованными количественными показателями лишь в бюрократических кругах, и гораздо в меньшей степени – на рынке образовательных услуг и в глобальном пространстве соперничества вузов за свой символический капитал.

«Устойчивый университет» – номинация, создающая новую реальность

Рубеж тысячелетий одновременно ознаменовал собой цивилизационный «приход» новой философии образования и университетской политики в мире. Речь идет о практически повсеместном торжестве концепции «устойчивого» университета – как подлинно общественного института. Не автономного и не самодостаточного, ни государственного, ни частного и ни сугубо инструментального, а исповедующего, прежде всего, социальную миссию по поддержанию публичного пространства и стимулирования гражданского общества. От университета отныне ожидается не только осуществление образовательной и научно-исследовательской функции, но и (1) «выращивание» гражданско-ориентированных и глобально ответственных молодых людей; а также (2) эффективное исполнение роли модератора низового взаимодействия между разными локальными акторами.

Главная интрига отныне заключается в том, *какая образовательно-философская парадигма возобладает* в ближайшем будущем. Она в свою очередь зависит от тех образов будущего, принципы и идеи которого мы исповедуем уже сегодня. И здесь различаются две модели: «хаотического» и «устойчивого» будущего.

Первая модель покоится сегодня на традиционной философии образования (социализация, репродуктивные схемы, общая подготовка и профессиональная специализация, рыночная ориентация образования, информационное насыщение под общий и партикулярный запросы). Иными словами, эта система высшего образования готовит человека к будущему, в то время как само будущее складывается спонтанно, непредсказуемо. Молодой человек готовится к встрече с его непрозрачным и невнятным будущим. Отсюда, понятно толкование его: (а) всей образовательной модели как «хаотичной» и (б) обучения в режиме «до востребования».

Вторая модель отталкивается, напротив, от более или менее ясного образа желаемого будущего и исходит из фундаментального для всей системы образования предположения, что это будущее создается через обучение не случайным образом, а в результате систематического накопления такого человеческого капитала, который, по сути, и определит облик и смыслы желаемого будущего.

Стратегия на достижение сбалансированного и устойчивого развития становится сейчас, пожалуй, единственно корректной и адекватной всем вызовам эпохи. Построение образа будущего в ее картине мира кардинальным образом отличается от привычного «поливариативного завтра», оно определено ответственностью сегодняшнего поколения перед потомками. Стратегия на его построение предполагает накопление человеческого капитала в сложной системе человек-общество-окружающий мир. И эту стратегию можно именовать *образованием во имя устойчивого развития*. В ней заново переосмыслены контексты человека и цивилизации, базовые приоритеты и ценности стратегического прогресса, роль переосмысленного «успеха» в общественной и частной жизни людей. Но самым главным мотивом развития концепции, безусловно, является желание неуклонно растущего числа людей сдвинуть наш мир с сегодняшнего деструктивного пути самоуничтожения и вернуть его в лоно дружественного сосуществования со всеми компонентами планетарной экосистемы. Могут ли это движение возглавить университеты? Да, если захотят. И если захотят, то их институциональный выбор будет сделан в пользу «устойчивого университета».

Переход к концепции устойчивого образования, как принято сегодня считать, означает парадигмальный *отказ от трансмиссивной роли образования в пользу трансформирующей* [11]. Всеобщий процесс обучения понимается отныне не только как передача знаний и навыков (трансмиссия), но и как накопление человеческого капитала, способного преобразовать жизненные миры (трансформация). Субъекты образовательной деятельности и университеты, в первую очередь, становятся главными преобразователями миров (контекстов). Новый человеческий капитал, разумеется, создается не с нуля, но в известной оппозиционности текущим практикам понимания и освоения мира, в том числе и тем, которые подчинены логике накопления «успеха ради самого успеха». Не секрет, что погоня университетов за рейтингами и значимыми количественными показателями подчинена этой ложной идеологии.

Перед человечеством чрезвычайно отчетливо, как никогда ранее, полагает, в частности, С. Стерлинг, открываются четыре альтернативы образовательного «ответа» на вызовы устойчивого разви-

тия: (а) не реагировать никак и продолжить классические традиции обучения; (б) адаптироваться к глобальным переменам и приспособливать к ним свои обучающие программы; (в) реформироваться, модифицируя образование в соответствии с духом и запросами времени; (г) трансформироваться, меняя свою образовательную философию и институциональную форму [11]. Выбор четвертой опции предполагает инновативное целеполагание, повторение на новом уровне известной логики эволюции университета: *от номинации к новой реальности*.

«Устойчивый университет» – главный игрок на поле устойчивого образования [8, 9, 10]. Устойчивое развитие мира предполагает фундаментальный транзит, а его носители – открытое сознание, широкий мировоззренческий горизонт, глобальное гражданство, ответственность за планетарный контекст жизни и благо будущих поколений [12, 18]. Но университеты – сложные и довольно консервативные организации, сопротивляющиеся всяким переменам. И если не удастся включить их в общий социальный контекст устойчивого развития, то вряд ли вообще стоит ожидать от них какого-либо участия в цивилизационном транзите. А для этого, очевидно, необходимо переосмыслить многое и, прежде всего, цели высшего образования.

Старая, отчасти наивная, модель подготовки молодых поколений к рынкам, хоть и является выражением преобладающих в глобальном обществе неолиберальных настроений, тем не менее, не выдерживает критики, ибо не предполагает никакого интереса в «цивилизационном качестве» выпускника и даже, скорее, наоборот, всячески «притупляет» его. Устойчивое же образование не ограничивается лишь профессионально-рыночной оценкой выпускника и переносит акценты на его общегражданское качество. И поскольку университеты, по сути, готовят будущие поколения «лиц, принимающих решения» в самых различных сферах жизнедеятельности, постольку и морально-философские свойства самого поколения выходят на передний план.

Иными словами, *концепция классического университета, как фабрики профессиональных компетенций, уступает место пониманию высшего образования, как креатора условий изменения человеческого капитала*. Университет сам создает контекст перемен, предопределяет их вектор и контент. А под эти задачи необходимо будет переосмыслить и компетенции университетского менеджмента и всего профессорско-преподавательского состава.

«Устойчивому университету» предстоит превратиться институционально в *глобальную площадку ценностного форсайта*. Такая формулировка проблемы позволит нам глубже понять процесс уни-

верситетской трансформации в общей логике цивилизационного транзита. Его новые роли продиктованы не традиционной адаптацией к прогрессу, а глобальными вызовами и локальными потребностями. Его заказчики и партнеры – будущие поколения и местные сообщества. Его цели сфокусированы на динамике человеческого капитала, формировании инновативных и морально ответственных лидеров. Создавая же обновленный человеческий капитал, он вносит тем самым свой важнейший вклад в цивилизационный транзит в целом.

«Устойчивый университет» принадлежит глокальным контекстам актуальной современности; он уже не объект государственной политики и не самодостаточная корпорация. Обретение им этой новой субъектности – его обновленная миссия. Он вписывается во все контексты перспективного развития и сам производит инновационные знаниевые и морально-философские контексты, где происходит вызревание будущего человеческого капитала во имя устойчивого развития. Из новой номинации родится новая реальность!

Список литературы

1. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.
2. *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. Изд. 2-е. М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.
3. *Уваров П.Ю.* Университет // Словарь средневековой культуры. Под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН. 2003. С. 544-552.
4. *Уваров П.Ю., Полова Г.А.* Городские сообщества в Западной Европе в Средние века / Отв. ред. П.Ю.Уваров. М.: Индрик, 2018. 557 с.
5. *Шлейермахер Ф.* Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М.: «Канон-плюс», 2018.
6. *Clarke B.* Creating Entrepreneurial Universities. Bingley: Emerald Group Publishing, 1998.
7. *Douglass J.A.* (Ed.) The New Flagship University. Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy. New York: Palgrave-Macmillan, 2016.
8. *Filho W.L., Zint M.* (Eds.) The Contribution of Social Sciences to Sustainable Development at Universities. Dordrecht: Springer, 2016.
9. *Jones P., Selby D., Sterling S.* (Eds.) Sustainability Education. Perspectives and Practice across Higher Education. London – New York: Routledge, 2010.
10. *M’Gonigale M., Starke J.* Planet U. Sustaining the World, Reinventing the University. Gabriola Island: New Society Publishers, 2006.

11. *Sterling S.* Sustainable Education. Re-visioning Learning and Change. Cambridge: Green Books for The Schumacher Society, 2001.

12. *Sterling S., Maxey L., L. Heather* (Eds.) The Sustainable University. Progress and Prospects. London – New York: Routledge, 2013.

А.А. Сычев

УДК 37.014

Университетская идентичность в современном мире: ценностные ориентиры и вызовы

Аннотация. В статье рассматриваются основные вызовы идентичности современного университета. К ценностным ориентирам, определяющим идентичность классического университета, автор относит автономию, академическую свободу, единство образования и исследований, универсальность охвата знаний, дух гуманизма и творчества. Хотя в реальности нельзя найти университет, в котором все эти ценности были бы в полной мере реализованы, уже само стремление к ним представляется достаточным условием для удержания университетской идентичности. Современный университет сталкивается с различными вызовами идентичности, среди которых государственный контроль, регионализация, коммерциализация, цифровизация, снижение престижа преподавательской профессии, дегуманитаризация образования и т.д. По мере усиления внешнего воздействия деятельность университета становится менее свободной и универсальной: она выстраивается по образцам бюрократической организации, коммерческой корпорации, разработчика массовых онлайн-курсов, а преподавателю навязываются функции чиновника, предпринимателя, модератора. В условиях беспрецедентного давления университету следует четко определиться с тем, что для него является целями, а что, несмотря на важность и новизну, должно оставаться только средствами. При этом ключевым условием для самоопределения университета должна быть устойчивость выбора, то есть планирование путей развития всегда должно совершаться таким образом, чтобы возможности для дальнейшего самоопределения сохранялись. Возможно, со временем цели университета, формат его работы, взаимодействие преподавателей и студентов кардинально изменятся. Однако, если он сохранит базовые ценностные ориентиры, все эти изменения будут следствиями его собственного, свободного и осознанного выбора, он сможет и далее удерживать свою университетскую идентичность.

Ключевые слова: университет, идентичность, ценности, самоопределение, автономия, цифровизация, устойчивость.

К ключевым ценностным ориентирам классического университета можно отнести автономию, академическую свободу, тесную связь образования и исследований, универсальность охвата знаний, дух гуманизма и творчества. Конечно, в реальности сложно найти университет, в котором все эти ценности были бы реализованы в полной мере, но уже само стремление к ним представляется достаточным условием для удержания университетской идентичности.

Перед университетским образованием постоянно возникают новые задачи, избирая те или иные варианты их решения, университет изменяется. Так, в классический период он декларировал в качестве основной цели своей поиск истины; в неклассический – достижение успеха. Сегодня университет позиционирует себя, прежде всего, как уникальный социокультурный механизм, деятельность которого способствует инновационному развитию общества при сохранении его устойчивости. Соответственно, появляются новые ценности: социальной ответственности, публичности, подотчетности, предосторожности, формируются этические комиссии и механизмы гуманитарной экспертизы и т.д. Однако, как бы сильно не менялось общество и университет вместе с ним, фундаментальные ориентиры, составляющие «жесткое ядро» университетского этоса, остаются теми же: инновационное развитие предполагает ориентацию на автономию, свободу и творчество, а устойчивость возможна лишь при признании ценности гуманизма.

Современный университет сталкивается с новыми, и все более серьезными вызовами идентичности. Так, его автономии угрожает не только государственное вмешательство и коммерциализация, но и процессы форсированной цифровизации; по мере ограничения академических свобод падает престиж преподавателя; сокращение преподавания гуманитарных предметов ведет к нарушению «техногуманитарного баланса» и т.д. Университетскому сообществу в этих условиях нужно определиться: попытаться сохранить классические ориентиры, или принять новые ценности, после чего университет трансформируется в одну из форм «постуниверситета».

Самоопределение университета

Одна из возможных метафор для самоопределения – перепутье, разветвление дорог, приближаясь к которому, путник оказывается перед необходимостью определиться с дальнейшим направлением движения. Для современного университета таким перепутьем можно считать ситуацию выбора основной стратегии развития в быстро меняющемся мире: удержать классическую идентичность, трансформироваться в учебное заведение инновационного типа или попытаться тем или иным образом совместить элементы старого и нового. Однако в ситуации с университетом есть смысл выйти за пределы этой метафоры, поскольку он является коллективным субъектом, который способен не только рефлексировать по поводу своего будущего, но и активно это будущее создавать.

Важная миссия университета – расширение пространства выбора для социального и индивидуального развития. В отличие от узкоспециализированных заведений, обучающих студента алгоритмам

решения конкретных задач, университет нацелен на подготовку специалиста широкого профиля с фундаментальными знаниями, который способен развиваться в различных направлениях, особенно в условиях динамично изменяющегося рынка труда. Университет предоставляет студенту выбор возможностей для обучения; университетское образование, в свою очередь, открывает перед его обладателем множество недоступных ранее возможностей для профессиональной самореализации. В этом смысле можно говорить, что университеты создают научные и технологические предпосылки для динамичного обновления общества и готовят специалистов, способных творчески воплотить в жизнь инновации. С этой позиции он является социокультурным механизмом, постоянно продуцирующим *новые возможности*, т.е. разрабатывающим множественные перспективные траектории личностного развития и пути развития общества.

Вызовом для самоопределения университета являются непрекращающиеся попытки поместить его в рамки одной из стандартных моделей образовательного учреждения, как правило, спроектированной чиновниками либо сформированной под давлением рынка. В первом случае от университета ожидают обслуживания потребностей государства или региона (для чего создаются модели федеральных, опорных региональных и прочих вузов). Во втором – образовательная и научная деятельность перестраивается для получения наибольшей прибыли (коммерческие вузы, «университеты предпринимательского типа»). Новым вызовом для самоопределения стала форсированная цифровизация образования, которая в чрезвычайной ситуации пандемии не оставила университету возможностей для взвешенного выбора между применением традиционных и дистанционных методов преподавания, фактически принудила его к трансформации в «цифровой университет».

Деятельность университета, в конечном счете, ориентирована на повышение интеллектуального, культурного, социального капитала общества. Предполагается, что государство, бизнес, информационные технологии должны предоставлять средства для достижения целей университета, поскольку высокий уровень такого капитала является решающей предпосылкой и их долгосрочного успеха. Проблема состоит в том, что оптимизация, коммерциализация и цифровизация из средств, способных улучшить качество образовательной и исследовательской деятельности, постепенно превращаются в жестко установленные цели развития, тем самым уже не расширяя, а сужая пространство самоопределения. В итоге деятельность университета становится менее свободной и универсальной: она выстраивается по образцам бюрократической организации, коммерческой

корпорации, массовых онлайн-курсов, и выйти за пределы этих моделей с каждым годом оказывается все сложнее. В этих условиях университету следует четко определиться с тем, что для него является целями, а что, несмотря на важность и современность, должно оставаться только средствами.

Регионализация университета

Регионы нуждаются в высших учебных заведениях, которые выступают в качестве важных участников экономической и культурной деятельности, способствуют развитию человеческого капитала, производству новых знаний и технологий.

В России задачи решения практических проблем на местах и поддержка экономики регионов во многом возложены на опорные университеты, которые позиционируются как центры концентрации исследовательской и образовательной деятельности в регионе, способные предложить альтернативу столичному образованию. Опорные вузы находятся у основания выстроенной в последние годы иерархической системы университетов, на среднем уровне которой – федеральные, а на верхнем – ведущие классические университеты, обладающие наибольшими ресурсами и возможностями для самоопределения.

С одной стороны, выстраивание иерархии задает четкие и прозрачные правила для оценки эффективности вузов и распределения ресурсов. Но оно же ведет и к усилению расслоения вузов, превращаясь в средство воспроизводства образовательного неравенства. Если те вузы, которые находятся на вершине иерархии, по многим параметрам соответствуют имени «университет» даже в его классическом понимании, то региональным вузам соответствовать этим критериям сложнее уже в силу того, что претензии их изначально ограничиваются необходимостью решения практических проблем региона и сравнительно небольшими ресурсами, выделенными для этого. Соответственно, статус его выпускников оценивается ниже, чем статус выпускников классических университетов. Такая система не может не приводить к оттоку наиболее перспективных студентов в статусные вузы, а значит к снижению качества образования и дальнейшему сокращению финансирования региональных вузов. Понятно, что проблема неравенства была актуальной и до появления опорных университетов, и слияние региональных вузов в опорный университет должно было ее частично решить, но фактически само узаконивание ранжирования вузов по статусу ее только усугубляет.

Основная проблема с созданием и функционированием опорных вузов, как представляется, связана со смешением двух типов задач – нацеленного на решение конкретных практических проблем

региона и задающего основания для его инновационного развития. Первый тип задач предполагает удерживание в регионе выпускников, подготовку квалифицированных кадров под нужды конкретных региональных предприятий, разработку востребованных в регионе технологий производства, проведение региональных (этнических, экологических, краеведческих и т.д.) исследований. Традиционно за решение большинства задач такого типа отвечают не столько университеты, сколько специализированные профессиональные заведения среднего и высшего образования, готовящие специалистов-практиков. Администрация и коллективы таких заведений обычно тесно взаимодействуют с производством, и их слияние в большой вуз, хотя и сокращает текущие расходы за счет увольнения дублирующих работников, в реальности может привести к проблемам для вуза, поскольку одновременно разрушает сложившиеся традиции и связи между вузом и предприятиями региона.

Второй тип задач связан с формированием особой среды для социализации и творческой самореализации молодежи, разработкой возможных путей развития региона, поддержкой инновационного развития в экономике. Решение такого рода задач более характерно для университета, предлагающего фундаментальное, разностороннее, творчески ориентированное образование, не сводящееся к практическим алгоритмам. Но в этом случае его интересы должны выходить далеко за пределы региональной повестки дня, а уровень исследований и организации образования должен быть сопоставим с уровнем ведущих федеральных (а в перспективе – и мировых) вузов. Однако, чтобы такой университет был конкурентоспособен, он должен обладать и соответствующими ресурсами, сравнимыми с вузами более высоких уровней (и даже большими, поскольку ему нужно с чистого листа создавать многие новые для региона направления исследований).

Университет, используя все преимущества, предложенные регионом, но не ограничивая свою деятельность сугубо локальными проблемами, будет действительно драйвером инновационного развития для региона. Фактически региональный вуз должен быть классическим университетом с амбициями, *значительно превышающими региональные нужды*. При этом амбиции эти должны быть подкреплены как финансово, так и потенциалом абитуриентов.

Устойчивость университета

Движение по пути государственного регулирования, коммерциализации, информатизации не способствует удержанию идентичности классического университета, поскольку в его процессе подменяются цели его деятельности, сокращается автономия, усиливается

внешнее давление, образование становится односторонним за счет ослабления гуманитарной составляющей. Цели и ценности «опорного вуза», «университета предпринимательского типа» или «цифрового университета» уже в силу своей определенности и вторичности серьезным образом расходятся с теми, которые характерны для классического университета с его перманентным самоопределением. В этом смысле правильнее говорить о том, что сейчас выстраиваются альтернативные модели постуниверситетов, работники которых, нагруженные функциями чиновников, коммерсантов и круглосуточных модераторов, постепенно теряют собственно университетскую идентичность.

Новая идентичность является жестко определенной, поэтому может выражаться количественно: в определенных дигитальных показателях, данных мониторинга, местах в рейтингах. Однако в реальности ученые совершают открытия и выдвигают новые идеи не ради того, чтобы повысить конкретные показатели вуза. Высокие рейтинги – показатель успеха университета, а успех – результат свободной и творческой деятельности членов университетского сообщества, основанной на развитии фундаментальных знаний. Эту деятельность сложно выразить в цифрах: в лучшем случае можно оценить наличие организационной инфраструктуры и ресурсной базой, которые не обязательно способствуют формированию университетского духа, но в любом случае являются важными предпосылками для него. Если свободы и возможности урезаны, успех можно только имитировать, например, компенсируя низкое качество работ их большим количеством.

Конечно, университет не может не трансформироваться вместе со временем, но это не значит, что его модернизация должна проходить при обязательном условии отказа от собственных характеристик и целей, от собственного самоопределения. И если самоопределение действительно является «атрибутивным признаком, неотъемлемым свойством университета, способом его существования» [5,78], то переход в режим определенности, выбор окончательного пути развития ставит под угрозу саму университетскую идентичность. При этом ключевым условием для самоопределения университета должна быть *устойчивость выбора*, то есть планирование путей развития всегда должно совершаться таким образом, чтобы возможности для дальнейшего самоопределения сохранялись.

Автономия университета

Первые европейские университеты возникли в Средние века как автономные (самоуправляемые и независимые от властей) учреждения. Собственно, именно эта автономия и позволила им стать

интеллектуальными центрами своего времени, подготовившими научную революцию Нового времени. Все последующее время автономия продолжала считаться фундаментальной ценностью университета, во многом определявшей его идентичность. И сегодня высшие места в рейтинге лучших университетов мира занимают вузы, в управление которых государство или региональные власти прямо вмешиваться не могут. Вузы, деятельность которых жестко регулируется государством, как правило, не демонстрируют значимых достижений ни в чем, кроме объемов отчетности. Фактически, чем сильнее урезана автономия университета, тем мизернее отдача от вложений в него. Итог внешнего управления (как демонстрирует, например, история развития философии, социологии, генетики, кибернетики в СССР) может быть и вовсе отрицательным: некомпетентное вмешательство государства способно отбросить научное и интеллектуальное развитие страны на десятилетия назад.

С другой стороны, автономия не обозначает, что университет должен конвертировать всю свою деятельность в коммерческие услуги, чтобы самостоятельно изыскивать ресурсы для развития. Фундаментальная наука требует серьезных вложений, но не дает мгновенной отдачи, поэтому коммерческая модель для ее развития малоперспективна. Университетское образование – это, прежде всего, общественное благо, от качества которого зависит конкурентоспособность страны, уровень ее культуры, интеллектуальный, социальный, технологический потенциал. Вложение государства в образование и науку – это вложение в будущее страны, возможно в само существование страны в «обществе знаний». Однако чем больше университет подчинен государству, тем меньше у него возможностей выполнять собственную социальную миссию. Поэтому в отношениях с государством основная задача университета – сохранение и расширение автономии.

Автономия – одна из основ системы ценностей классического университета, его этоса, пронизанного, как пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, духом «...свободы и призвания, который не только побуждает и ограничивает поведение научных работников, но и позволяет поддерживать их соучастие в бытии социального мира» [1,39]. Классический научный этос предполагал, что ученый должен иметь возможность посвятить себя поиску истины, не отвлекаясь на требования коммерческой выгоды и идеологической выдержанности. Ограничение автономии университета привело к трансформации этоса: классические его модели (Р. Мертон, Б. Барбер, Н. Сторер) сменились неклассическими (Р. Богуслав, Дж. Займан, С. Фуллер), делающими упор на антинормах локальности, авторитарности, оп-

портунизма, коллективной безответственности и т.д. Эта трансформация фактически отразила смещение научных исследований из университетов в специализированные исследовательские центры, которые решают конкретные практические проблемы, выполняя государственные и коммерческие заказы [6, 106].

Учитывая, что реальным источником ресурсов для университета и основным получателем выгод от его деятельности является общество, именно ему университет должен быть подотчетен. Соответственно, *социальная ответственность* университета должна отражаться в публичности и прозрачности его деятельности и измеряться уровнем доверия общества к университету. Поскольку университет является автономным учреждением, он сам разрабатывает нормы, по которым обязуется жить и за нарушение которых несет ответственность. С этой позиции базовым нормативным документом, в котором декларируется и уточняется эта ответственность, становится этический кодекс, а основной санкцией за нарушение положений кодекса является падение репутации вуза, влекущее за собой снижение престижа проводимых в нем исследований и сокращение количества абитуриентов.

Конечно, современный мир требует изменений, отражающихся, в том числе, и в нормах этоса, который сегодня все больше ориентируется не только на истину и результат, но, прежде всего, на благо общества. Востребованы новые ценности: подотчетности, открытости, предосторожности т.д. Однако, если университет хочет сохранить свою идентичность, он должен сохранить в неизменности конституирующее нормативное ядро классического научного этоса – прежде всего, *свободу поиска и автономию*.

Престиж преподавателя

Д. Белл и другие теоретики постиндустриального общества предполагали, что руководящее положение в нем будут занимать те, кто обладают наиболее востребованными для новых условий знаниями, компетенциями, способностями: преподаватели, ученые, инженеры и другие высококвалифицированные работники умственного труда. При этом институциональной базой для формирования нового класса должен стать университет, независимый от центров власти индустриального общества [3, 315].

Хотя с развитием новых технологий многие предположения Белла подтвердились, его оптимизм по поводу положения интеллектуального класса не оправдался. Напротив, наблюдается явная тенденция к деинтеллектуализации элит и к усилению зависимости интеллектуального класса от них.

Снижение статуса преподавательской работы можно рассматривать как частный случай общей тенденции к усилению эксплуатации тех, кто обладает наиболее важным для информационного общества ресурсом – знаниями (так же, как объектом эксплуатации в традиционном обществе были обладатели мускульной силы, а в индустриальном – навыков работы на станке). В этом отношении можно утверждать, что усиление эксплуатации интеллектуального класса (и университетских профессоров как образцовых его представителей) является следствием стремления современных элит установить контроль над обладателями наиболее важного для «общества знаний» ресурса.

Учебная и преподавательская деятельность в университетах все больше разводится с хозяйственной и административной. Это ведет к расслоению университетского сообщества на различные группы, отношения которых выстраиваются по схеме господства и подчинения. При этом администраторы и менеджеры все чаще рекрутируются из сфер далеких от науки и образования и не разделяют ценностей университетского этоса. В то же время, они выступают от имени науки и воспринимаются как полномочные ее представители, что (особенно в силу увеличивающегося количества скандалов, затрагивающих руководство университетов) ведет к снижению репутации университетского сообщества в целом.

Административный контроль над действиями преподавателей ужесточается, они нагружаются дополнительными функциями, их деятельность формализуется и обесмысливается, профессиональный престиж и социальный статус снижаются, усиливается их уверенность в том, что они бессильны и неспособны что-то изменить. Все эти изменения можно рассматривать не только как закономерные следствия разрушения автономии академического сообщества, огосударствления и коммерциализации университетов, но и как элементы дисциплинирования преподавателей, благодаря чему небольшая группа администраторов успешно справляется с пока еще большим количеством их фактических подчинённых.

Если интеллектуальный класс будет оставаться на подчиненном положении и не сможет консолидироваться ради отстаивания своих интересов, негативные процессы – снижение качества исследований и образования, падение престижа преподавателей, деинтеллектуализация общества будут прогрессировать и далее. При этом именно университеты, хранящие традиции автономии и дух независимости, имеют все шансы стать центрами для консолидации интеллектуального класса.

Этическая экспертиза

Автономия, академическая свобода, способность к самоопределению, творческая атмосфера и другие ценности, поддержка которых ожидается от классических университетов, являются важными предпосылками для инновационной деятельности. Сегодня ведущие университеты мира выступают в качестве инновационных центров развития регионов и стран, производящих новые идеи, концепции, знания, технологии, продукты и т.д.

Представления о самоценности инновационной деятельности сформировались в эпоху, когда сложно было представить, что новые технологии могут не только нанести вред человеку, но даже поставить под угрозу само существование человечества. Сегодня представления о будущем стали более пессимистичными, и футурологические исследования предлагают все менее утешительные сценарии технологического развития. Новые технические, биотехнологические, экологические инновации ставят человека перед вызовами, успешного опыта разрешения которых еще нет. Для ряда новых технологий невозможно просчитать процент возможного риска, однако, последствия, если таковые наступят, могут быть катастрофическими. Здесь ценность инновационности вступает в конфликт с ценностью гуманизма.

Возникновение и обострение моральных противоречий может обозначать «не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни» [2, 239]. Так, для того, чтобы минимизировать риск от применения инновационных технологий в ситуации неопределённости, силами ученых из разных областей науки сформулирован принцип предосторожности, который гласит, что если возможный ущерб морально неприемлем (серьезен, необратим, угрожает жизни и здоровью, нарушает права человека), то даже отсутствие научных доказательств этого вреда не может быть причиной для отказа от его предотвращения [7, 14].

Для того, чтобы определить моральную приемлемость или неприемлемость ущерба от масштабных инноваций, необходимы соответствующие инструменты: гуманитарная (в том числе этическая) экспертиза, этические комитеты и комиссии, профессиональные этические кодексы и т.д. Устанавливая нормативные рамки для применения инновационных технологий, они способствуют снижению морально неприемлемых рисков. Инновационность как ценность университетского этоса здесь проверяется гуманизмом, поскольку иннова-

ции обладают ценностью лишь тогда, когда они способствуют благу человека. В ином случае они могут нанести ему вред. С. Лем, отмечая склонность человека к использованию технологий против себя самого, сравнил его с хищной обезьяной, в руки которой вложили опасную бритву. В этом смысле наличие системы гуманитарного образования, развитая этическая инфраструктура, изыскания в области этики, организующим центром для которых выступает университет, позволяют надеяться, что уровень моральной рефлексии общества будет соответствовать уровню его технологического развития.

Цифровизация университета

Цифровизация – амбивалентный процесс, который, с одной стороны может рассматриваться как историческая неизбежность, общественное благо, условие выхода университета на качественно новый, более высокий этап развития [4, 33]. С другой – этот процесс может настолько необратимо трансформировать университет, что он со временем утратит свою идентичность, превратившись в один из поставщиков контента для онлайн-агрегаторов массовых курсов, и, возможно, со временем прекратит свое существование, уступив в конкурентной борьбе с новыми формами организации профессионального образования.

К сожалению, цифровизация все чаще демонстрирует университету свои негативные стороны. Так, с помощью дистанционных технологий региональный вуз получает возможность рекрутировать обучающихся далеко за пределами своего региона, кооперироваться с другими вузами, привлекать для чтения лекций преподавателей из других регионов и стран, то есть приобретает возможность широко заявить о себе, повысить уровень преподавания и, в перспективе, выйти на новый виток развития. Однако те же технологии приводят к оттоку студентов из региона в более престижные заведения, замене собственных лекционных курсов курсами ведущих вузов, что ведет к гибели региональных научных школ, а значит снижению статуса провинциальных университетов.

Как и многие другие процессы, первоначально призванные облегчить и улучшить жизнь человека, цифровизация постепенно становится безличной силой, отчужденной от него. Если еще недавно университетское сообщество пыталось использовать новые цифровые технологии как средство улучшения качества образования, то сегодня цифровизация (как до этого коммерциализация и государственная оптимизация) превратилась в цель саму по себе. Более того, ориентиры для работы университетского сообщества все чаще формулируются даже не на основании министерских приказов или коммерческих бизнес-планов, а в результате электронного мониторинга

статистических показателей и анализа больших данных. При этом по мере увеличения количества учитываемых параметров и усложнения алгоритмов работы искусственного интеллекта человеку становится все сложнее понять логику принимаемых решений.

Внедрение массовых онлайн-курсов, обучающих чат-ботов, электронных тестов и т.д. теоретически должно освободить преподавателя от монотонной нетворческой деятельности. Фактически же пока на преподавателя возлагается обязанность разработки и обслуживания онлайн-курсов по утвержденным шаблонам, при этом доведение этих курсов до режима автономного существования автоматически ставит разработчика под угрозу сокращения.

Преподаватель отчуждается не только от целей и процесса своей деятельности, но и от ее результата. Качественный онлайн-курс сегодня создается группой специалистов: разработчиков контента, методистов, программистов, дизайнеров, сценаристов, режиссеров, операторов, монтажеров, редакторов, консультантов, дикторов, фасилитаторов, модераторов и других узких специалистов. В итоге ответственность за курс распределяется среди такого большого количества людей, что фактически он не принадлежит ни одному из них.

В этом смысле разработчик массовых онлайн-курсов в чем-то похож на рабочего, который в ходе развития промышленности превратился в работника на конвейере, затем в оператора станка, и в итоге был заменен автоматом. Сейчас преподавателей сменяют группы узких специалистов и операторы онлайн-курсов, а в перспективе и эти задачи будут возложены на образовательные технологии искусственного интеллекта. В итоге окажутся ненужными и они, поскольку если выполнению профессиональных функций можно научить при помощи жестких алгоритмов, то эти функции разумнее сразу делегировать искусственному интеллекту.

В целом, если университет желает сохранить свою идентичность, ему нужно ограничить чрезмерные претензии цифровизации рамками определенных правил, позволяющих контролировать этот процесс. По меньшей мере, университетскому сообществу необходимо четко определиться с какими именно целями в каждом конкретном случае цифровизация (как и все прочие трансформационные процессы) должна применяться, и являются ли эти цели значимыми для социальной миссии университета.

Возможно, со временем цели университета, формат его работы, взаимодействие преподавателей и студентов кардинально изменятся. Но, если он сохранит базовые ценностные ориентиры, если все изменения будут следствием его собственного, свободного и эти-

чески отрефлексированного выбора, он вполне сможет удержать свою университетскую идентичность.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этнос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии: научно-публицистическая монография. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. 272 с.
2. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. *Прокофьев А.В.* Этика профессора в цифровом университете // Вестник прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 31-53.
5. Самоопределение университета: путь реально-должного. Коллективная монография / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2008. 699 с.
6. *Сычев А.А., Коваль Е.А.* Становление и развитие научного этоса: нормотворческие измерения // Вестник КРСУ. 2021. Том 21. № 6. С. 103-110.
7. The Precautionary Principle. COMEST. Paris: UNESCO, 2005. 54 p.

УДК 17, 378

Университет как генератор образа будущего и его неоднозначные перспективы

Аннотация. В работе рассматриваются две взаимосвязанные темы. Во-первых, роль университета как социального института не только закладывающего основы будущего, но и формирующего образ этого будущего. И, во-вторых, – размывание этой роли в условиях маргиналистской трансформации университета, цифровизации и расширения образования в онлайн-формате.

Ключевые слова: образ будущего, онлайн-образование, социализация, университет, цифровизация.

Университет как социальная институция выполняет ряд функций, среди которых важнейшими выступают: трансляция новым поколениям знаний и умений, накопленных предыдущими поколениями; научно-проектная деятельность, связанная с получением новых знаний и их применениями, включая раннюю вербовку студентов в академическую деятельность; общая социализация наиболее продвинутой части молодого поколения, включая вхождение в профессиональную среду, общественную деятельность, межличностную коммуникацию и отношения.

В этой связи университет выступает важнейшей предпосылкой и фактором формирования будущего развития социума, не только подготавливая когорту наиболее интеллектуально и профессионально подготовленной молодежи, выходящей на фронт этого развития. Он выступает и буквальным генератором образа будущего. Эта его роль связана с отмеченными выше институциональными функциями университета. В транслируемых знаниях и умениях обобщаются успешные производственные и социально-культурные практики, применение которых не только повышает их эффективность – как минимум, но иногда носит инновационный характер.

В научных исследованиях выявляются новые причинно-следственные связи, тенденции социального развития, а в проектных разработках содержатся идеи, технологии реализации новых знаний, рекомендации инстанциям, принимающим решения. Согласно результатам масштабного международного исследования 2019 года, 82% академических исследователей считают своей основной целью репутацию коллег, 68% – нацелены на достижение общественного воз-

действия, 70% – в своей работе учитывают будущее, и только 13% не ожидают никакого влияния за пределами академических кругов [10].

Даже сами отношения, практикуемые в рамках университетского сообщества, формируют социальный и личностный капитал будущего. и профессура, фактически, выступает в качестве «мокрецов» из «Гадких лебедей» А.Н. и Б.Н.Стругацких. Речь идет не только о презумпции особой романтической прогрессивности профессуры. На критическое отношение к настоящему и выработку представлений об изменениях к лучшему ориентирует сама социально-личностная природа преподавательского состава университетов. Иногда это сугубо теоретико-ориентированные специалисты. Иногда преподаватели – люди, имеющие немалый опыт практической ответственной работы, но по каким-то обстоятельствам отошедшие от дел. Часть преподавательского состава образуют специалисты, по разным причинам избегающие непосредственной практической деятельности или в ней не состоявшиеся – известна полушутливая формула: умеешь работать – работай, не умеешь работать – управляй другими, не умеешь работать и управлять – учи. Поэтому, уже в силу профессионализма, и даже рессентимента, университетские преподаватели настроены критически к существующему социальному опыту, имеющейся в нем несправедливости. Наверное, и это обстоятельство также сказывается на том, почему университетская среда была и остается во всем мире носителем и питомником идей справедливого мироустройства – от традиционных университетских свобод и социалистических идей – до контроля над влиянием на климат и «новой этики» [5, 7].

Немало интересного и важного в понимании особенностей и роли отношений в университетской среде дают имажинативные методологии (*imaginative methodologies*) в социальных науках [9], согласно которым писатели и художники, наравне с учеными не только осмысливают реальность, порождая знание о ней, но и артефакты их сами выступают частью этой реальности или ее прообразами. Показательный материал в этом плане дает анализ жанра «кампусного романа» [3] о жизни и отношениях учеников, учителей и организаторов обучения, имеющий традицию от средневековых фацетий, «Очерков Бурсы» и «Кондуита и Швамбрании» до современных фэнтези Д. Роулинг о Хогвартсе и «Покорности» М.Уэльбека.

Все эти факторы в настоящее время сталкиваются с серьезными вызовами, которые отмечались и ранее [11], но в самые последние годы выступили и осознаются все более резко. Прежде всего – это модель университета, квалифицируемая за рубежом как неолиберистская. Речь идет о превращении образования в рыночно понимаемую услугу, а университетов в бизнес-проекты, приносящие мар-

жу – чистую финансовую прибыль, получаемую здесь и сейчас. Такая ориентация не только сокращает образовательные форматы и критические дискурсы до формирования корпоративной идентичности, ценностей и практик [8, 154-155], но и чревата опасностью превращения университетов в среду для образования финансовых пузырей вроде кредита и ипотеки. [1, 182–188].

Такой подход сказывается и на оценке труда преподавателей. Так сведение оценки научной деятельности к количественным показателям публикаций в высокорейтинговой научной периодике редуцировало научную деятельность к погоне за публикациями, превратило научную периодику в бизнес-проекты, иногда с сомнительным антуражем, привело к лавинообразному росту мало читаемых текстов, главным контентом которых стало не содержание идей, а набор реквизитов оформления «правильного научного письма». Согласно материалам еще одного глобального исследования, 90% опрошенных ученых заинтересованы в новых критериях оценки качества результатов исследований, а 68% – прямо выразили протест против ограничения такой оценки исключительно наукометрическими показателями [6].

В сочетании с переводом научно-преподавательского состава на краткосрочные (иногда до года) контракты практика «не наукометрия для науки, а наука для наукометрии» превращает университетское преподавание в прекарный труд с неоднозначной его востребованностью. Не случайно студенты, видя наглядный и убедительный пример своих учителей, все меньше и меньше связывают свое будущее с научной и преподавательской деятельностью, особенно на Родине.

Все эти тенденции были резко ускорены освоением цифровых технологий и эпидемией Covid-19 [2, 144–153], поднявших волну масштабной трансформации образования в онлайн-форматы, что ставит под вопрос перспективы развития университетов как публичного социального пространства [4], что никак не может не сказаться на их роли как генераторов образа будущего, если таковым не считать полное встраивание университетов в универсальные алгоритмы цифровой экономики.

Следствием изменений организации образования является изменение и отношений участников этого процесса: между преподавателями, преподавателями и студентами, между студентами, а также преподавателей и студентов с университетской администрацией – вплоть до этики и этикета этих отношений, чему посвящены статьи автора в вып. 55-58 и журнале «Ведомости прикладной этики».

Думается, что осмысление видения миссии и цели университетов, их позиционирования в активно трансформирующемся современном обществе следует обсуждать и осмыслять вновь и вновь. Хотя бы в силу обсуждения и общего выбора предпочтительности будущего.

Список литературы

1. Alexander, B. *Academia Next: The Futures of Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. - 352 p.
2. Alvarez, A.V. The phenomenon of learning at a distance through emergency remote teaching amidst the pandemic crisis // *Asian Journal of Distance Education*. 2020. Vol. 15, Issue 1, pp. 144-153.
3. Bevoló, M. (2021). The Campus (Novel) as a metaphor for rethinking tomorrow's academia. *Academia Letters*, Article 3741. <https://doi.org/10.20935/AL3741>. (Дата доступа 01.11.2021).
4. Curvelo Magdaniel F., den Heijer, A., and Arkesteijn, M. *The European Campus: Management and Information*. TU Delft Open, 2019. – 212 p.
5. DORA (2012), "San Francisco Declaration on Research Assessment" (<https://sfdora.org/read/> - Accessed on 29.10.2021).
6. Emerald Change Ready Report 2019. *Global Attitudes to Research Impact*. // Emerald Publishing PDF EC-02-20-828-EN-N ISBN 978-92-9484-356-2 DOI:10.2797/756192 – Accessed 31.09.2021).
7. Fish S. *Versions of Academic Freedom: From Professionalism to Revolution*. Chicago University of Chicago Press, 2014. – 163 p.
8. Giroux, H.A. *On Critical Pedagogy*. 2nd Edition, London: Bloomsbury Academic Publishing, 2020. – 265 p.
9. Jacobsen, M.H. et al. (Ed.s) (2014) *Imaginative Methodologies in the Social Sciences: Creativity, Poetics and Rhetoric in Social Research (Classical and Contemporary Social Theory)*. London: Routledge, 2016. – 288 p.
10. Penny, D. and Lucraft, M. (2020), "Exploring Societal Impact", SpringerNature, ([https:// www.springernature.com/gp/researchers/sdg-impact](https://www.springernature.com/gp/researchers/sdg-impact) - Accessed on 29.10.2021).
11. Scolozzi, R. and Poli, R. System dynamics education: becoming part of anticipatory systems // *On The Horizon*. 2025. Vol. 23. No.2, pp. 107-118. DOI 10.1108/OTH-02-2015-008.

Университет как моральный мир

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса о положении университетов в современной России. Автор считает справедливым говорить о процессах де-университизации, которые выразились в тенденции утраты высшей школой своего влияния в обществе. Университеты под воздействием бесконечных реформ высшего образования стремительно теряют идентичность, превращаясь в безликие социальные институты. В таком виде они больше не соответствуют ожиданиям общества и частично теряют востребованность у молодежи. Указанное положение дел вытекает из общей логики развития любой нестабильности в обществе. Университеты в России никогда не были защищены от социальных потрясений и часто становились их первыми жертвами. Во многом это происходило из-за особого положения высшей школы, которая руководствовалась идеальными целями науки и образования, часто не замечая грозящих опасностей. При этом сами университеты критично воспринимали себя, свои достижения и роль в окружающем мире и часто не могли дать отчета о своей работе. Все эти соображения – стремление к идеальным целям и честное, иногда уничижительное, отношение к себе автор называет «моральным миром» и показывает, что продолжающаяся де-университизация общества неизбежно приведет к его деморализации.

Ключевые слова: этика, академическая этика, мораль, ответственность, образование, наука, ценности.

Вопросы, поставленные НИИ Прикладной этики, как всегда, звучат чрезвычайно актуально, а на этот раз, можно сказать, даже драматично. Первый из них вопрошает, востребовано ли само имя «Университет» в нашем мире? Обладает ли оно такой же значимостью и авторитетом, как раньше? А если мы ответим положительно, то почему в таком случае происходит процесс, называемый авторами «де-университизация», или «деконструкция» университета? Уместно вспомнить, что в советское время вместе со словом «университет» использовался термин «институт», но сейчас институты ушли в прошлое; иногда они обозначают название факультета в рамках крупного вуза, но достаточно редко. Наряду с университетами, появились «академии», «национальные исследовательские центры», «высшие колледжи» и другие экзотические обозначения. Но надо все-таки признать, что университет остается самым распространенным наимено-

ванием высшей школы. Но мы понимаем, что источник тревог – не в смене названий. Университет как важный общественный институт настолько вошел в отечественную культуру, что само слово никогда не исчезнет. Опасно другое, скорее всего, в вопросах НИИ ПЭ именно это имеется в виду: высшая школа стремительно теряет своё привычное положение в обществе, а если видеть процесс изнутри, то, можно сказать – теряет свою идентичность.

На первый взгляд, университеты по-прежнему пользуются уважением: большинство родителей хотят, чтобы там учились их дети, немало и тех, кто желал бы там работать. Однако все, кто не равнодушен к судьбе университетов, понимают, что за два последних десятилетия высшая школа превратилась из места обитания *высокой* науки и культуры – в банальную ступень социализации молодежи, стандартный «социальный лифт». Причем в такую ступень, где её население чувствует себя с каждым годом менее комфортно и тревожно. Процессы социализации, несвойственные привычной вузовской среде, выражаются в недавно появившихся в вузе элементах воспитательной работы, в установлении жесткой начальственной иерархии, в приобщении к идеологии, деловому миру и т.д., при этом *высокой* культуры становится все меньше. Согласно самой идее университета, какое бы направление ни избрал студент, образование должно ему дать самый широкий кругозор – показать, как его специализация встроена в мир наук и социальную систему. Но об этом сейчас трудно говорить: университетское образование смещается в сторону сугубо инструментальных навыков, больше подходящих для деловой сферы, но мало приспособленных для продвижения фундаментальных наук.

Деградация университетской культуры, затронувшая все её стороны, – одно из самых прискорбных явлений в истории новой России. Об этой деградации, которую можно также назвать «де-университизацией», много уделялось внимания на страницах журнала «Ведомости прикладной этики». Трудно сказать, зачем власти от образования с таким усердием ломали то, что не создавали, и то, что когда-то им самим дало образование хорошего уровня. А главное, непонятно, ради каких целей это делается. Все цели реформы образования – крайне туманны и меняются едва ли не каждый год, в то время как основа для совершения реформ, т.е. сами университеты, не становятся более влиятельными в обществе. Скорее реформы превратили их в малозаметные бюджетные организации, раздающие большому количеству населения высшее образование, причем в той редакции, как его понимает государство. Случаи, когда университеты стали крупными центрами науки и культуры, определяющими интеллек-

туальный фон целых регионов – крайне редкие. Во многом это происходит потому, что университетская жизнь сегодня (как её воспринимает большинство сотрудников) – сплошной хаос, где никто не знает, с чем придется столкнуться завтра, а значит и невозможно планировать долгосрочные проекты. Ясно только одно: этот хаос все дальше уводит от творческих научных исследований и педагогической работы – главных задач университета. Жизнь рядовых сотрудников часто превращается в имитацию научной и учебной деятельности, загруженную большим количеством бумажной работы, требования к которой также меняются едва ли не каждый год.

Административный хаос – от которого пострадали в первую очередь студенты, чьи надежды на нормальный уровень образования очень пошатнулись – серьезно сказался на положении университета в обществе. Нынешние студенты – люди чрезвычайно коммуникабельные в сетевом пространстве, поэтому все беды и внутреннее состояние университетов, помноженные на заряд разочарования от учебы, широким потоком выливаются в виртуальный мир и негативно влияют на оценку обществом высшего образования. В итоге некоторые университеты теряют образ интеллектуального центра и в глазах заинтересованных лиц обретают статус банальной бюрократической организации. Такой «де-сакрализированный», а вернее «де-интеллектуализированный» университет становится неинтересным ни бизнесу, ни общественным организациям, ни научно-исследовательской сфере, ни (что самое плохое) любознательным абитуриентам и тем, кто хотел бы продолжать обучение. Характерно, что в многочисленных рейтингах доверия к социальным институтам, публикуемым различными социологическими службами, находится место и власти, и армии, и церкви, и НКО, но никогда – высшей или средней школе. Будто их вообще нет в обществе, либо они никак на него не влияют. Однако есть очень тревожные данные, говорящие, что интерес выпускников школ к поступлению в вуз упал чуть ли не вдвое [1], и только треть россиян (по данным ВЦИОМ) оценивают систему образования как «хорошее» или «отличное», 42% как посредственное, и ещё 21% считают его «плохим» или «очень плохим» [4]. Любопытна также другая цифра из этого опроса: 62% россиян не видят связи между уровнем образования и материальным благополучием человека. То есть, согласно убеждению большинства, можно быть успешным и необразованным, и наоборот, иметь высшее образование и быть при этом бедным. Такая позиция говорит о серьезном разочаровании, и как следствие – о тенденции к признанию ненужности высшего образования как такового. А если оно не нужно, то напрашивается вывод о не востребованности самих университетов. Можно сказать, что здесь

мы имеем дело с некой «народной де-университизацией», и она опаснее всего.

Тем не менее, несмотря на не самые лучшие оценки общества деятельности университетов, значительная часть молодежи по-прежнему стремится поступить в вузы. Однако здесь они могут столкнуться с различными демотивирующими факторами, главный из которых, на данный момент – пандемия коронавируса, длящаяся уже два года, и не имеющая пока перспективы завершиться в ближайшее время. Эту ситуацию усугубило и холодное отношение власти к высшей школе, и само хаотичное состояние университетов. Первое выразилось в то время, когда образовательные учреждения были «назначены» едва ли не главными рассадниками заболеваний, и вузам было предписано значительные средства тратить на борьбу с болезнью. Можно только представить положение провинциальных университетов, вынужденных в ситуации хронического недофинансирования выполнять все более дорогостоящие требования. Второе обстоятельство привело к тому, что университеты не смогли оперативно реагировать и переходить несколько раз от очной формы работы к дистантной или гибридной и выходили из этой ситуации с большими или меньшими потерями. Но главный удар, как всегда, пришелся на учащихся, потерявших много ярких и важных событий из студенческой жизни. Исчезли конференции, обсуждения, мастер-классы, были остановлены программы стажировок, практик и всех культурно-массовых мероприятий; все то, что на самом деле воспитывает интерес к исследовательской деятельности. Даже жизнь студентов в общежитии с ее неповторимой культурой деградировала; во многих вузах общежития опустели. Обучение свелось к унылому посещению учебных занятий, нередко в онлайн-режиме. Далекое не все педагоги поняли, что обычный формат занятий не подходит для дистанта, его надо серьезно трансформировать с учетом требования виртуального мира. Слушатели сразу почувствовали, что их фактически обделяют. Однако в процессе получения в образования, такая ситуация серьезно снизила мотивацию к учебе. Если же допустить, что пандемия будет, скорее всего, продолжаться все четыре года обучения студента, то выпускники воспримут это время как потерянное для приобретения профессии с новой неизбежной долей разочарования в университете. Но самое плохое, случившееся с высшей школой в условиях пандемии, – её фактическая изоляция от общества в результате сворачивания и без того редких образовательных программ дополнительного образования для школьников и взрослых, а также исчезновение культурных событий. Это ещё больше подорвало влияние вузов на общество.

Можно ещё долго сгущать краски относительно современного положения университета. По сути, он оказался между молотом глобальных вызовов и наковальней непонятной государственной политики в области науки и образования. Но все-таки надо понимать, что многое, случившееся с университетом, – вполне закономерное следствие его особого положения в обществе. Исторически так складывалось, что все уникальное, интеллектуальное и возвышенное было очень хрупким и разбивалось под ударами сокрушительных социальных сил. Университет всегда был слишком уязвим перед политическими и экономическими опасностями, а государство его редко защищало. А если и защищало, то ставило перед ним требования, которые шли вразрез с привычной академической культурой. Только в эпохи национального подъема или самого высокого уровня экономического благополучия университет чувствовал себя спокойно, но как только наступал кризис – про него в лучшем случае забывали, а в худшем назначали на роль источника многих бед. Кроме того, университет жил всегда неким идеальным содержанием, «ориентацией на идеал, к которому реальность лишь приближается» [6, 38], иногда не замечая, как меняется окружающая жизнь, и не чувствуя опасностей.

Но был ещё один фактор, ставивший университет в сложное положение в условиях нестабильности. Высшая школа никогда себя не идеализировала и не желала, чтобы её идеализировало общество. Самые критические, а иногда уничижительные оценки её работы давали именно интеллектуалы, выпускники лучших университетов своих стран. Скептицизм и неверие в их возможности сопровождали университеты, начиная с Возрождения, через А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, и вплоть до «Номо academicus» П. Бурдьё [2] и «Университета в руинах» Б. Ридингса [5]. По их убеждению, университет погрузился в повседневность, в то время как его задача – воспарять вне её и служить поиску истины, либо создавать гениев. Самокритичный настрой всегда витал в стенах высших учебных заведений; многим сотрудникам казалось, что они не соответствуют возвышенным задачам, сбиваются на мелочные цели, живут старыми идеалами. Именно такое умонастроение заставляло его не застыть в своем нынешнем положении и двигаться вперед. Моральная слабость выражалась и в том, что университеты не всегда отчетливо осознавали свое назначение, и каждый, причастный к его работе, понимал задачи по-своему. Университеты никогда не могли строго отчитаться о собственной работе, поскольку их цели лежали вне этого суетного мира и касались мира умопостигаемого («космос наук вплоть до универсальной ориентации в мире» [6, 37]), понятного только тем, кто в нем живет. Смутно население университета пони-

мает, что трудится ради повышения культурного уровня общества, развития интеллектуального мира и только в последнюю очередь – ради развития «высоких технологий». Но такие задачи невозможно сформулировать в цифрах и, кроме того, между добытым знанием и воплощением в практику есть много посредников. Университет только добывает знания, но возможностей в их использовании на благо общества у него почти нет. Единственный надежный результат, которым мог бы отчитаться университет, – это количество выпускников, продолжающих его дело, т.е. воплощающих идеалы науки и образования, столь важные для стран, стремящихся к развитию.

С другой стороны, моральная слабость университета оборачивается его же моральной силой. Несмотря на существенный мотив скепсиса к собственному положению, университет, хотя бы на уровне деклараций, всегда ориентировался на наивысшие образцы академической работы, не желая оказаться на среднем уровне. В своих лучших образцах высшая школа никогда не была настроена на получение прибыли, руководствовалась стремлением к научной истине, но при этом желала быть открытой и полезной для общества. Положение университета похоже на то, как И. Кант охарактеризовал моральный мир, который «мыслится только как умопостигаемый, так как в нем мы отвлекаемся от всех условий; (целей) и даже от всех препятствий для морали (слабость или порочность человеческой природы). Следовательно, в этом смысле он есть только идея, однако практическая идея, которая действительно может и должна иметь влияние на чувственно воспринимаемый мир, чтобы сделать его по возможности сообразным идее» [3, 663]. Здесь все про университет: и мир разума, желающий исправить чувственный мир, и ареал стремления к истине, не признающий препятствий. В этом мире большинство сотрудников понимает, что не всегда соответствует уровню университета, что от них требуется больше усилий, а их уровень знаний – всегда недостаточный. И сейчас, в эпоху дистантного и гибридного образования, это ощущение особенно сильно. На выполнение новых, непривычных бюрократических требований уходит много сил, из-за этого исчезает живой контакт со студентами и время на саморазвитие. Понимание своего несоответствия идеалу придает сотрудникам особенную интеллектуальную скромность, критичность, и, как следствие, не дает ни им, ни всему сообществу выступать авторитетами в жизненных вопросах. Быть моральным миром – не означает быть моральным авторитетом, т.е. иметь право учить общество, как ему жить. Напротив, университет критично настроен даже по отношению к аутентичным ему областям науки, образования и культуры, и совсем ему неудобно говорить о политике, моде, спорте, социальных

процессах, хотя все вокруг только об этом и говорят. Он просто считает все это незначимым: его поле деятельности – это мир углубленных исследований, который нельзя перевести на язык поверхностных комментариев в СМИ. Его дело – это не участие в повседневных обсуждениях, а скорее поиск надежных аргументов для таких обсуждений, которые могут обосновывать те или иные решения. Университет слишком маловлиятелен, чтобы, к примеру, участвовать в создании политической идеологии, но его влияния может хватить, чтобы не дать обществу отравиться ошибочными идеями.

«Моральный мир» – это, возможно, самое точное обозначение университета в его нынешнем положении. Причем здесь речь идет об экзистенциальной морали, которая остро переживает несовершенства своего существования и изъяны окружающих условий, но при этом продолжает верить в свое назначение. Как и в морали, университет всегда недоволен собой, судит себя самым строгим судом, но при этом его путь в мире понимался как школа академической добродетели и педагогического служения. Моральный мир всегда слаб, не имея за собой каких-либо влиятельных институтов общества, т.е. не обладая инструментами насилия, но силен в деле следования самым высоким, идеальным требованиям. Именно идеальная составляющая заставляет многих сотрудников до сих пор мириться с непонятными, часто неразумными, а иногда и унижающими их достоинство приказами, и пока массово не покидать университеты. Моральный мир не имеет четкого представления об идеале, к которому стремится, однако точно знает, чего он никогда не сможет одобрить, что чуждо и возмутительно для него. Например, трудно представить, чтобы университет одобрил свое окончательное превращение в великую корпорацию бизнеса, где царят жесткая иерархия, целевые показатели и технологии комплаенс. В таком случае исчезнет все уникальное, что есть в нем, а именно – стремление к бесконечному самосовершенствованию, к открытию новых горизонтов в интеллектуальном мире.

Сейчас российский университет занимает ярко выраженное промежуточное положение в обществе, которое, как известно, наиболее опасно. Те, кто застрял между различными классами, группами, возрастами, статусами (например, лица без гражданства, выпускники вузов, не нашедшие работу), либо в прямом смысле между жизнью и смертью, – часто не зависят только от себя и вынуждены надеяться на помощь со стороны. Так и университет оказался помещенным между требованиями государства, желающего включить его в свою структуру в качестве малозначительного социального института, где цели его работы будут спускаться исключительно сверху, и

запросами очень активного слоя общества, воспитанного на идеалах массовой культуры и требующего от высшей школы быть более приземленной и понятной массам, т.е. ориентироваться на некие, в большей степени подростковые, модели поведения. Государство не дает университетам широкие академические свободы, опасаясь независимости высшей школы, а массовая культура не желает ему оставить право на самостоятельное развитие, внешне непонятное тем, кто формировался под влиянием современных информационных потоков. Движение как в одну, так и в другую сторону, окончательное вращение либо в государственную структуру, либо в среду массовизации (или же сразу в обе, довлеющие над университетом реальности) будут означать крах высшей школы как самостоятельного, уникального мира, т.е. полную де-университизацию. Но надо понимать, что исчезновение университета как морального мира будет также неизбежно означать де-морализацию всего общества. В социальном пространстве останется слишком мало мест, где люди могли бы стремиться к саморазвитию из бескорыстных, возвышенных соображений, где бы они могли обретать свое призвание, либо просто размышлять на вечные, неутилитарные темы, а сообщество поддерживало бы их в этом стремлении. Какой удар придется на общий культурный уровень – это ясно и без дополнительных пояснений. Наше общество в плане образования никак не придет в себя после сокрушительных реформ средней школы, а без аутентичной высшей школы оно может ещё глубже увязнуть в состоянии культурного нигилизма.

Выход из промежуточного состояния для университета возможен при условии, если найдется ещё одна общественная сила, заинтересованная в прогрессивном развитии страны и потому желающая процветания средней и высшей школе. Это могут быть профессиональные союзы, общественные или региональные движения, социально ответственные корпорации бизнеса, интеллектуальные круги. Но трудность в том, что в нашем обществе они пока сами очень слабы и не могут стать надежной социальной и организационной базой для развития университетов.

Список литературы

1. *Баландина А.* Учеба со слезами на глазах: почему россияне не хотят поступать в вузы // URL: <<https://www.gazeta.ru/social/2021/03/20/13518608.shtml>>
2. *Бурдьё П.* Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.

3. *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 199с.
4. Образование в России: востребованность, доступность, качество // URL: <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazova-nie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>>
5. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 305с.
6. *Ясперс К.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

Е.В. Беляева

УДК 172

«Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага»

Аннотация. Текст посвящен сравнению «этики ответственности» с «этикой блага» и «этикой долга» по тем параметрам, которые характеризуют любую теорию морали: ключевая категория, сущность и специфика морали, тип морального субъекта. Это позволяет обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека. «Этика ответственности» полагает, что сущность морали – это ответственное в пределах своей компетенции поведение, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемной ситуации.

Ключевые слова: ответственность, этика долга, этика блага, этика ответственности, моральный субъект, сущность морали, специфика морали.

Введение

Контур «этики ответственности» как специфического типа теории морали все более заметно проступают в этической мысли последнего столетия, но особенно отчетливо тенденция к радикальной смене теоретической парадигмы в этике наблюдается в XXI веке. Нравственные процессы в современном обществе, а главное – сам тип субъекта морали, стали радикально отличаться от тех, описывать и объяснять которые были призваны классические и даже постклассические этические учения.

Между тем деление этических учений на классические и постклассические (либо классические – неклассические – постклассические) не отвечает собственной логике этической мысли и системе ее категорий, в которой за столетия сложились устойчивые способы построения теории морали. В результате образовалось два типа теорий, которые условно можно обозначить как «этика блага» и «этика долга», альтернативу которым и стремится найти «этика ответственности».

«Этика блага» восходит к Аристотелю, который конституировал этику как учение о высшем благе и о добродетелях как качествах человека, способствующих достижению этого блага. Впоследствии высшее благо стало обозначаться понятием «добро», а мораль пониматься как стремление человека к специфическому виду блага – добру. Для множества классических этических учений построение тео-

рии морали заключалось в определении «истинного добра», сопряженной с ним иерархии ценностей и обосновании их значимости. «Этика блага» анализировала и обосновывала традиционную нравственность, изначально присущую традиционным обществам и противостоящую нравственности модерна. До тех пор, пока традиционная нравственность исторически господствовала, «этика блага» оставалась вне конкуренции. Её слабость проявилась тогда, когда сами ценности и способы регуляции традиционной нравственности были поставлены под вопрос.

«Этика долга», главным теоретиком которой является И. Кант, интерпретирует мораль как способ регуляции поведения, связывает её специфику с особой формой нормативности. Такая этика считает главной задачей теории морали обоснование феномена должностования и придание ему абсолютной обязательности за счет разума. Когда Европа встала на путь модернизации, сама сущность морали изменилась. Нравственность эпохи модерна и соответствующая ей «этика долга» стали возможны благодаря возникновению новоевропейского субъекта сознания и деятельности, способного к самополаганию моральных норм. Недостатки такого способа нравственной жизни и теоретического способа его обоснования стали заметны по мере постмодернизации и ретрадиционализации социальной реальности.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы сравнить «этику блага» и «этику долга» с «этикой ответственности» по ключевым параметрам, характеризующим любую теорию морали, и обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека. Предпосылки такой типологии теорий морали содержатся в статье А. А. Гусейнова «Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. Бахтин)» [9], в которой своеобразие этических идей перечисленных мыслителей было соотнесено с типами нравственности, сложившимися на различных этапах исторического развития.

Социокультурные предпосылки «этики ответственности»

В качестве социокультурных предпосылок становления «этики ответственности» можно указать на общие радикальные перемены мира и места человека в нем.

Современный мир характеризуется как глобальный, глубоко и всесторонне взаимосвязанный, мир, в котором любая проблема затрагивает интересы каждого. Экономический кризис и пандемия, экологическая проблема и социальная революция, имея локальное начало, неизменно получают глобальное распространение. При этом

человек осознает себя как жертвой этих процессов, так и их источником, а потому обязан принять участие в разрешении им же порожденных проблем. Становится очевидным, что только совместные действия людей могут привести к существенным изменениям положения вещей, однако тип действия и характер «совместности» должны существенно отличаться от социальной практики эпохи модерна, организованной посредством идеологии и приведшей к омассовлению социума. Ощущается потребность не в преобразующих, а в «исцеляющих» действиях, в разделении и структурировании ответственности внутри человеческого единства. Кроме того важнейшей проблемой глобального мира стало сохранение его многообразия, которое приобрело нравственный характер; и противоположная проблема – выработки правил взаимодействия в крайне «индивидуализированном обществе» (З. Бауман).

Другая характеристика современного мира – это его неустойчивый, рискованный характер; из ойкумены, дома, объемлющей основы человеческого существования «окружающий мир» превратился в пространство перманентного кризиса, неконтролируемого хаоса, в котором человек продолжает настойчиво действовать и пытается управлять собственной жизнью, в том числе построить ее как хорошую, правильную, ответственную.

Третья характеристика современного мира обусловлена расширением электронных коммуникаций и возникновением виртуальной реальности, сложно переплетенной с реальностью материальной. Вовлеченность в электронные сетевые коммуникации принципиально изменила способы взаимодействия моральных субъектов, не только содержание, но и механизмы моральной регуляции. Эта не существовавшая прежде реальность целиком порождена человеком и находится в сфере его ответственности.

В такой «ситуации человека в мире» (К. Ясперс) субстанционалистская «этика блага» и рационалистическая «этика долга» стали испытывать затруднения в том, чтобы обосновать моральную регуляцию и нормативно-ценностную ориентацию человека. Под вопросом оказались поставленные и абсолютно онтологические основания, на которых покоилась «этика блага», и абсолютность разума как основание «этики долга». В глобальном, рисковом, виртуальном мире стали складываться новые способы нравственной жизни и соответствующая им «этика ответственности».

«Этика ответственности»:

контексты употребления термина в научной литературе

Поскольку категория ответственности относится не только к этике, а проблематика «этики ответственности» не только к истории

этических учений, научная литература по данной тематике не только обширна, но и разнородна.

Во-первых, слово «ответственность» чаще всего встречается в юридическом контексте; а поскольку правовые и моральные аспекты ответственности тесно переплетены, то разговор о мере нравственной ответственности различных субъектов права становится предметом «этики ответственности» в юридических дисциплинах.

Во-вторых, поиск по ключевым словам «этика ответственности» выводит на литературу, посвященную ответственности ученого, врача, юриста, представителя СМИ, рекламы, корпоративной социальной ответственности бизнеса. Ответственность в ней рассматривается как составляющая некоторых профессиональных этических кодексов или самостоятельных сфер деятельности, ответственность профессионала трактуется как следствие его общественной миссии, а «этика ответственности» – как прикладная этика.

Третий контекст употребления словосочетания «этика ответственности» – это глобальные проблемы современности, порожденные способностями человека радикально преобразовывать среду своего обитания. К ним относятся возможности современной науки не только познавать, но и изменять свойства познаваемых объектов, а также воздействие техногенной цивилизации на природу, приведшее к экологическим проблемам. Здесь речь идет о таких вещах, как ответственность ученых за результаты научного познания и совокупная ответственность человечества за сохранение природной среды. Данная проблематика имеет по преимуществу прикладной характер, исследования направлены на решение обозначенных проблем. Категориальный же анализ осуществляется для того, чтобы обеспечить этим рассуждениям теоретическую поддержку. Так, после выхода книги Г. Йонаса «Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации» [11] появились многочисленные публикации, в которых развитие этики ответственности связывалось почти исключительно с прикладными экологическими проблемами. Теоретический же потенциал рассуждений Г. Йонаса остался в тени.

В-четвёртых, понятие ответственности является полноправной этической категорией и исследуется в контексте различных проблем теории морали (свобода и ответственность, ответственность и вина, ответственность личности и коллективная ответственность) [15, 16], но не рассматривается как главная, системообразующая категория теории морали, подобно категориям добра и долга.

Наконец, пятый подход – это собственно этико-философская постановка проблемы, предполагающая разработку «этики ответственности» и выявление ее специфических характеристик среди дру-

гих теорий морали, чему и посвящена данная статья. В XX веке на почве критики теоретико-методологических и нормативных стратегий «проекта модерна» и присущего ему способа этической рефлексии, воплощением которого выступала философия И. Канта [7], стали разрабатываться философские концепции, центрированные категорией ответственности. «Этика ответственности» критикует «этику долга» за навязывание относительных, по сути, принципов в качестве универсальных, за неспособность помочь в решении реальных проблем по причине абсолютизации разрыва должного и сущего. Первые наброски такого подхода принадлежат Макс Веберу, который в работе «Политика как призвание и профессия» доказывал несостоятельность кантовской «этики убеждения» в области политической деятельности и постулировал необходимость перехода к «этике ответственности», которая заботится не только о чистоте мотивов нравственных действий, но и об эффективности их последствий [8]. В середине XX века Т. Адорно подверг критике этику Канта и говорил о необходимости этики ответственности, главным признаком которой также провозглашался консеквенциализм [1]. Впоследствии внимание к теоретическому наполнению данной категории было привлечено в книге Х. Арендт «Ответственность и суждение», поставившей проблему личной и коллективной ответственности при диктатуре [6]. У М. Вебера, Х. Арендт и Т. Адорно этика ответственности не разрабатывалась как полноценная теория морали, необходимость новой концепции доказывалась «от противного», в противовес этическим идеям И. Канта, и была обусловлена социально-политическим контекстом.

Между тем, в XX веке был создан ряд влиятельных теорий морали, которые могут быть причислены к «этике ответственности», вне зависимости от их историко-философской атрибуции и самопрезентации. К этой группе можно отнести экзистенциализм Ж.-П. Сартра, этику дискурса К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, этику поступка М. М. Бахтина, феноменологическую этику Э. Левинаса и П. Рикёра, теоретические идеи Г. Йонаса и Х. Ленка. В русскоязычной литературе произведением такого рода является книга В.А. Канке «Этика ответственности. Теория морали будущего» (который, однако, полагал «этику ответственности» разновидностью «этики ценностей», а не самостоятельным типом этической теории) [12].

Каждый из перечисленных авторов напрямую связывал этику и онтологию, разрабатывал онтологию морального субъекта, давал новое представление о его структуре и способах отношений с миром. Все эти теории морали объединяет антиметафизичность, методологический индивидуализм и фигура Другого, рефлексивность, комму-

никативность, консеквенциализм, ситуативность, антинормативный характер. Каждый из философов стремился построить теорию морали за пределами антитезы «этика долга» vs «этика блага» или осуществить синтез обеих традиций, характеризуя сущность морали посредством категории «ответственность».

Таким образом, к началу XXI века стало возможным говорить об «этике ответственности» как принципиально новом типе теории морали, который отчетливо прослеживается в истории этических учений. Этот новый тип теории морали призван обосновать нравственную жизнь современного человека, в которой произошли столь значительные изменения, что нормативно-ценностные установки, диктуемые предыдущими теориями морали, оказались недостаточными.

Структура теории морали

Для того, чтобы сопоставить различные теории морали, необходимо выдвинуть параметры их сравнения. Сложность решения данной задачи обусловлена тем, что методология построения этической теории странным образом является малоразработанной областью знания. Этическая концепция либо заимствует свои теоретико-методологические основания из соответствующего направления в философии, либо просто пользуется уже сложившимися за столетия приемами построения теории морали. Мало кто предпосылает собственным студиям рассуждение о том, из чего должна состоять всякая теория морали, на какие вопросы она должна ответить.

«Теория – в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [18]. Исходя из этого определения и общенаучной методологии, всякая теория должна построить категориальную модель своего объекта, позволяющую познать его сущность и закономерности развития, и на этой основе предсказывать поведение этого объекта в различных обстоятельствах.

Соответственно, задачей теории морали является познание данного феномена в категориях и способность не столько предвидеть, сколько предписать пользователю данной теории эффективную нравственную стратегию и тактику поведения. Любая из многообразных этических теорий, которые классифицируются по множеству оснований, должна выполнять эту задачу. Поэтому процесс теоретического моделирования морали предполагает следующие операции: определение сущности морали и разработку ключевой категории,

обозначающей эту сущность; выявление специфики морали по сравнению с другими явлениями; построение модели морального субъекта; создание программы поведения и взаимодействия таких субъектов. Теория морали обычно опирается на онтологические, гносеологические или антропологические идеи философии, но ассимилирует их на своем категориальном языке.

Ключевые категории трёх типов теорий морали

Как на уровне обыденных интуиций, так и на уровне философских определений, мораль – это способность различать добро и зло, следовать первому и отвергать второе. Со времен Ветхого Завета эта фундаментальная категориальная оппозиция задает сущность морали. Притом собственно «добро» как категория, обозначающая специфически моральную ценность, отделяется от общеаксиологической категории «блага» достаточно поздно. В частности, в этике Аристотеля (кстати, как и в современной биоэтике) человеку предписывается «делать благо», а не «делать добро». В словаре Брокгауза и Евфрона благо и добро объединены в одну статью, в которой проф. И.Е. Андреевский ведет речь по преимуществу о благе [2]. А в Новой философской энциклопедии, изданной в 2010 г., уже добро в широком смысле означает благо, а в тексте речь идет об этических проблемах, сформулированных с использованием понятия «добро» [3]. Но словосочетание «этика добра» не встречается.

Поскольку добро является главной этической ценностью, то теории, в центре которых находится данная категория, могут быть названы и «этикой ценностей» (хотя в узком смысле так именуется феноменологическая концепция М. Шелера). В рамках неаристотелизма второй половины XX века, после работ Э. Энском и А. Макинтайра получило распространение такое обозначение этих этических учений как «этика добродетели». Следует сказать, что и «этика ценностей», и «этика добродетелей» сознательно противопоставляли себя «этике долга» и получили свою атрибуцию на ее фоне. Наконец, в современной англоязычной литературе доминирует разделение этических теорий на утилитаристские и деонтологические. К последним, опять-таки, относятся теории, опирающиеся на кантовскую идею долга, а утилитаристские центрированы категорией блага, понимаемого как польза. При таком разнообразии наименований данной группы учений предлагается остановиться на самом древнем и широком понятии «благо» и обозначить такой тип теорий морали как «этику блага», которая строится вокруг добра как ключевой категории и высшей нравственной ценности.

Категория «долг» также имеет длительную историю формирования. В древнейших законодательных текстах на индоевропейских

языках концепт «долг» означает «нечто отрезанное, отделённое и отдалённое от действительности», при этом «отдаленно-желательное» [13]. Значимость механизма долженствования как центрального для морали осознается постепенно, в основном через понимание разнообразных конкретных обязанностей. Только в эпоху модерна в этике Канта долг оказывается центральной категорией этики, обозначающей сущность морали. Ретроспективно и другие этические учения начинают видеться как деонтологические (кинники, стоики, некоторые разновидности христианской этики, Дж. Ролз, У. Росс). И наконец, под влиянием критики всей философской стратегии Просвещения и, более широко, модерна, наименование «этика долга» (duty-based ethics, deontological ethics) окончательно устанавливается в научной литературе.

Перемещение категории ответственности в центр этической теории связано с тем, что сущность современной морали изменилась, и ответственность (периферийная, хотя и важная особенность морали) стала системообразующей для нее. Понятие ответственности закладывается в древнеримском праве и только постепенно получает нравственное толкование. «В русском языке слово “ответственность” появилось довольно поздно. В словаре русского языка XVIII в. этого слова еще нет, хотя есть причастие “ответствованный”, связанное с глаголом “отвечать”» [10, 19]. В силу неразрывной связи темы ответственности с темой свободы, реальное социальное и духовное освобождение личности становится предпосылкой того, чтобы и субъект, и предмет его ответственности стали постепенно расширяться. В результате, во второй половине XX века был разработан ряд этических учений, которые поставили категорию ответственности в центр теории морали.

Сущность и специфика морали в трех типах теорий морали

Мораль как ценностная ориентация. В «этике блага» мораль трактуется как жизненная ориентация человека на основе объективно значимых ценностей, ее сущность определяется содержанием этих ценностей (в первую очередь, добра), акцентируется не императивный, а аксиологический аспект морали. Поскольку в такой этике добро зачастую укореняется в онтологии мира, она характеризуется как субстанциональная, а поскольку указывает на высшее благо как цель жизни, – как телеологическая.

Сущность морали в рамках «этики блага» наилучшим образом обобщена Р.Г. Апресяном. «Мораль в общем смысле и есть определенные по содержанию ценности. Это ценности блага, блага для индивида, а также солидарности и единства между индивидами как ... носителями блага» [4, 61]. Эта ценностная структура морали универ-

сальна, так как «прослеживается в различных ценностно-императивных комплексах всех известных культурных традиций» [5, 125]. Обосновывая, какие именно ценности относятся к моральным, Р.Г. Апресян пишет: «мораль – система ценностей, побуждающих людей стремиться в своих суждениях, решениях и действиях к содействию благу других (индивидов и сообществ), и делать это наилучшим образом, ориентируясь на идеал совершенства» [5, 125]. Все культуры признают необходимым ограничение эгоизма, сдерживание своих интересов, признание чужих интересов и бескорыстное содействие благу другого. К специфическим ценностям такого рода относятся ненасилие, любовь, солидарность, сострадание, забота, альтруизм.

В целом, список моральных благ, ценностей или видов добра в «этике блага» сохраняет определенную устойчивость. Во всех исторических изменениях нравственность человека определяется правильным (в разных традициях – разным) отношением к родственникам, традиционным сексуальным поведением, заинтересованным отношением к собственной деятельности, благожелательным отношением к окружающим людям и к сообществу, а также уважением идеального основания моральных заповедей. Что и составляет аксиоматический набор нравственных ценностей «всех времен и народов».

«Этика блага» трактует сущность морали содержательно, объясняя индивиду, что нужно делать, как делать и каким нужно быть (добродетельным, совершенным) для того, чтобы вести нравственную жизнь. Этические учения такого типа построены, как учения о правильной и благой жизни, т.е. концепций, в которых теоретические задачи подчинены нормативным, описание и объяснение морали служат обоснованию вполне определенной морали. При определении добра эти теории стремятся не к абстрактно-логической правильности дефиниции, а к определению критериев, отделяющих нравственное от безнравственного, добро от зла, к формулировке конкретных содержательных жизненных установок.

В контексте «этики блага» есть теории, которые полагают, что моральные ценности обладают выраженной спецификой. В них добро значимо само по себе, несводимо ни к какому другому явлению или понятию, самодостаточно. Есть и такие теории, для которых моральные ценности включены в единое аксиологическое пространство, а добро соотносено с потребностями «истинного», «нормального» человека как индивида или как родового существа. Оно оказывается растворённым во всех формах социальной практики, специфика морали не представляется важной проблемой, степень ее реализации повышается. Мораль становится привлекательной для индивида,

который сможет увидеть в моральном поведении и образе мыслей собственное благо.

Мораль как нормативная регуляция. «Этика долга» интерпретирует мораль как специфический способ регуляции поведения, главным ее проявлением считается феномен долженствования. Обоснование морали осуществляется здесь за счёт процедур, способных придать долженствованию обязательность, т.е. абсолютизируется императивный аспект морали. Источником долженствования у И. Канта стал разум, имевший трансцендентную природу, а исполнение долга приобрело вид самозаконодательства воли.

В современной этической литературе такой подход может быть обозначен как функциональный в противовес субстанциональному: отнесение того или иного феномена к числу моральных обусловлено способом его функционирования [4, 61]. В такой теории морали нет содержательных представлений о моральном благе, оно определяется в процессе долженствования. Содержание моральных правил может меняться, общей остаётся лишь форма вменения требований, которая носит универсальный и абсолютный характер. Никакие поступки, идеи или отношения не считаются добрыми сами по себе, они обретают нравственный смысл в том случае, если выстраиваются в соответствии со специфическими правилами моральной регуляции.

Особенность механизма моральной регуляции заключается в том, что требования морали предъявляются личностью к самой себе, в бескорыстии ее мотивации, в неинституциональности воздействия и духовных санкциях за нарушение норм. Моральные требования предъявляются как всеобщие, обобщенные, объективные, абсолютные и универсализуемые (независимо от того, что в социальной реальности они весьма относительны и условны).

«Этика долга» связывает нравственность с поведением на основании внутренних рационально обоснованных убеждений личности, со следованием принципам, вменяемым в обязанность. Таким условиям в наибольшей степени отвечает нравственность автономных рациональных индивидов эпохи модерна. Этика долга предписывает равное нравственное отношение ко всем субъектам морали, она не смешивает моральную мотивацию с психической, а также не отождествляет следование долгу с конкретными социальными обязанностями. Именно такие характеристики приписывал морали И. Кант, теория которого представляет собой наиболее последовательное воплощение «этики долга» и в то же время отражает глубокую перестройку нравственной реальности при переходе от традиционных обществ к обществам модерна.

В рамках «этики долга», которая акцентирует динамические аспекты нравственности, легче объяснить образование ее новых исторических форм, появление новых систем нравственных ценностей, новых «видов добра». Привлекательность этой модели состоит в том, что она рассматривает человека как автономного рационального субъекта морали, придавая ему величайшее человеческое достоинство на основе исполнения универсальных законов. Такой субъект в любой ситуации выбирает в реальности те аспекты, которые получают статус добра, на основе саморегуляции у него есть шанс изобрести моральные смыслы за границами традиционных содержаний.

Мораль как ответственное поведение. Для «этики ответственности» нет онтологически фундированного добра, к которому можно стремиться и тем оправдать свою жизнь как нравственную. В «текущей современности» (З. Бауман) блага слишком релятивны, в плюралистическом мире у каждого своё благо, не то что несовместимое с благом других, но часто непонятное для других участников нравственных отношений. Точно так же в непостоянном мире нет и рационально аргументируемого долга, универсального способа моральной регуляции. Однако даже в такой ситуации у человека «нет алиби в бытии» (М. Бахтин), поэтому он не может жить безответственно, не стремясь к нравственной жизни.

«Этика ответственности» полагает, что сущность морали – это ответственное в пределах своей компетенции поведение, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемной ситуации. Безнравственный – не тот, кто сделал зло (он, может быть, зла и не делал), и не тот, кто не выполнил долг (в этой ситуации, возможно, должное и не было предписано), а тот, кто уклонился от ответственности, от самостоятельного решения и поступка в ситуации, от самого усмотрения чего-то в качестве ситуации, вызывающей к моральному поступку. Соответственно, нравственный – тот, кто способен разрешать проблемные ситуации, берет их в свои руки, проявляет решимость к поступку, чей специфический тип бытия – бытие самостью – обеспечивает такую способность.

Трактовка категории ответственности в данном типе этической теории отчасти обусловлена изменившейся трактовкой соотношения детерминизма и свободы в постнеклассической философии. Типы детерминизма обозначаются в современной научной литературе как лапласовский – вероятностный – синергетический (Ю. Сачков [17]). Или как линейный – нелинейный – фрактальный (Г.П. Меньчиков [14]). Третий вид детерминизма не просто выделяет место для человеческой свободы, а значит, и ответственности, но предполагает ее. Ответственность мыслится как онтологическая характеристика, свой-

ство бытия человека и фактор самоорганизации этого мира. В силу этого ответственность не возлагается на человека извне какими бы то ни было инстанциями и институциями, а берется им самостоятельно или даже производится самим способом присутствия. В неустойчивом рисковом мире, где ответственное поведение человека является важнейшей составляющей процессов детерминации, определяющей характер его динамики.

Данная трактовка ответственности разрывает связь ответственности с категорией вины, рассматривает ее не как ретроспективное воздаяние за нарушение предписанных правил, налагаемое инстанцией авторитета. Такая «ответственность перед» законом божьим, природным, юридическим неизменно свидетельствовала о слабости, принципиальной греховности и виновности личности. Позитивная же «ответственность за» имеет проспективный характер, обращена в будущее и зиждется на способности субъекта полагать собственный закон в этом мире, принимать решение относительно его преобразования и вносить свою ответственность как вклад в сохранение и продолжение жизни этого мира. Наглядной моделью такой свободно избираемой и неотменяемой «ответственности за», вторгающейся в ткань бытия с целью его сохранения, Г. Ионас считал ответственность за ребёнка, существование которого по своей природе нуждается в длительной бескорыстной заботе взрослых [11].

При расположении ответственности в центре теории морали она, с одной стороны, становится всеобъемлющей и абсолютной («я отвечаю за все и за всех»), а с другой – мыслится как совершенно конкретная, ситуативная (за жизнь этого Другого в данных условиях). Поэтому для такой теории важнейшим становится вопрос о разделении ответственности между субъектами, каждый из которых принимает на себя решения и вносит вклад в событие. В частности, в экологической этике есть определенный подход к распределению ответственности: между ЮНЕСКО (которая выпустит этический кодекс), национальными правительствами (которые запретят одноразовую посуду, бензиновые двигатели, введут налоговые льготы для пользующихся электротранспортом), предприятиями (за свои выбросы), семьями (за организацию домашнего хозяйства с раздельным сбором мусора) и личностью (которая откажется от косметики, тестируемой на животных, придет в магазин со своим пакетом) и т.п. Способность моральных субъектов к ответственности во многом определяется их силой в широком смысле слова, в том числе моральной силой. Здесь кантовское правило «должен – значит можешь» (долженствование обязывает смочь) преобразуется в «можешь – значит

должен» (долженствование предписывает субъекту реализовать его специфическую силу).

Разработка «этики ответственности» как на метафизической основе (Э. Левинас), так и на прикладной экологической (Г. Йонас) показывает, что основным объектом «этики ответственности» является бытие живого Другого. Древнейшая заповедь «не убий» расширяется до необходимости беречь всякую жизнь и способствовать ее развитию, делается акцент на инаковости, нетотализируемости того, на кого обращены мои нравственные действия, а также на рискованной природе ответственного поступка в современном мире и негарантированном его результате.

В «этике ответственности» специфическим для морали оказывается не содержание ее предписаний и не форма ее требований, а тип дискурса и производимого в нем смысла – смысла жизни, человекомерного смысла события. Мораль здесь то, что сохраняет жизнь Другого, жизнь всего живого, дает силы жить самому субъекту морали. Пресловутая проблема смысла жизни становится повседневной и предполагает не теоретический ответ на вопрос «в чем смысл жизни?» и привнесение его в жизнь, а практическое производство смысла в дискурсивных актах речи и деятельности. Такая способность морального субъекта производить смысл определяется способом его бытия в изменчивом мире, что и зафиксировала философия XX века.

Моральный субъект в трех типах теорий морали

Добродетельный гражданин «этики блага». Характеристики морального субъекта «этики блага» лучше всего представлены в сочинениях Аристотеля. В них субъект морали – это добродетельный гражданин полиса, его нравственное поведение протекает в социуме, что изначально говорит о морали как определенном рода социальной адаптации. Среди способностей аристотелевского морального субъекта разум занимает почетное место, однако для осуществления конкретных нравственных поступков ему необходим фронезис, практическая мудрость, позволяющая познать и реализовать благо в данном частном случае.

Добродетель как нравственное качество личности не редуцируется ни к количественным параметрам поведения, ни к списку нормативных предписаний. У Аристотеля речь идет не только о множестве добродетелей как нравственных качеств, необходимых для успеха в различных видах деятельности, но и о добродетели как некоем целостном качестве индивида, манифестацией которого и является мораль. «Добродетельный индивид является добродетельным не в силу того, что он в своем выборе следует определенным независимо от него заданным и существующим этическим критериям. Напротив,

конкретный выбор приобретает этическое качество по той причине, что он является выбором (поступком) добродетельного индивида» [9, 8]. Быть нравственным для такого человека означает стремиться к благу, к ценностям, значимость которых укоренена в социальном бытии.

Мотивацией морального субъекта «этики блага» является стремление к счастью, которое рассматривается как естественное и нравственное. Представления Канта о чистоте, незаинтересованности, непрагматичности, бескорыстии мотива как специфической черте моральной регуляции здесь не имеют смысла. Стремление к счастью как высшему нравственному благу не эгоистично и не корыстно, так как само его содержание включает благую жизнь в семье, наличие друзей («счастливый нуждается в друзьях»), социальную самореализацию, при которой политическое взаимодействие суть продолжение и высшая форма этического общения между людьми.

Понятно, что в последующие эпохи описанное благодостное положение вещей подвергается теоретическому сомнению и практическому разрушению, однако и в последующих теориях морали, построенных как «этика блага», моральный субъект рассматривается как социально адаптированный индивид, моральные мотивы которого находятся в единстве с его психологическими мотивациями и социальными привычками. В той степени, в которой люди продолжают жить сообществами, основанными на непосредственных личных контактах, субъект традиционного способа нравственной регуляции и «этики блага» воспроизводится.

Автономный рациональный индивид «этики долга». Моральный субъект «этики долга», сконструированный И. Кантом – это автономный рациональный индивид, для которого быть нравственным означает на основе внутренних убеждений выполнять долг, следовать принципам, вменяемым в обязанность. Такой активный, деятельный субъект, сложившийся в эпоху модерна, принципиально отличается от субъекта морального сознания и поведения, господствовавшего в традиционной нравственности. Индивид перестал быть «узлом» в системе социальных связей, но начал сам строить эти связи по своему разумению. Соответственно и в морали личность стала формировать собственные убеждения, придавать им устойчивость за счет рациональной аргументации, а затем вступать в нравственное взаимодействие с другими автономными субъектами. Способом обоснования равноправия субъектов морали стало универсалистское представление о разуме, построение этики на принципах такого разума, этики, обращенной ко «всякому разумному существу».

Моральный субъект «этики долга» отличается тем, что способен рационально мотивировать свое поведение, самостоятельно формировать свое мировоззрение, строить непротиворечивую систему убеждений. Внутренне осознанное нравственное требование, сформулированное как принцип, становится для личности основанием для совершения поступка. Рациональность моральной аргументации позволяет индивиду самостоятельно, без обращения к внешнему авторитету, но силой «одного лишь разума» осуществлять позитивный моральный выбор. Целостность, последовательность и непротиворечивость системы нравственных принципов признается обязательной «для всякого разумного существа»; а принципиальность – важнейшим моральным качеством.

Могущественная, открытая Другому личность «этики ответственности». Для морального субъекта «этики ответственности» быть нравственным означает принимать на себя ответственность за благоприятное разрешение проблемных ситуаций. До сих пор нет устоявшегося представления о том, в каких терминах теория морали должна охарактеризовать его особенности. Начиная с того, что сам термин «субъект» кажется не слишком удачным, так как общая концепция субъекта в европейской философии, начиная с Нового времени, предполагала противопоставление субъекта объекту (В. Лекторский). При этом субъект (подразумевается человек) мыслился как активное преобразующее начало познания и деятельности, а объектом оказывался окружающий мир, подлежащий преобразованию в соответствии с целями субъекта. С очевидностью современная «ситуация человека в мире» предполагает иное его отношение к этому миру, и на повестке дня стоит включение в число субъектов морали не только людей, но и всех живых существ, а также роботов, искусственного интеллекта, виртуальных личностей и т.п. В то же время активность остается важнейшей характеристикой морального деятеля, поэтому в некоторых текстах он получает наименование «актера», «агента». Принципиальным отличием данного типа субъекта является то, что его активность не сводится к активности мышления (которая потом только реализуется в действиях), а сразу проявляется в поступках как целостных актах самости.

В отличие от кантовской модели трансцендентального субъекта, структура которого предполагалась априорной, идентичность нового субъекта имеет гибкий, модульный характер (З. Бауман), определяется способностью к самопреобразованию (П. Рикёр). Его характеризует не автономия как самоидентичность, а открытость, разомкнутость (Э. Левинас, М. Хайдеггер). Высокая степень индивидуализации человека в современном мире позволяет обращаться к

таким обозначениям морального субъекта, как «Я», «личность», «персона», а рассмотрение проблемы его идентичности побуждает обозначить его как «самость». В то же время важнейшей особенностью субъекта «этики ответственности», зафиксированной в философии XX века, является его конституирование посредством фигуры Другого. Это обстоятельство задает опять-таки не автономную, а коммуникативную природу субъекта в «этике ответственности».

В результате наблюдений за изменениями в структуре моральной субъектности складывается впечатление о принципиальной невозможности ее сведения к отдельным характеристикам. Появляется потребность говорить о том, *кто* совершает моральные поступки, *кто* имеет моральные убеждения, *кто* принимает на себя ответственность. Субъект не имеет специальных характеристик, несводим к своим проявлениям, а потому неопределим никакой дефиницией, выступает нейтральным наблюдателем по отношению к любой ситуации, именно поэтому и оказывается чистой спонтанной активностью, прорывающей ситуацию и способствующей ее разрешению: можешь – значит должен. Такая точка вненаходимости делает субъекта абсолютно рефлексивным, а различие рефлексивности и рациональности задает специфику нового рационализма в этике. Наряду с онтологической структурой субъекта, «этика ответственности» раскрывает и гносеологическую его структуру. На смену нравственному разуму эпохи Просвещения приходит новый рационализм. Главная разница состоит в том, что классическая рациональность монологически центрирована, она упорядочивает мир и познание единственно возможным способом, самопрозрачным для себя самого. Рефлексивность же – это самопонимание в результате коммуникативного сетевого соотнесения себя с Другими, со своими предшествующими состояниями, со всеми возможными интерпретациями своего положения в мире. В результате рефлексивный субъект оказывается одновременно и нейтральным (изначально пустым, никаким), и вовлеченным в ситуацию, в которой его «неспецифичность» обретает «окраску», сообразную событию. Если понимать рефлекссию как «обращение назад», соотнесение себя со всеми своими состояниями в настоящем, прошлом и будущем, коммуникативное постижение себя через все взаимодействия с другими, то становится понятным, что рефлексия – не только мыслительная, но и практическая процедура, с помощью которой субъект полагает себя в бытии.

Специфика морали для такого субъекта определяется типом его бытия. Поэтому этика либо укореняется в онтологии, либо (у Э. Левинаса и М. Бахтина) сама оказывается в основе онтологии. Соответственно для субъекта «этики ответственности» нравствен-

ность определяется не содержанием ценностей, не способом регуляции, а способом бытия. Быть нравственным – значит быть особым образом.

Характерно и то, что эта особенность человеческого бытия является принудительной, от нее нельзя уклониться, это бытие, порождающее должностное. Мыслители XX века формулируют эту идею в различных терминах. Сартр пишет о человеке как «дырке в бытии»; Бахтин заявляет, что у человека «нет алиби в бытии»; Левинас утверждает, что человеческое бытие возникает в результате открытости и ответственности Другому; Йонас констатирует, что человеческое бытие разворачивается перед лицом живого; Хайдеггер пишет о разомкнутости как характеристике бытия-присутствия.

Поэтому собственно человеческое бытие характеризуется разомкнутостью, открытостью, зиянием, уязвимостью, невозможностью уклониться от своего призвания; это бытие-событие, в котором у нас нет алиби, это «бытие под вопросом». *Тот, кто есть так*, что он откликается на зов бытия, дает ответ на зов Другого в форме заботы, которая становится фундаментальной категорией «этики ответственности». Бытие нравственным – это субъект-субъектное, коммуникативное бытие, со-бытие с Другими и миром. При этом быть нравственным данному субъекту приходится в рисковом, хрупком, негарантированном мире, в бытии временном и временном, а не в вечности, производя бытие-событие, ситуативное бытие. В результате субъект пребывает не в мире универсальных принципов («этика долга») и вечных ценностей («этика блага»), а в мире смысла и его локальных универсализаций.

Наконец, бытие нравственным предполагает постоянное трансцендирование за границы своего Я, но не в вертикальной (к Богу, чистому разуму, иерархии трансцендентных ценностей), а в горизонтальной проекции (к Другому, к людям). В условиях, когда «Бог умер и люди остались одни» (Сартр), вывод состоит в том, что вся надежда только на человека. «Мир стал совершеннолетним» (Д. Бонхёффер), в нем надо действовать так, как будто Бог – это ты. Не воображать себя Богом, а наоборот, поступать так, как действовало бы всемогущее, всеблагое бессмертное существо в той конкретной конечной ситуации, в которой приходится действовать тебе. Соответственно важнейшей способностью морального субъекта становится сила, мощь, позволяющая ему реализоваться как активное начало в бытии и добиться результата, нравственных последствий поступка. И доброта, и должностное предполагают наличие у субъекта загадочных нравственных сил для их осуществления, однако в «этике

ответственности» сила становится главной моральной способностью субъекта.

Таким образом, моральный субъект «этики ответственности» имеет онтологическую структуру, является индивидуальным, рефлексивным, способным к самопреобразованию, могущественным, коммуникативным, открытым к Другому.

Подводя итоги на основании выделенных параметров, можно сравнить три типа теории морали в таблице.

Сравнение трех типов теории морали

Параметры сравнения	Этика		
	блага	долга	ответственности
<i>Ключевая категория</i>	добро	долг	ответственность
<i>Сущность морали</i>	ценностная ориентация	нормативная регуляция	ответственное поведение
<i>Специфика морали</i>	содержание, ценностное содержание	форма, способ регуляции	тип бытия субъекта поступок смысл
<i>Моральный субъект</i>	Добродетельный социально адаптированный	рациональный автономный	открытый Другому способный к самопреобразованию коммуникативный
<i>способность морального субъекта</i>	добродетель способность делать добро	разум способность исполнять долг	могущество (разумное, добродетельное) способность разрешать проблемные ситуации, брать на себя ответственность
<i>Тип общества</i>	традиционное	модерное (modern)	современное (contemporary)
<i>Представители в истории этических учений</i>	Аристотель Гельвеций Шелер Макинтайр и др.	Кант Лютер стоики Дж. Ролз и др.	Сартр Хабермас Левинас Йонас Рикёр Апель и др.

В «этике блага» *сущность морали* раскрывается через ее содержание (ценностную ориентацию на категорию добра); в «этике долга» – через ее форму (специфический способ нормативной регу-

ляции); в «этике ответственности» – через ее смысл, выявленный в ответственном поведении.

Специфика морали в «этике блага» определяется спецификой ее нормативно-ценностного содержания (добра); в «этике долга» – способом регуляции (долженствованием); в «этике ответственности» – типом бытия морального субъекта (производящего смысл).

Для «этики блага» *быть нравственным* – означает делать добро; для «этики долга» – исполнять долг; для «этики ответственности» – разрешать проблемные ситуации, брать на себя ответственность.

Субъектом «этики блага» выступает добродетельный социально адаптированный человек; «этики долга» – автономный рациональный индивид; «этики ответственности» – сильная, открытая Другому личность.

Наконец, *средством достижения* моральной цели, ее инструментом в «этике блага» является добродетель, позволяющая сделать добро; в «этике долга» – разум, дающий возможность понять и исполнить долг; в «этике ответственности» – сила, которая позволяет взять на себя ответственность.

Таким образом, сравнение «этики блага» и «этики долга» с «этикой ответственности» по ключевым параметрам, характеризующим любую теорию морали, позволяет обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека.

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2000. 239 с.
2. Андреевский И.Е. Благо, добро // Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. Т. IV(7). С. 40–41.
3. Апресян Р.Г. Добро [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010f9-bc8de84b3c231713f0f> (дата обращения: 30.11.2021).
4. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали. Послесловие к дискуссии // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 60–72.
5. Апресян Р.Г. Этика. М., 2017. 356 с.
6. Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. 352 с.
7. Беляева Е. В. Мораль «модернити» в этике И. Канта // Свободная мысль–XXI. 2009. № 4. С. 183–194.

8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв.: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 644–706.

9. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. Бахтин) // Этическая мысль. 2001. С. 3–26.

10. Домусчи С. Происхождение ответственности: социальный и религиозный аспект (Лингво-богословское эссе) // Проблема «свобода vs. ответственность» в философско-богословских дискурсах современности: тезисы докладов XXVII Междунар. Рождественских образовательных чтений (Москва, 29 янв. 2019 г.) / Отв. ред. С. Л. Катречко. М., 2019. С. 18–21.

11. Йонас Г. Принцип ответственности : Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., примеч. И. И. Миханькова. М., 2004. 480 с

12. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003. 352 с.

13. Красухин К.Г. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Логический анализ языка: Языки этики : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова и др. М., 2000. С. 263–270.

14. Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М., 2015. 96 с.

15. Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность. Тула, 2006. 277 с.

16. Проблемы этики: Философско-этический альманах. Выпуск V. Часть I: Материалы конференции «Моральная ответственность в современном мире», посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова / под ред. А.В. Разина, И.А. Авдеевой. М., 2015. 240 с.

17. Сачков Ю.В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140> (дата обращения: 30.11.2021).

18. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.

П. Гиббс *

УДК 174

Этос свобод ученого^{1,2}

Аннотация. В статье обсуждается важность различия между настоящими учеными и теми людьми, которые лишь принадлежат к академическому миру, а также уместность предоставления академической свободы тем и другим. Автор утверждает, что в свете рыночной полезности академический труд предстает как инструмент передачи знаний и навыков, что не может оправдать личную академическую свободу и институциональную автономию. В силу этого он выступает за то, чтобы сосредоточиться на нравственной практике ученых и на их обязанности оправдывать получение этих привилегий. В таком случае не существует ни безусловной академической свободы тех людей, которые принадлежат к академическому миру, ни безусловной институциональной автономии учреждений, которые классифициру-

* Пол Гиббс (Gibbs, Paul), почетный профессор Мидлсекского университета (*Middlesex University London*), основатель Центра исследований в области образования и практики ученых; ранее – заслуженный профессор Открытого университета в Гонконге, приглашенный профессор Технологического университета в Сиднее, член Академии междисциплинарного обучения и перспективных исследований Техасского университета, приглашенный научный сотрудник Центра политики высшего образования, Нью-Колледж, Оксфорд; в настоящее время – профессор и руководитель докторантуры в Восточноевропейском университете (Грузия), и приглашенный профессор Азербайджанского университета. Преподавал в Австралии, Азербайджане, США, Грузии, на Кипре, в Великобритании.

Публикация текста профессора П. Гиббса в этом выпуске журнала осуществлена при поддержке Центра развития публикационной активности Тюменского индустриального университета.

¹ Я оставил в тексте термин «академическая свобода», хотя для меня он означает именно «свободу ученого». Занял такую позицию, чтобы не возникла путаница, когда об «академической свободе» пишут цитируемые мною авторы.

² Перевод с англ., научное редактирование статьи А.В. Прокофьева, д.ф.н, ведущего научного сотрудника сектора этики Института философии РАН.

Центральным техническим термином статьи является слово “scholar”, которое в настоящем переводе передано с помощью русского слова «ученый», несмотря на то, что оно имеет много дополнительных коннотаций, которые выходят за пределы практики научных исследований, в особенности ее технологической и методологической сторон. Автор статьи нагружает это слово дополнительными смыслами, в соответствии с которыми «ученый», обсуждаемый в тексте, это не только человек, проводящий научные исследования, но и тот, кто предан ценности истинного знания и профессионально занимается его получением. Соответственно и понятие «scholarship» приобретает смысл не просто образованности или массива научных знаний, но и практики ученых или даже такого главного интегрального свойства и достоинства человека академического мира, как «быть ученым». (Прим. перев.)

ются как университеты. Свобода и автономия требуют от них предоставления свидетельств приверженности моральным условиям доверия, смелости и истине.

Ключевые слова: этика, этос ученого, академическая свобода, пост-правда, добросовестность ученого.

Abstract: This paper discusses the importance of a distinction between academics and scholars and the appropriateness of academic freedom for each. It suggests the utility of the market, which manifests academic employment as a transmitter of knowledge and skills may not justify personal academic freedom nor institutional autonomy and advocates a focus on scholarly moral practice and obligation to justify these privileges. In this sense it does not support unconditional academic freedom nor institutional autonomy attributed to those who are classified as academic or universities but require evidence of their commitment to moral conditions of trustfulness, courage and truth.

Keywords: ethics, scholarly ethos, academic freedom, post-truth, scholar's integrity

*Sapere aude! Имей мужество
пользоваться собственным рассудком!
И. Кант [2, 127]*

Предпосылки

Я исхожу из предпосылки, что ученый – это человек, который принадлежит к академическому миру и заслуживает академической свободы, поскольку придерживается трех максим.

1. *Чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть достойным доверия.*

2. *Чтобы ученый заслуживал доверия, подразумеваемого академической свободой, он должен воздерживаться от самообмана.*

3. *Чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть добросовестным, а его добросовестность должна содержательно определяться за рамками контрактного статуса наемного работника и простираться за рамки этого статуса.*

Я основываю эти положения на работе Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» и полагаю, что правдивость и заслуживающие доверия практики, а также достаточные знания и мудрость являются необходимыми предварительными условиями для превращения в подлинного ученого, достойного академической свободы. Таким ученым легче добиваться успеха в тех учреждениях, где не по-

дорвана институциональная автономия. Я также призываю их практиковать паррессию³.

Введение

Принцип академической свободы должен иметь решающее значение для практики высшего образования и, как утверждают многие, способствует развитию демократии. Рассматривая академическую свободу в качестве морального принципа высшего образования, я буду говорить о ней в терминах обязанностей и императивов, а не в терминах изменчивых и произвольных ценностных суждений утилитаризма. Свобода для меня – это абсолютное благо высшего образования [12]. Выведение академической свободы за рамки морального долга и закрепление ее во внешних правилах чревато конфликтами интересов, которые могут препятствовать совершению правильных действий и способствовать выбору в пользу того, что является целесообразным в свете личного или институционального интереса, особенностей национальной культуры или политической необходимости [17].

Максима 1. Быть достойным доверия

Моральная цель академического мира ведет к пониманию академической свободы как свободы говорить правду [7]. В. Тирни так определяет это понятие: «Академическая свобода имеет отношение к праву преподавателей пользоваться значительной автономией в своих исследованиях и преподавании... Они должны иметь возможность искать истину, не наталкиваясь на внешние препятствия, и... сообщать о полученных ими данных независимо от того, каковы эти

³ Как можно судить по другим работам профессора Гиббса, он имеет в виду тот смысл паррессии, который присутствует в лекциях Мишеля Фуко [12, 507]. Автор предисловия к этим лекциям пишет: «“Паррессия” – греческий термин, обозначающий “говорение всего”. Выражение “говорение всего” может, вероятно, означать высказывание чего угодно, высказывание несдержанное и бесцеремонное, но оно означает также и, видимо, главным образом высказывание, которое осмеливается сказать то, что наша трусость или стыд мешают нам сказать сразу же, не сходя с места, а потому значит попросту следующее: высказываться искренне и откровенно. Говорить без страха и стыда. Поэтому греческий термин можно перевести как “откровенную речь”, “высказывание-истины”, “смелость/мужество высказывания истины”, “свободу слова”... Фуко намеревается истолковать паррессию как взятие слова, а не как личную добродетель или же риторическую технику... Речь в действительности идет о свободном выступлении,... содержащем определенный риск для того, кто формулирует истину, которую он публично признает своей: она сразу же навлекает на него гнев, грозит ему тем, что слушатели его отвергнут» [1, 12-13]. (Прим. перев.)

данные» [20, 250]⁴. Мы, однако, должны пойти дальше, поскольку право на академическую свободу – это не право на неограниченную свободу слова. «Это не право обращаться к людям грубо или набрасываться на них, скандируя лозунги. Это право представлять на общее усмотрение любое утверждение или убеждение, свободно ссылаться на него или выдвигать аргументы, которые его подтверждают или опровергают, если все это делается в надлежащей академической манере» [4, 181]. К соблюдению «надлежащей манеры» можно также добавить: в контексте институциональной роли [8]⁵ и следуя исторически сложившимся научным практикам, которые позволяют определить человека как ученого, а также предназначение этих практик. Правдивость предполагает уважительное отношение к истине, но Бернард Уильямс делает еще один шаг вперед, утверждая, что «авторитет людей, принадлежащих к академическому миру, должен корениться в их правдивости в обоих отношениях: они озабочены [получением истины] и они не лгут. Есть и более утонченные добродетели, лежащие в том же направлении. Хорошая мысль, например, что эти люди должны оказывать сопротивление удобствам осведомленной уклончивости» [21, 11].

Из этого обсуждения вытекает следующая максима:

Чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть достойным доверия.

Максима 2. Избегать самообмана

Один из способов, которым современная система высшего образования может помочь себе справиться с моральной дилеммой, порожденной эпохой постправды, в общем виде таков – противостоять самообману, поощряя сократовскую «исследованную жизнь» [3, 92] (см. также: [15, 16]). Успешное преодоление самообмана это нечто большее, чем борьба с ошибками инструктивного контрактуализма и обманчивыми словесными играми, это означает не чувствовать внутреннего дискомфорта от своей правдивости, от высказывания правдивых утверждений и того, как можно разумно ожидать, что последует за ними. Самообман разоблачается именно теми, кто живет «изученной жизнью».

Мы нуждаемся в том, чтобы сообщество, на основе которого существует академический мир, дало нам подтверждение, что люди, которые ищут истину, сами заслуживают доверия: и в своем препо-

⁴ Об истории понятия академической свободы и ее связи с бессрочным контрактом преподавателей университета, а также о проблемах, которые эта связь может создавать см.: [10, 11].

⁵ О контрактуалистской интерпретации академической свободы см. [8].

давании, и в своих исследованиях, и в оценках результатов чужих исследований, и в своей заботе о других людях. Раньше подразумевалось, что для этого достаточно институционального статуса самого по себе, но в настоящее время такой тезис кажется проблематичным. Ищущие истину должны доверять себе и иметь основания верить, что они могут ее найти. А системе высшего образования следует поощрять у своих преподавателей, исследователей и студентов доверие к себе самим, к тому знанию, которое они приобретают на основе веских аргументов и в результате дискуссий, являющихся выражением свободы слова, при этом отвергая, но не игнорируя догматические дискурсы и дискурсы ненависти.

Если мы – принадлежащие к академическому миру люди – окажемся не способными открыто сказать свое слово против самообмана, который поощряется в нашем взаимодействии со студентами и с миром политики, а наши учебные заведения не смогут также смело обратиться к политическому миру, то это легко может привести к объективации людей в академической среде и за ее пределами, к ужесточению контроля и потере самой сущности университетов. К проблемам такого рода надо подходить на основе тщательной оценки того, чего нам следует ожидать от наших организаций и от самих себя.

Таким образом, может быть выведена следующая максима: *Чтобы ученый заслуживал доверия, подразумеваемого академической свободой, он должен воздерживаться от самообмана.*

Максима 3. Добросовестность ученого должна проявляться в действии

Постправда становится стратегией, а ее отношение к истине – стратегическим, если эксплуатация эмоций превращается в цель. Подобным образом когда-то софистика подорвала значение риторики среди доступных нам средств убеждения. Более того, постправда поощряет обман и заставляет нас (часто по прагматическим причинам) доверять тем самым источникам, которым мы, по нашему же собственному утверждению, не доверяем. Эта гибкая стратегия может вести к предательству или измене, и ей невозможно противостоять на основе проверки фактов, так как они превратились в то, что очень быстро ставится под вопрос, отвергается или вновь восстанавливается в своем статусе. По мнению Майкла Питерса, не надо иметь богатое воображение, чтобы осознать ответ на вопрос, что такое «факт» или «свидетельство» в эпоху постправды, не только затрагивает политику и науку, но и «становится острым вопросом для образования на всех уровнях» [18, 565]. Примерами в нашем (образовательном) секторе являются довольно убедительно сконструиро-

ванные и широко циркулирующие «неправды» относительно успехов в обеспечении равного доступа к высшему образованию и положительных изменений в сфере социального капитала и доходности инвестиций в образование.

Этот дискурс можно изменить. Йон Никсон [14] полагает, что внутренние установки практики ученых должны быть сосредоточены не на рейтингах цитирования, а на правдивости, уважении и аутентичности – тех добродетелях, без которых не может обойтись становление хорошего ученого и хорошего практика в сфере образования. Их можно сформировать на основе размышления, оценки и наблюдения, являющихся актами автономных мыслящих личностей. Свою потребность в таких личностях декларирует не только гуманитарное образование, но и современное производство. Однако нельзя стать такой личностью лишь заключив трудовой договор с университетом.

Третья выведенная таким образом максима гласит: *Чтобы ученый заслуживал привилегию академической свободы, он должен быть добросовестным. Его добросовестность должна содержательно определяться за рамками контрактного статуса наемного работника и простирается за рамки этого статуса.*

Академический долг в этосе ученого

Что же такое этос ученого и как он формирует миссию университета или как он формируется ею? Я полагаю, что этос ученого опирается на такую цель университета как предоставление услуг, отвечающих общественным интересам или общественному благу. Роберт Мертон пытался доказать, что это спорная предпосылка, и у его сомнения есть определенная ценность, но лишь как у отражения того, что существует, а не указания на то, что должно быть. Мне кажется, что правильное понимание высшего образования включает в себя более точное определение того, что такое «университет», а стирание специфики университета является всего лишь уловкой. Эта уловка основывается на том, что под высшим образованием понимается обучение, которое осуществляется в университетах, но при этом не только в них. Скажем, рабочее место в коммерческой лаборатории может в этой перспективе тоже быть пространством высшего образования. Именно эта уловка была использована правительствами, коммерческий императив которых позволил носить имя «университет» тем учреждениям, которые никогда не обладали никаким этосом ученого. Это не критика таких учреждений, а критика гомогенизации образовательных учреждений. Более того, уловка правительств позволила преобладающей управленческой практике заменить этос ученого а) культурой аудита, основанной не на эффективности преподавания и обучения, а на фордистском принципе минимизации за-

трат; б) прямолинейной денежной оценкой, устанавливающей целевые показатели работы; в) измеряемыми параметрами качества труда, которые стали самоцелью, вместо того, чтобы исходить из целей образованного человека, обладающего моральным сознанием и гражданской ответственностью. Я полагаю, что этот процесс ускользает от внимания широкой общественности, потому что он скрыт за такой идеей университета, которая превращает его в простой симулякр, поощряемый тем, что в системе высшего образования акцент на деятельности ученого почти полностью вытеснен акцентом на создании академической продукции, такой как статьи, книги и выпускники.

Возможно, решение этой проблемы состоит в том, чтобы полагаться исключительно на индивидуальную добросовестность преподавателя университета как ученого, или потребовать от учреждений высшего образования защищать академическую свободу, которая, в то же время, есть коллективная ответственность академического сообщества. Очевидно, что и в том, и в другом случае развивается внутренний эмос добросовестности ученого. Однако его формирование сталкивается с сопротивлением, когда политическая власть, заявляя о своем стремлении обеспечить академическую свободу, на деле формирует среду, в которой действовать таким образом не в интересах руководства образовательного сектора.

Формирующийся институциональный эмос мог бы прямо повлиять на высшие учебные заведения в том, что касается их внимания к своим студентам и к интересам более широкого сообщества, – внимания, которое они оказывают в качестве моральных деятелей, а не простых поставщиков знаний и навыков, служащих пользе общества и содействующих получению прибыли. Это привело бы к тому, что руководители учебных заведений стали в большей степени не преподавателями или администраторами, сосредоточенными на проблемах образовательного бизнеса, а учеными, которые принимают предложенные выше максимы. Это прояснило бы роль и назначение высших учебных заведений, способы их содействия интересам общества и обязало бы их выполнять приписываемую им роль. Это затронуло бы учебные программы и систему оценивания, вводя в контекст образования общественные и политические блага, необходимые для процветания сообществ, и устраняя обман, связанный с систематическим завышением оценок. Это помогло бы студентам стать более критичными по отношению к миру, в котором они живут, и побудило бы их к действию. Исследования также стали бы более сосредоточенными на общественном благе и подходили бы к основным проблемам, стоящим перед человечеством, более альтруистично, превратив в свой фокус и свое кредо социальную справедливость. Во

многих случаях так и происходит, там, где есть изменения к лучшему. Но, как я вижу, в условиях обращения университетов от общественных к частным интересам, улучшение – далеко не всеобщая тенденция.

Итак, пока мы не определимся с идеей университета, не исчезнет основной конфликт современного высшего образования и вмешательство в деятельность ученых внутри университета не только продолжится, но может оказаться даже оправданным. В этот период неопределенности я предлагаю ученым жить в соответствии с теми стандартами, которые они сами считают для себя уместными, думаю, что ими могли быть именно три максимы. Я присоединяюсь при этом к Эдварду Шилзу, который считал, что этос ученого – это жизнь ради общества [19]. Не то чтобы такой образ жизни мог излечить недуги общества, однако он может избавить от них и сам академический мир, если, конечно, ученые окажутся достойны привилегий, которые им дарованы.

В заключение же хочу сказать, что литература о том, что значит быть ученым, немногочисленна [5, 13, 6, 17]. Думаю, что причина такого молчания связана с нашим (академическим) подходом к своей практике. «Быть ученым» мы рассматриваем как нечто, что нужно делать, а не как то, кто мы есть. Конечно, легче описать, что мы делаем (преподаем, занимаемся научным руководством и наставничеством и т.д.), чем показать, кем мы являемся в процессе написания научных работ (а это главное проявление сути ученого). Боюсь, что бесконечный список академических обязанностей подчас используется как оправдание нашей неспособности «быть учеными». На месте этого отсутствующего качества мы имеем набор умений, понимание которого и его мотивированное использование разыгрываются нами как актерами на сцене, поскольку нами не движет настоящее призвание. По моему опыту, вызовы, стоящие перед нами, связаны не только с исчезновением постоянных академических позиций или наймом по контракту, но с тем, как мы представляем самих себя в связи с тем, что пишем, и как используем написанное нами в нашем взаимодействии с другими людьми.

Список литературы

1. Гро Ф. Предисловие // Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.
2. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // И. Кант. Соч. в 4-х т. на немецком и русском языках. Том 1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). М.: Изд. фирма АО «Ками», 1994. С. 125-148.

3. *Платон*. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70-96.
4. *Barrow R.* Academic freedom: its nature extent and value // *British Journal of Educational Studies*. 2009. Vol. 57. № 2. P. 178-190.
5. *Bourdieu P.* Scholarship with Commitment // *Profession*. 2000. № 1-2. P. 40-45.
6. *Davids N.* Academic freedom and the fallacy of a post-truth era // *Educational Philosophy and Theory*. 2021. Vol. 53. № 11. P. 1183-1193.
7. *De George R.T.* Ethics, academic freedom and academic tenure // *Journal of Academic Ethics*. 2003. Vol. 1. № 1. P. 11-25.
8. *Fish S.* Versions of Academic Freedom: From Professionalism to Revolution. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2014. 192 p.
9. *Franzel S.* A «Popular», «Private» Lecturer?: Kant's Theory and Practice of University Instruction // *Eighteenth Century Studies*. 2013. Vol. 47. № 1. P. 1-18.
10. *Gibbs A.* Academic Freedom in international Higher Education: right or responsibility // *Ethic and Education*. 2016. Vol. 11. № 2. P. 175-185.
11. *Gibbs A.A* Responsibility to Seek the Truth: Revisiting Averroes's Decisive Treatise for Academic Freedom's Missing Imperative // *Philosophy and Theory in Higher Education*. 2021. Vol. 3. №1. P. 21-40.
12. *Gibbs P.* Why academics should have a duty of truth telling in an epoch of post-truth? // *Higher Education*. 2019. Vol. 78. № 3. P. 501-510.
13. *Mamdani M.* Between the public intellectual and the scholar: decolonization and some post-independence initiatives in African higher education // *Inter-Asia Cultural Studies*. 2016. Vol.17. №1. P. 68-83.
14. *Nixon J.* A profession in crises? // *Key debates in education* / Ed. by D. Hayes. L., N.Y.: Routledge Falmer, Taylor and Frances Group, 2004. P. 165-169.
15. *Nussbaum M.C.* Anger and Forgiveness: Resentment, generosity, and justice. Oxford: Oxford University Press, 2016. 336 p.
16. *Nussbaum M.* Cultivating Humanity: A Classical Defense of Reform in Liberal Education. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 352 p.
17. *Oleksiyenko A.V.* Is academic freedom feasible in the post-Soviet space of higher education? // *Educational Philosophy and Theory*. 2021 Vol. 53. № 11. P.1116-1126.
18. *Peters M.A.* Education in a post-truth world // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 49. № 6. P. 563-566.
19. *Shils E.* Academic Ethos // *The American Scholar*. 1978. Vol. 47. № 2. P. 165-190.

20. *Tierney W.G.* Academic freedom and tenure: between fiction and reality // *The Journal of Higher Education*. 2004. Vol. 75. №. 2. P. 161-177.

21. *Williams B.* *Truth and Truthfulness: An Essay in Genealogy*. N.Y.: Princeton University Press, 2002. 344 p.

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

Социологическая трилогия Александра Зиновьева

Аннотация. В статье даётся сжатый очерк социологии выдающегося русского мыслителя А.А.Зиновьева, сфокусированный на её трёх ключевых учениях: коммунизм как реальность, западнизм, глобальный человек. Показана взаимосвязь этих учений, раскрывающих в своей целостности логику современных общественных процессов в России и мире. Разработанный Зиновьевым социологический аппарат позволил ему изучить советский коммунизм и общество западнистского типа с такой степенью точности и объективности, которые неизбежно придают его исследованиям характер социальной критики и требуют в качестве дополнения особой этически ориентированной антропологии. Само движение современных обществ к единому глобальному сверхобществу философ рассматривает как социомеханическую деградацию индивидов до насекомоподобного состояния.

Ключевые слова: коммунизм как реальность, западнизм, глобальный человек, общество и сверхобщество, будущее, моральный идеал.

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) как автор считается сатириком, а основное прославившее его произведение «Зияющие высоты» – карикатурой на советское общество. Однажды в ходе беседы с ним я, следуя этому распространённому мнению, назвал его взгляд на мир сатирическим. Он однозначно и твёрдо возразил, сказав, что в нём нет ничего сатирического, своё понимание реальности он назвал научным, а утверждения, в какую бы форму они ни облекались, изображают вещи такими, какие они суть на самом деле. Вспомнил этот врезавшийся в память разговор в связи с тем, что сочинение Зиновьева «Глобальный человек», в котором он предлагает своё видение будущего, Википедия клиширует как «фантастический роман-антиутопию». Если принять во внимание, что утопия буквально означает несуществующее место, то антиутопия как двойное отрицание должна означать нечто вполне реальное. Сам Зиновьев назвал своё сочинение социологически-футурологической повестью; в нём дана картина социальной жизни объединённого человечества в будущем, в условиях всемирно-исторического торжества западной цивилизации. Он считает эту картину вполне реальной в той мере, в какой будущее вытекает из прошлого, является его продолжением и отрицанием, и не случайно для её характеристики упо-

требил понятие футурологии (суждения о будущем, как замечал Зиновьев, полнее верифицируемы и потому более научны, чем суждения о прошлом). Об антиутопии здесь можно говорить только в том смысле, что для самого автора такое будущее, которое он как добро-совестный исследователь описывает, является нежелательным. Вот как Зиновьев определил основную идею «Глобального человеиника»: «Наш XX век был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но, несмотря ни на что, он был веком человеческих страстей и переживаний – веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти... Это был, может быть, последний человеческий век. На смену ему надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти.» [4, 9].

Зиновьев – человек ренессансного типа. В своём поколении и ближайшем окружении он является, пожалуй, наиболее разносторонним отечественным мыслителем: философ, логик, социолог, писатель, поэт, художник. Это – само по себе редкое явление в наше время узкой профессионализации. Оно является только внешним аспектом ренессансности. Более существенно то, что эти различные занятия, взаимно дополняя и переходя друг в друга, были соединены в цельное мировоззрение, которое он, вынеся в заглавие своей итоговой монографии, обозначил как фактор понимания. Он с детства почувствовал то, с чем сталкиваются индивиды во все времена, но что особенно остро обнаруживалось в условиях советского строя: с расхождением между тем, что люди говорят, к чему они на словах стремятся, чему их учат книги, и тем, что они на самом деле делают, какие реальные цели преследуют и чего они сами стыдятся – между высокими чистыми идеалами и низкой грязной повседневностью. Он, как пишет сам в автобиографии «Исповедь отщепенца» и как подтверждает вся его жизнь бунтаря и «вопрекиста» (по определению А.И. Фурсова), не мог, не хотел с этим мириться. Он не хотел отказываться от идеалов и не хотел погрязнуть в трясине жизни. Но как соединить одно с другим, как прожить жизнь с открытыми глазами и гордо поднятой головой, как говорить и действовать с пониманием того, что ты говоришь и делаешь, – вот что стало страстью и целью его существования. Так определилась стезя его жизни в той мере, в какой она зависела от него, его собственных усилий и решимости: учиться, думать, чтобы понять жизнь, которой живут люди, и общество, в котором они живут. Зиновьев любил говорить, что его не прель-

щают богатство, власть, удовольствия, что его амбиция – это амбиция исследователя. Он исследовал, проверяя на истинность всё, что делал. Он избрал судьбу истинного философа и развивал учения, которые в качестве неперменного условия имели также для него самого нравственно обязывающий смысл. Известна его знаменитая формула: «Я есть суверенное государство». Не присвоить себе то, из чего состоит государство, а построить своё государство из того, что с его точки зрения достойно этого. Разные занятия, которыми занимался Зиновьев, были разными формами, аспектами его суверенного государства. Его книги, статьи, стихи, рисунки, интервью, лекции всегда отличались публицистической заостренностью, являлись не столько академическими текстами, сколько злободневными общественными поступками. Зиновьев был человеком ренессансного типа, прежде всего, своим знающим героическим противостоянием миру.

Сказанное относится и к проекту будущего, которое он разработал во второй половине 90-х годов прошлого века и изложил в сочинении «Глобальный человек». В нём интеллектуальная пронизательность органично соединилась с личным мужеством. Чтобы во всей конкретности понять глобальный футурологический проект Зиновьева, его надо рассматривать в общем контексте его творчества и биографии. Он находится в ряду его социологических исследований, которому предшествовали, если брать ключевые вехи, «Коммунизм как реальность» (1981) и «Запад. Критика западнизма» (1995). Но прежде следует сделать одно важное методическое замечание.

Здесь позволю себе еще одно личное воспоминание. Однажды, когда при обсуждении вопроса о лучших философских книгах речь зашла о Зиновьеве, одному маститому отечественному социологу задали вопрос о том, как к Зиновьеву относятся социологи. Тот сказал: «В социологии нет такого имени». Ответ был, мягко выражаясь, обескураживающим, в особенности, если учесть, что в своё время Зиновьев был номинирован выдающимся социологом Раймоном Ароном на премию имени Алексиса де Токвиля и получил её. И всё-таки наш маститый социолог по-своему был прав. Когда мы говорим о социологии Зиновьева, следует иметь в виду, что речь идёт о его собственной теории, которую он именовал логической социологией и которая совершенно не похожа на то, что под названием социологии преподаётся в университетах и фигурирует в обществе в качестве дипломированного занятия. В частности, его социология является одновременно учением о человеке, она получает продолжение и выражение в том, что обычно именуется философской антропологией (хотя сам он не пользуется этим обозначением). Социология, как её понимает Зиновьев, имеет совершенно строгий предмет: она зани-

маются объединениями (целостностями) многих людей, которые функционируют по строгим законам. Эти законы в их самом общем и фундаментальном виде определяются тем, что речь идёт об объединении многих, именно многих (больших) масс людей, которые для того, чтобы совместно действовать, внутренне организуются по жёстким законам, в частности, необходимо выстраиваются во властную иерархическую структуру и подразделяются на группы господствующих и подчиняющихся. Соответственно социология имеет дело с индивидами как социальными субъектами, рассматривая их в аспекте включенности и принадлежности к социальным объединениям, с точки зрения тех качеств, которые им необходимы в рамках данных объединений. Общие законы, на которых базируются социальные объединения, каковыми бы в своём конкретном содержании и человеческом наполнении они ни были, являются такими же естественными, как и природные законы: Зиновьев законы социальности называет законами экзистенциального эгоизма.

Люди, конечно, помимо того и наряду с тем, что они социальные существа, являются ещё и разумными созданиями; это не меняет естественного характера социальных законов, только делает их более жёсткими и неотвратимыми, придаёт форму рационального расчёта. Разум не обладает автономностью по отношению к социальности, наоборот, он вторичен. Отношения власти, господства и подчинения как несущая конструкция социальности и справедливого распределения благ внутри социума являются в такой же мере источником поддержания целостности человеческих объединений, в какой и их разрушения. Право, мораль, другие осознанные ограничения законов социальности, сами оказываются их дополнительными усиливающими факторами. Разум как инстанция, выступающая от имени истины и образующая самостоятельный фактор понимания, может корениться в социальности только в качестве заложенного в ней самой момента отрицания; соответственно наиболее адекватным ему носителем может быть индивид, выступающий в маргинальной роли социального отщепенца (своё автобиографическое сочинение он так и назовёт «Исповедь отщепенца»). Словом, Зиновьев не признавал существенного разделения, тем более противопоставления, общества и личности, социальных интересов и доброй воли индивидов; его диалектический ум парадоксалиста не видел противоречия между тем, что законы общества объективны и в то же время являются результатами деятельности людей, они потому и тем больше являются объективными, что и чем больше они сознательны и управляемы. Его монография «Коммунизм как реальность» получает продолжение и завершение в повести «Гомо советикус», а «Гло-

бальный человек» – в учении о сверхчеловеке.

Зиновьев создал собственную социологическую теорию для того, чтобы научно осмыслить своё общество и свою эпоху. Он был совершенно не удовлетворён официально предлагающимся и общепринятым объяснением, согласно которому советский строй создаётся в соответствии с безупречным коммунистическим учением, а имеющиеся в нём разнообразные общественные и человеческие пороки являются отступлениями от него, всего лишь ошибками и недостатками. Следовательно, делался вывод: задача советских людей состояла в том, чтобы подтягивать реальность до идеала. Такой подход может соответствовать субъективным желаниям людей, их надеждам, чьим-то интересам, но не является научным, который предполагает и требует выводить сознание из бытия, а не наоборот. И Зиновьев обозначил принципиально другой, чем утверждала официальная идеология, взгляд, согласно которому советское общество в своей основе и есть коммунизм, тот реальный коммунизм, каким он только и может быть. И иного не бывает. Советский строй по многим параметрам, в том числе по таким существенным, как роль государства, разделение людей по критериям богатства, власти, отличается от того, что связывали с идеей коммунизма его учителя, но из этого логично сделать вывод, что ошибались последние, но не само общество, не социальная реальность. Именно такой вывод и сделал Зиновьев. Жизнь, будь то отдельного индивида или отдельных обществ, – это не диктант, не изложение, тем более не черновик, она не делается под диктовку или по памяти, она пишется (создаётся) теми, кто живёт, и пишется сразу набело.

Первым и основным приложением общей социологии Зиновьева, описывающей базовую конструкцию, своего рода архитектуру социальных объединений, стало советское коммунистическое общество, для изучения которого он её и создал. Картина советского коммунизма, воссозданная им в целом ряде социологических романов и повестей, в систематическом виде изложенная в исследовании «Коммунизм как реальность», является на сегодняшний день единственной концептуально законченной теорией советского общества как исторического явления и социальной реальности. Замечательная особенность этой картины заключается в том, что для обоснования её исторической фундаментальности автору совсем не пришлось её приукрашивать: наоборот она, подобно творениям современных художников, прекрасна именно своей почти карикатурной уродливостью. Понять, видимо, это могут только те, кто нарисован на этих картинах, кто жил в этом обществе. Тем, кто смотрит со стороны, не дано знать, что значит быть уродом в физическом, но в особенности в

социальном смысле. Только уроды могут по-настоящему понять, почувствовать всю невозможность и всю прелесть существования в качестве уродов. Например, советское общество соединилось убеждением, что советское – значит лучшее, и люди лучше, и вещи лучше, чем где бы то ни было; конечно, люди они, что вещи, которые делают в капиталистических странах, часто и даже как правило, бывают лучше, но это ничуть не опровергало общего убеждения. Со мной на курсе учился итальянский коммунист, который говорил, что им, итальянским коммунистам, иногда трудно поддерживать лозунг «всё советское – лучшее», в частности, когда речь идёт об итальянских велосипедах, которые славятся на весь мир. У советских людей таких сомнений не было, ибо их убеждение – не результат эмпирических наблюдений, а предпосылка, «аппарат» восприятия этих наблюдений. Разве можно основы такого общества исследовать иначе, как в форме сатиры, и разве можно видеть в сатире нечто иное, чем самый глубокий реализм и точный научный метод. Можно считать удачей и нам надо быть благодарным Зиновьеву, что он придумал не только оригинальную теорию советского коммунизма, но и адекватный для его изображения жанр социологического романа.

Важный, быть может, с научной точки зрения самый ценный социологический результат зиновьевских штудий советского общества состоит в том, что социальная утопия в форме совершенного общества невозможна. Нужно различать совершенство общества в социологическом (полнота функций, их внутренняя организация, эффективность и т.д.) и в этическом аспектах. Общество совершенным (соответствующим своему понятию, идеально сконструированным) в социологическом смысле возможно. Но его не может быть по моральным критериям. Идеальным общество быть не может. Идеал есть индивидуальный способ существования, он возможен только в обществе, в социуме, но в форме и в качестве условия его отрицания. Коммунистический идеал был сформулирован ещё в эпоху Возрождения, уточнён и заимствован коммунистами XIX века, в том числе Марксом и Энгельсом, воплотил в себе вековые моральные чаяния людей; став идеологией советского государства, он обнаружил свою несовместимость с законами социальности, подобно тому, как желание свободно летать несовместимо с законом тяготения. Стремление воплотить коммунистический идеал в реальность трансформируется в общество советского типа. Идеального коммунистического общества не может существовать, идеальными коммунистами могут стать отдельные индивиды, но не иначе, как в форме изгоев такого общества. «В миропонимании Зиновьева нет ничего более далёкого друг от друга, чем мораль и социальность. И нет ничего более связанного

друг с другом. Они напоминают двух сцепившихся борцов, которые держатся на ногах только благодаря своим усилиям повалить друг друга» [1, 365].

Несмотря на уничтожающую критику советского коммунизма, которая, как он сам признавал задним числом в последние годы, невольно способствовала его разрушению, Зиновьев как человек не желал и, самое главное, как исследователь не предполагал такого исхода. Он не хотел краха советского государства. Вот его слова: «Свои литературные произведения писал, будучи уверен, что коммунистический режим пришел в Россию навечно» [2]. Это было не только эмоциональное ощущение гражданина, воспринимающего социальную атмосферу столь же органично, как тело воспринимает природную атмосферу, это было также убеждение учёного, знающего, что «тип цивилизации незыблем» [3, 17] (из «Зияющих высот» мы узнаём, что весь мир становится Ибанском, а сменяющим друг друга Заибанам несть числа). Когда, тем не менее, невозможное стало возможным и советский коммунизм начал рушиться, Зиновьев почувствовал грозящую катастрофу и, когда весь мир, в том числе и прежде всего, все прогрессивные представители коммунистического мира, наполнявшие страницы его произведений, млели от Перестройки, он забил тревогу и назвал последнюю Катастройкой. Молодой Зиновьев был антисталинистом, после смерти Сталина он перестал его ругать, сказав, что мёртвого льва может лягнуть даже осёл. Точно также он изменил острие своего анализа советского коммунизма. Еще в романе «Светлое будущее» (издан в 1978 году, вслед за «Зияющими высотами») его герой говорит: «Случись что — я до последней капли крови буду защищать эту страну и этот строй жизни. Я не хочу возвращаться назад. Я хочу идти вперед, принимая случившееся как бесспорный факт. Критика коммунизма на почве коммунизма не есть борьба против коммунизма» [6, 220]. Это случилось. Для того, чтобы лучше разобраться в том, что произошло, он обратился к изучению Запада. У Зиновьева к этому времени, уже более 15 лет жившего на Западе, мог сложиться и личный (автобиографический) интерес к нему, но основной его мотив, насколько могу предположить, был научный, социологический, связанный с судьбой советского строя и русского народа.

Запад в своей основе следует тем же законам социальности, которые свойственны и реальному коммунизму, но только с тем отличием, что он развил другую линию эволюции. Чтобы выделить эти различия в эволюционном развитии общества, Зиновьев, наряду с понятием общества, ввёл отличное от него понятие «человейник», которое обозначает свойственный homo sapiens способ совместного

(стайного, стадного, насекомоподобного) существования. Ассоциация с муравейником является в данном случае вполне содержательной. Человейники в своей социальной организации проходят три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Предобщество нам известно как родоплеменная организация, степень его спаянности и сложности ограничены естественными родственными связями. Таких предобществ много. Они переходят на стадию общества путём выделения власти как особой структуры, которая доминирует над остальной массой и обеспечивает более широкую и прочную, гарантированную основу существования человеяников. Одновременно в обществе выделяются относительно самостоятельные аспекты социальной жизни: коммунальный, деловой и менталитетный. Они, будучи продолжением и результатом власти, находятся в сложных и противоречивых отношениях с нею. Обществ уже значительно меньше, чем предобществ. Общества существуют в форме разных типов цивилизаций. Они как социумы еще несут на себе следы природных различий и формируются в том числе в зависимости от составляющего их основу человеческого материала – его Зиновьев называл человеческим фактором и, придавая ему огромное значение, рассматривал не только как предпосылку социальной организации общества, но и как её результат.

К тому времени, когда Зиновьев начал исследовать жизнь человека и человеяников, общество начало переходить на стадию сверхобщества. Понятие сверхобщества в том содержании, которое оно имеет у Зиновьева, остаётся до конца не прояснённым. Одно, однако, ясно: то, что составляло социальное ядро общества, а именно государство и экономика (частная собственность прежде всего), и было представлено в том или ином конкретном локальном варианте, на уровне сверхобщества получает универсальное (глобальное) выражение. Государство становится сверхгосударством, экономика – сверхэкономикой. Реальный коммунизм был первой формой сверхобщества, которое максимально развило интегрирующую роль власти на базе гипертрофии коммунального начала человеческого бытия и декларировало себя в качестве глобального проекта всемирного (интернационального) братства людей. В противовес и в борьбе с ним сложилась другая линия эволюционного перехода к сверхобществу, которую Зиновьев назвал «западнизмом». Западнизм сделал ставку на соединение силы власти в качестве своей опоры с деловым аспектом общественного бытия. Западнизм – не капитализм, а нечто худшее, ибо он ориентацию на экономическую прибыль заменяет всепроникающим денежным тоталитаризмом, а социальное творчество индивидов – общей сетью рационально распределённых

и предельно упрощенных социальных функций. Зиновьев выделяет всего эти две линии на пути к сверхобществу: коммунизм и западнизм. Они противостоят друг другу как односторонности, претендующие на целое: при коммунизме специфическими законами жизнедеятельности становятся социальные законы в их преимущественном (подавляющем) коммунальном (человеческом, слишком человеческом) аспекте, а при западнизме – те же законы, но в деловом (бессердечном, сверхчеловеческом) аспекте. Их непримиримая борьба составила содержание холодной войны между Западом во главе с США и коммунистическим миром во главе с СССР, стала фокусом и основным стержнем всех событий в мире во второй половине XX века (после окончания Второй мировой войны в 1945 г.). Эта война закончилась победой западнизма над коммунизмом, ставшая одновременно победой Западных стран над странами коммунистического блока и разрушением их «первого храма» – СССР, о чём Зиновьев сказал, словно выстрелил: «Целились в коммунизм, попали в Россию».

Так человечество вступило в новую эпоху, социальное качество которого Зиновьев обозначил понятием «глобальный человек». Марксистская теория прокламировала коммунизм как начало подлинной истории. Либеральная социология победу Запада в холодной войне охарактеризовала как конец истории. По Зиновьеву, с победой западнистского сверхобщества человечество вступило в будущее: глобальный человек – это и есть состоявшаяся история. Здесь следует иметь в виду особое место историзма в зиновьевской социологии. Историзм в собственном смысле слова как методологический принцип, объясняющий развитие общества, был чужд Зиновьеву. Он считал социальные законы такими же неизменными, как и законы природы. Так он понимал их объективность и научность. Об историзме социальных объединений можно говорить в смысле их складывания (генезиса, становления), которое происходит мгновенно, в такие краткие сроки, которые по сравнению со временем их существования в социологическом плане можно игнорировать как ничтожные. Сама же жизнь этих объединений (человекчиков) протекает в соответствии с одними и теми же раз возникшими законами социальности. Выделенные в существовании человекчиков стадии (формы) предобщества, общества и сверхобщества отличаются не различием социальных законов, а полнотой их развёртывания, степенью соответствия реальному образу жизни конкретных человеческих объединений. В этом движении от многих (практически бесчисленных) предобществ через немногие (исчислимые) типы обществ к единому глобальному сверхобществу и состоит то, что можно назвать историз-

мом социологии Зиновьева. Историзм является в социологии вторичным и второстепенным моментом.

Здесь опять-таки следует сделать одно важное уточнение: Зиновьев различал время физическое и социальное [9, 452-521]. Физическое время фиксирует сам факт существования вещей (индивидов и их объединений) на шкале времени, является чистой хронологией и ничего не говорит о самих вещах. В аспекте физического времени прошлое есть время, предшествующее тому мгновению, от которого ведётся отсчёт и которое является настоящим, а будущее – время, следующее за ним. Само же настоящее есть эта невидимая (не имеющая измерения) *линия*, отделяющее прошлое от будущего. Социальное время в отличие от физического – представляет собой само бытие вещей (социальных субъектов и объединений) во времени. В нём настоящее является базовым. Социальная реальность и есть работающая, наличная реальность. Она существует как настоящее. Социальное настоящее включает также и прошлое, и будущее. Собственно, только для социального бытия и имеет смысл само разделение времени на эти три части. Для социального субъекта настоящее уходит и в прошлое, поскольку он удерживает его в своей памяти, мотивах, традициях, ритуалах и т.д., и в будущее, поскольку он его предсказывает, проектирует, вбивает в планы и т.д. В рамках социального времени прошлое и будущее входят в настоящее в качестве моментов последнего. Если рассматривать реальные образы жизни человеков в аспекте времени, можно выделить следующую схему: предобщество ограничивает социальное существование настоящим; общество включает в него прошлое и живёт по преимуществу для прошлого; сверхобщество расширяет его до будущего. Сверхобщество владеет социальным будущим до такой степени, что само является таким будущим, оно, как выражается Зиновьев, «захватило будущее в качестве основного трофея победоносной холодной войны». Оно владеет будущим в том смысле, что закрывает будущее как открытый и свободный резервуар для социального творчества; именно из такого анализа социальной эволюции Зиновьев выводил фактор понимания как последнее оружие идеального коммуниста, направленное против законов социальности.

Поражение коммунистического лагеря и крах советского государства явились трагедией и вызовом Зиновьеву – и как человеку, потому что речь шла об обществе, которому он принадлежал, и как учёному, который посвятил себя его познанию и духовному вычищению. Непосредственным ответом на него и явился его последний роман «Глобальный человек». Трагедию он видел не в том, что проиграла коммунистическая сторона; он впоследствии даже выска-

звался в том духе, что, если бы победил коммунистический блок, то исход для человечества мог бы быть еще хуже. И не в том, что восторжествовал Запад, он никогда не сводил Запад и западные страны к западнизму как социальной системе и сам, если рассуждать в рамках привычного для нас противостояния западников и славянофилов, был ярко выраженным западником, он даже предполагал, что возможная действенная социальная альтернатива западнизму возникнет скорее всего именно на Западе. И не в том даже, что в свете наметившейся перспективы Россия и русский народ окажутся вытесненными из истории, оболганными и даже обреченными на исчезновение, что было для него невыносимой личной болью («Запад мне не чужой, но я рассматриваю его как вражескую державу» [2]). Трагичным прежде всего и в самом глубоком смысле он считал сам факт исчезновения другой (альтернативной) линии социальной эволюции, ибо западнизм и коммунизм в своём противостоянии взаимно сдерживали друг друга и оказывали взаимное конвергентное влияние. Так на многие века вперёд определилось будущее человечества как формирующегося глобального общества, которое на самом деле не может стать ничем иным как мировым господством Запада и западнизма. В нём для укрепления и условия своего господства на смену человеческому уму придёт (уже начал приходиться) компьютерский интеллект, творческий компонент социальной жизни заменится механическим. «Наступает состояние социомеханического бытия» [9, 515]. Это общество состоявшегося будущего Зиновьев назвал глобальным человеиком.

Суть социологии Зиновьева, как и заключенный в ней освободительный гуманистический пафос, хорошо выразил тонкий знаток его творчества К.М. Кантор: «Выяснив с достоверностью, не вызывающей сомнения, что социальная система как таковая и “коммунистическая”, как сгущенная до предела социальность, враждебна человеку, поскольку он стремится к самоосуществлению, Александр Зиновьев приходит к поразительному открытию, подтвержденному его жизненным опытом, как и опытом многих других выдающихся и “обыкновенных” людей: одна из основных тенденций коммунистического образа жизни – “завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от коммун”» [10].

Список литературы

1. Гусейнов А.А., Зиновьев А.А. «Я есть суверенное государство» // Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 332–368.
2. Газета «Завтра», 1993, № 2.

3. *Зиновьев А.А.* В преддверии рая // https://vtorayaliteratura.com/pdf/zinovjev_v_preddverii_raya_1979__ocr.pdf
4. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 1997. 459 с.
5. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Алгоритм, 2021. 352 с.
6. *Зиновьев А.А.* Светлое будущее. https://vtoraya-literatura.com/pdf/zinovjev_svetloe_budushchee_1978__ocr.pdf . 232 с.
7. *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Эксмо, 2007. 512 с.
8. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 640 с.
9. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. 528 с.
10. *Кантор К.М.* Путь к цивилизации – каков он? // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002. С. 262–272.

В.И. Бакштановский, М.В. Богданова

УДК 174.7

**Имя «Университет»:
актуальный ценностный ориентир
или факт исторической памяти?**

Аннотация. Продолжает ли номинация «Университет» определять базовые ценностные ориентиры самоопределения отечественных университетов в современном обществе? Предполагают ли тенденции все более настойчивого формирования признаков новой институциональности замену имени «Университет»? В статье представлен опыт гуманитарной рефлексии университетских ориентиров успешности, оправдывающих имя «Университет», предпринятой в формате ректорского семинара профессорами Тюменского индустриального университета. Рефлексия проявила значимую роль этоса университета в его успешности. Соотнесение в процессе рефлексии ценностных ориентиров развития университета, обнаруживающихся в практике трансформирования этических рисков, акцентировало внимание на поддержании межпоколенческой академической коммуникации как факторе устойчивости.

Ключевые слова: имя «университет», гуманитарная рефлексия, ректорский семинар, профессорство, этос университета.

Вводные замечания

Университетское образование в начале XXI в. столкнулось, по мысли З. Баумана, с глубочайшим кризисом за всю историю существования университетов, кризисом, затрагивающим саму суть образования. Сегодня от университетов «требуется подготовка молодежи к жизни в мире... который на практике делает саму идею “подготовленности” – адекватной натренированности и опытности, благодаря которой события и переменчивые тенденции не могут застать человека врасплох – недействительной» [1, 236]. Для отечественных университетов кризис такого рода практически совпал с испытанием интегрирования в капиталистическую экономику. А также – или в связи с этим – интенсивными реорганизациями сферы высшего образования.

Тюменский индустриальный университет (ТИУ) из условных четырех волн реорганизации высшей школы конца XX – начала XXI вв., предусматривающих объединение, оптимизацию, присоединение [7],

пережил две: «Университизация» и «Опорные университеты»¹. «Университизация» для ТИУ (на тот период Тюменского государственного нефтегазового университета) не сопряжена с объединением нескольких вузов. К становящемуся университету были присоединены институты среднего специального образования. Объединение с другим вузом произошло на волне реорганизации «Опорные университеты».

Объединение образовательных институций с целью оптимизации, консолидации ресурсов повышает значимость управления трансформируемыми университетами. При этом, если коллаборация затрудняется, управление университетом становится похожим на управление «холдинговой компанией», в которой «зонтичная» управляет дочерними [8]. Сопряженные с этим риски, – адресованные прежде всего институциональной идентичности университета, делают актуальным вопрос: предпринимая внутренние реорганизации, университет «от какого Имени выступает?» [5, 64]: ориентируется преимущественно на ценности, условно говоря, холдинговой компании или на университетские? Различие ценностных ориентаций этих институций не требует доказательства. В связи с этим, даже в ситуациях вынужденного применения управленческих стратегий, практикуемых бизнесом, требуется «перевод» присущего таким стратегиям тезауруса (поскольку он является внешним) на язык ценностно-смыслового пространства университета, университетской культуры в целом. Как известно в языке репрезентируются факторы культуры.

Практика вторжения языка коммерции в смысловое пространство университета, его стремительное распространение («студенты» = «клиенты»; «образование» = «оказание услуг» и пр.), вытесняя язык университета, неизбежно ставят вопрос в целом об адекватности имени «Университет» в наименованиях многих институций высшего образования. Является ли оно данью исторической памяти? Или еще сохраняющим значение маркетинговым ходом для привлечения общественности? Или декларированием намерения удерживать университетскую идентичность, обеспечивающую развитие образования, которое бы позволяло человеку не быть застигнутым врасплох в условиях непредсказуемо изменяющейся социальной практики, в том числе «Черных лебедей» (Н.Талеб)

Вопрос об актуальности имени «Университет» для трансформируемых институций высшего образования – это вопрос о ценностных ориентирах стратегий развития. Иными словами, рассматривается ли источником институциональной успешности университетов в со-

¹ Еще одной волной реорганизации отечественных университетов можно считать запуск Государственной Программы «Приоритет-2030» [6].

временном мире ориентация на университетские ценности – знания, академической автономии, открытости, самоопределения и пр.

**Гуманитарная рефлексия
востребованности имени «Университет»
в условиях трансформирования высшего образования**

Адекватность имени «Университет» в наименованиях институций высшего образования особо проблематизируется на фоне все более заметной тенденции деконструкции университетов.

Очередной ректорский семинар², состоявшийся в Тюменском индустриальном университете в декабре 2021 г., был посвящен теме «Востребованность имени «Университет»: непреложный потенциал институционального успеха».

Его замысел, как было заявлено в Программе семинара, предусматривал рефлексию метафизических вопросов, акцентирующих внимание на ряде характеристик, определяемых в качестве граней институционального успеха, оправдывающего имя «Университет» в XXI веке:

Являются ли для отечественных университетов, в условиях их интенсивного перестраивания в начале третьего десятилетия XXI в., актуальными вопросы о востребованности имени «Университет», о заложенном в нем потенциале развития в становящейся новой технологической эпохе?

Возможно, сегодня имя «Университет», сохраняющееся в наименованиях высших учебных учреждений, уже не отражает для многих из них содержание ценностных оснований стратегий их развития. И новому их состоянию должно соответствовать новое имя?

В представленном далее обзоре фрагментов сценарной разработки, стенограммы семинара отражены направления дискурса, сложившиеся в процессе гуманитарной рефлексии. Ее предметом были Тезисы, подготовленные НИИ прикладной этики, приуроченные к юбилею университета (65 лет с момента его основания).

В юбилейных Тезисах, предложенных на обсуждение участ-

² Ректорский семинар в ТИУ с участием ректора, профессоров – действующая дискуссионная площадка гуманитарной рефлексии актуальных вопросов жизни Университета как глобального, так и локального характера [2].

никам ректорского семинара³, основное внимание было сосредоточено на характеристиках, идентифицируемых в качестве граней институционального успеха, оправдывающего имя «Университет» в трансформационных процессах начала XXI-го века.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ

ВЕДУЩАЯ семинара (*Вероника Васильевна Ефремова*,) открыла работу семинара отметив, что уходящий 2021 год еще предстоит оценивать, возможно, и произвести переоценку того, что он принес университету, а самое главное – что он отнял. Запомнится уходящий год, в том числе очередной юбилейной датой – 65-летием университета. Юбилей – это и возможность сформулировать амбиции на будущее. Уникальный опыт Тюменского индустриального университета, который создавался как инновационная образовательная площадка под заказ экономики страны и региона, дает бесспорное оправдание избранных им ориентиров. *ВЕДУЩАЯ* предложила обсудить подготовленные НИИ прикладной этики Тезисы, адресованные университету в год его 65-летия. При этом она отметила, что уже к середине

³ Участники ректорского семинара «Востребованность имени “Университет” – непреложный потенциал институционального успеха»: *БАКШТАНОВСКИЙ Владимир Иосифович*, д.ф.н., проф., директор НИИ прикладной этики ТИУ; *БАУЭР Владимир Иоганнесович*, к.т.н., проректор по обеспечению деятельности ТИУ; *БОГДАНОВА Марина Владимировна*, д.соц.н., доц., НИИ прикладной этики ТИУ; *ДАНИЛОВ Олег Федорович*, д.т.н., проф., зав.кафедрой «Автомобильный транспорт, строительные и дорожные машины»; *ЕФРЕМОВА Вероника Васильевна*, к.экон.н., ректор ТИУ; *ЗАХАРОВ Николай Степанович*, д.т.н., проф., зав. кафедрой «Сервис автомобилей и технологических машин»; *ЗЕМЕНКОВ Юрий Дмитриевич*, д.т.н., проф., зав. кафедрой «Транспорт углеводородных ресурсов»; *ИОГОЛЕВИЧ Наталья Ивановна*, д.психол.н., проф., кафедра «Гуманитарные науки и технологии»; *МАКСИМОВ Лев Игоревич*, аспирант, инженер Центра перспективных исследований и инновационных разработок ТИУ; *МЕХРИШВИЛИ Ламара Ленгизовна*, д.соц.н., проф., зав. кафедрой «Гуманитарные науки и технологии»; *ПЛЕНКИНА Вера Владимировна*, д.экон.н., проф., зав. кафедрой «Менеджмент в отраслях топливно-энергетического комплекса»; *ПОНОМАРЕВ Андрей Александрович*, аспирант, ассистент кафедры «Геология месторождений нефти и газа»; *СЫЗРАНЦЕВ Владимир Николаевич*, д.т.н., проф., зав. кафедрой «Машины и оборудование нефтяной и газовой промышленности»; *СЫЗРАНЦЕВА Ксения Владимировна*, д.т.н., проф. кафедры «Кибернетические системы»; *ШЛЫК Юрий Константинович*, д.т.н., проф. кафедры «Электроэнергетика»; *ШЛЯКОВ Алексей Владимирович*, д.ф.н., проф. кафедры «Гуманитарные науки и технологии».

90-х годов XX в. – еще до официального оформления университетского статуса – вуз уже имел многие признаки университета. Присутствие среди участников ректорского семинара молодых ученых является позитивным фактором развития его университетского будущего.

КОНСУЛЬТАНТ семинара (*Владимир Иосифович Бакштановский*) в качестве эпиграфа к теме обсуждения предложил прослушать фрагмент песни В. Высоцкого «Канатоходец» [3].

*«Посмотрите! Ведь он
Без страховки идёт!
Чуть левее наклон —
Упадёт, пропадёт!
Чуть правее наклон —
Всё равно не спасти!...
Но зачем-то ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути».*

Поясняя выбор песни, *КОНСУЛЬТАНТ* подчеркнул, что в ней есть строчка, характеризующая не только миссию университета, но заложенную в ней моральную идею. Возможно, сегодня мало кто вспомнит, что обсуждение темы, связанной с именем «Университет», университетским статусом было предпринято на первых ректорских семинарах еще в 1995 году. Между тем, на недавнем совещании у проректора по научной и инновационной деятельности ТИУ руководителям структурных научных подразделений, в том числе и мне, был задан вопрос: «Зачем университету ваше структурное подразделение?». Молодые сотрудники научного департамента могли не знать, что НИИ ПЭ был создан 25 лет назад, практически одновременно с переименованием Индустриального института в университет («Тюменский государственный нефтегазовый университет» – далее ТюмГНГУ)? Могли и не знать, что первым документом, с которым НИИ ПЭ обратился к вновь образованному университету, были «Десять тезисов НИИ ПЭ нефтегазовому университету». В них, в том числе была определена и миссия НИИ ПЭ выступать в роли внутреннего консультанта: «НИИ ПЭ – исследовательский институт по проблемам корпоративной этики, результаты которого становятся предметом *включенного консалтинга* применительно к процессу развития Духа Образовательной Корпорации» [4]. Разумеется, можно нанять множество квалифицированных экспертов и консультантов извне. Да и внутренний консультант в чем-то ограничен, например, у него нет взгляда со стороны. Но у него есть и преимущества. Деятельность НИИ ПЭ в этом университете содержала потенциал *понимающего* консультирования.

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

Тюменский индустриальный институт, созданный по принципу гринфилда, стал быстро развиваться.

Под университетским Именем Тюменский индустриальный 25 лет осваивает ситуации, насыщенные трансформациями, реорганизациями, слияниями, оптимизациями.

Но актуальна ли тема университетского имени в наши дни? Порожденный перманентными изменениями в сфере высшей школы вопрос о востребованности имени «Университет», его ценностных ориентирах успешности университета в перспективе, отражает проблематизацию семинара.

➤ *Являются ли актуальными вопросы, связанные с Именем «Университет», с заложенными в нем гранями институциональной успешности? Речь идет не только об университете, производящем частное благо, например: «кузница кадров» для обслуживания корпораций, работающих в регионе. Речь об университете, производящем общественное благо: создающем новое знание, развивающем критическое мышление, формирующем культуру «пользоваться собственным умом» и т.п.*

➤ *Но, может быть, сегодня имя «Университет» уже не отражает ценностные основания образовательных институций, пока (?) еще именуемых университетами? И новому их состоянию должно соответствовать новое Имя?*

➤ *Какое?*

Такого рода вопросы – скорее, метафизического характера – обращены не столько к наличному опыту жизни ТИУ.

В отношении университета можно сказать, что он и в 65 лет молодой университет, еще нарабатывающий энергию успеха.

Цель семинара:

гуманитарная рефлексия реалистичности

➤ *декларируемой в Тезисах ценностной амбиции Тюменского индустриального университета стать успешным политехническим университетом Западной Сибири (является ли такая амбиция, скорее, ложным пафосом – или проявлением намерения и способности ставить перед собой трудновыполнимые задачи, устанавливая достойную высокую планку?);*

➤ *предлагаемых в Тезисах университетских ценностных ориентиров успешности на перспективу.*

Формат адресуемых университету Тезисов как способа инициативного этического консультирования самоопределения университета – дань традиции. НИИ ПЭ адресует Тезисы университету в третий раз.

Основной мотив Тезисов.

Инициирование самопознания университета после смены имени «Технический вуз» → «Университет» – 1995.

Рефлексия о соответствии имени «Университет» и его Миссии через десять лет после переименования – 2005.

Проблематизация востребованности имени «Университет» на фоне интенсивных трансформаций в высшем образовании, заметной тенденции де-конструкции университетов – 2021.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

КОНСУЛЬТАНТ: Мы сформулировали в виде тезисов некоторые ориентиры успешности для университета, о котором можно было бы говорить как об Университете с большой буквы. В каждом тезисе декларируется, во-первых – амбиция Тюменского индустриального университета стать успешным политехническим университетом Западной Сибири. Во-вторых – некоторые ценностные ориентиры его успешности на перспективу. Таким образом, в структуре тезиса имеется содержательный этический манифест и предлагаемая университету практическая консультация.

Тезис первый.

Тезис первый
Университету, ориентированному на удержание амбиции *стать успешным политехническим университетом Западной Сибири*, предстоит рефлексия его потребности и возможностей в самоопределении. Самоопределение сегодня – это не только выбор одного из предлагаемых извне вариантов развития, а конструирование своей идентичности.

Вопрос к первому тезису.

Вопрос к первому тезису
Насколько реалистичен в ситуации наших дней тезис, адресованный еще Тюменскому государственному нефтегазовому университету четверть века назад:
университет даже в самой напряженной, кажущейся безальтернативной, ситуации – *субъект* выбора своих приоритетов, ценностных ориентиров, идентичности?

БОГДАНОВА М.В.: Актуальность тезиса, адресованного университету четверть века назад, вызывает определенные сомнения. Сегодня в университете в силу обстоятельств многое регулируется учредителем. Тем не менее, вопрос о самоопределении университета – если он продолжает оставаться именно университетом – актуален. В каких сферах сегодня у него сохраняется пространство выбора,

самоопределения? Возможно, в сфере преподавания и научных исследований? Приведу пример. На ежегодной конференции в Сколково (онлайн-конференции) подводились итоги уходящего 2021 года, обсуждались планы на будущее. Как известно, созданная российскими предпринимателями бизнес-школа «Сколково» – это, в общем-то, бизнес-проект. Наблюдая за ходом конференции, я обратила внимание, что в качестве одного из значимых достижений уходящего 2021 года ректор школы выделил тот факт, что путем переговоров им удалось достичь такого результата – на работу в бизнес-школу «Сколково» пришли 10 известных в мире профессоров. И что такое достижение открывает новые возможности развитию потенциала научных исследований, преподавания, а также научных публикаций. Иными словами, качественное преподавание и научные исследования – первые две миссии университета (а не третья миссия, о которой так много говорят не одно десятилетие в связи трансформациями отечественных университетов) остаются приоритетными, являются залогом успешности. А сохраняется ли пространство самоопределения за некоммерческими университетами именно в этих двух сферах – преподавании и научных исследованиях?

ШЛЯКОВ А.В.: Некоторое время назад для работы со своей темой приобрел книгу Стивена Хикса «Постмодернизм». Там есть один фрагмент, который я первого сентября на занятиях зачитал своим студентам – они секунды две пребывали в восторге, потом грустно вздохнули. Я позволю себе прочесть его: «Цель университета не в том, чтобы его участники чувствовали себя защищенными, удовлетворенными или довольными сами собой, а в том, чтобы предоставить форум для всего нового, провокационного, тревожного, неортодоксального и даже шокирующего – всего, что может быть глубоко оскорбительным для многих как внутри, так и за пределами его стен... Я не думаю, что университет следует или должен следовать определенной политике или быть филантропическим, патерналистским или терапевтическим учреждением. Это не клуб или товарищество по содействию гармонии и вежливости, какими бы важными ни были эти ценности. Это место, где можно думать о немыслимом, где можно обсудить необсуждаемое и где неоспоримое можно оспорить. По словам судьи Холмса, это означает “не свободу мысли для тех, кто согласен с нами, а ту свободу высказывать мысли, которые нам ненавистны”⁴. И в этой связи я подумал, для каких целей создавался университет в средневековой Европе? В то время

⁴ Хикс. С. Объясняя постмодерн. М.: РИПОЛ класс, 2021. С. 290-291.

эти цели была понятны – создание единого теоцентричного пространства, объединение Европы и распространение христианства.

В XVII веке университет вынужден был поменять эту цель – сосредоточиться на замещении Бога фигурой человека. И вся эпоха модерна была посвящена этому. Мы вышли из эпохи модерна и находимся в некоем состоянии неопределенности. Поэтому я бы хотел, может быть, не обсуждать ответы на вопросы к первому тезису, а добавить к ним еще один вопрос: А куда университет должен вести, если мы сами («мы» – профессора, администрация) не знаем, куда идем? Если университет все-таки существует в определенной системе взаимодействия, то тогда мы не можем ставить перед собой никакие приоритеты, отличные от официально признанных. Если же мы замкнутая система, существующая автономно, тогда да, вопрос остается прежним – куда мы идем?

Эти вопросы актуальны, мне кажется, не только для нашего университета, а для всех российских вузов. В западном мире цель университетов вполне определенная: построение фигуры нового, свободного человека, который освобожден от шовинистических клише, связанных с расовыми, гендерными, национальными, территориальными особенностями. Но мы в России не можем позволить себе такую роскошь, поэтому ответить на вопрос о наличии выбора у Российских университетов я смогу тогда, когда буду знать, какой вектор впереди у меня маячит, куда я иду?

ШЛЫК Ю.К.: Коллега говорил об университете преимущественно с философской точки зрения, соотносил цели западных университетов и российских... У меня несколько иной подход к определению цели университета. Раньше мы обучали студентов, давали им знания, не обращаясь к такого рода метафизическим вопросам. И сегодня, например, когда ко мне на лекцию приходит одна или две группы студентов, я читаю им тот предмет, который знаю, и читаю, надеюсь, качественно, квалифицированно. Тем самым, сегодня, как и ранее, я реализую себя во взаимодействии со студентами как профессор. И цель университета вижу в том, чтобы научить ребят, дать им знания, подготовить специалистов и граждан. Таковы, полагаю, две основные сверхзадачи университета. И каждый из нас, профессоров, если он, конечно, любит свое дело, выполняет его безо всяких директив извне. Поэтому полагаю, что все проблемы, как я говорю студентам, в нас самих. И если профессор может решить возникающие вопросы сам на своем уровне, то все будет замечательно. Не следует ждать, пока кто-то объявит: делай так, а не иначе.

Хотел бы поделиться еще одним соображением. В названии нашего вуза на разных этапах его жизни были различные прилагате-

льные. «Индустриальный институт» – куда я имел честь поступить в семидесятом году прошлого века. Было понятно, что обозначало прилагательное «индустриальный» – оно соотносилось с развитием Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. Затем было прилагательное «нефтегазовый»; далее – «вуз корпораций». Эти прилагательные, как я полагаю, определяются деньгами (то есть, они показывают, к кому-то мы должны приблизиться, прислониться). Бюджетное финансирование дает простое наименование. Например, МГУ, ЛГУ, – без дополнительных прилагательных. Обусловлено это, полагаю, одной причиной – в эти университеты вложены государственные деньги. И у нас во времена ТюмГНГУ были предложения называться, например, «Западно-Сибирский Федеральный университет». Как, например, «Дальневосточный федеральный университет» – этим наименованием все сказано: в него вложены бюджетные деньги, и он, как нам показывают, процветает. С моей точки зрения, только, когда государство развернется деньгами и к нам, у нас все будет хорошо.

ШЛЯКОВ А.В.: Деньги, конечно, это хорошо. Но если бы я был государством, то задал вопрос: А почему я должен в вас вкладывать деньги? Может быть, обращение к тому или иному имени – это своего рода возможность нашего университета найти благозвучное наименование, которое привлекло бы внимание и позволило бы тем самым получить финансирование.

ВЕДУЩАЯ: В контексте разговора, уважаемые коллеги, я бы хотела задать вопрос: был ли кто-то из вас на площадках Дальневосточного федерального университета? Я была. И могу сказать, что примерно 70% этих площадок пустует. Предлагаю продолжить обсуждение тезисов.

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

Следующий этап гуманитарной рефлексии университетских ориентиров успешности, оправдывающих имя «Университет» в условиях интенсивного перестраивания отечественной высшей школы, фокусирует внимание на профессионально-нравственных отношениях в конкретном университете. Рефлексия такого рода дает возможность зафиксировать некоторые особенности его этоса. В этой связи второй тезис проблематизирует вопрос об актуальности для трансформируемого университета поддержания особых, основанных на академической свободе и солидарности, отношений внутри университета. Возможно, сегодня университет – обычная организация, в которой основной тип взаимодействия – взаимодействие наемного работника, работодателя и клиента? Гово-

речь о доверии, солидаризации, честной конкуренции как признаках для внутриуниверситетского взаимодействия – означает обращаться к университету, которого уже нет? Важнее развивать в университете конкуренцию за ресурсы, статусы?

Тезис второй

Университету, ориентированному на удержание амбиции *стать успешным политехническим университетом Западной Сибири,*

предстоит принять на себя задачу удержания особых профессионально-нравственных отношений на своей «внутренней территории».

Вопрос ко второму тезису

Возможна ли для Тюменского индустриального университета *самоорганизация сообщества* в борьбе с ослаблением доверия и солидаризации (профессора – администраторы; преподавательские коллективы объединенных вузов,...), препятствующем удержанию признака университетской идентичности *universitas**?

* *Примечание.* В IX в. именем *universitas* обозначались любые сообщества людей, связанных друг с другом взаимной присягой, – объединения горизонтального типа, не предполагавшие вертикальное господство и подчинение. Затем имя *universitas* закрепилось только за образовательными корпорациями. Далее под именем *universitas* сформировалась особая реальность «Университет» – как главный и единственный инструмент легитимации истинного знания, обладавший правом на самоконтроль и самоорганизацию своего внутреннего социального мира.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

ПЛЕНКИНА В.В.: Несколько слов в отношении словосочетания «удержание амбиций». Я полагаю, если амбиции есть, то они всегда в формате тех возможностей, которые предоставляют внешнее окружение, государство, внутренние возможности нашей организации. Более правомерным, на мой взгляд, было бы говорить о реализации амбиций, или об их корректировке в заданных условиях.

Если объединить два предложенных тезиса, то становится очевидным, что самоопределение, самоидентификация в настоящее время – это вопросы нашей свободы, определяемой государственным регулированием и теми условиями, в которых мы трансформируем университетскую жизнь. Действительно, все процессы ускоряются, регулирование усиливается, соответственно, трансформационные аспекты нашей деятельности набирают все больший темп. Насколько это оправдано? Следует ли набирать такие темпы трансформирования? Вопросы такого рода требуют отдельного обсуждения. Пока мы фиксируем лишь некоторые признаки реальности, в которой мы существуем. На наш коллектив накладывается особая ответственность, связанная с задачей внутрикорпоративной миссионерской деятельности, направленной на то, чтобы в таких не очень комфортных условиях не потерять свои амбиции, свои целевые задачи, сохранить и развить университетское сообщество.

СЫЗРАНЦЕВ В.Н.: В вопросе ко второму тезису появилось слово университет (*universitas*). Если мы вспомним происхождение слова школа, то «школа» – это аббревиатура шести слов: мудро мыслить, благородно действовать, лаконично говорить. Науки в школе изначально не было, она начала появляться в университете и институтах. Мое поколение (я родился уже 70 лет назад) в основном учились в вузах, – в то время институтов было больше, чем, университетов. Я заканчивал политехнический институт в Хабаровске, и мы больше работали в прикладных направлениях, а научные школы, фундаментальные исследования связывали именно с университетским образованием. Затем все как-то «размазалось», и многие вузы стали называться университетами. Но, на мой взгляд, университет тем и отличается от остальных высших учебных заведений, что в нем формируются и развиваются научные школы.

Мои учителя наставляли меня: обучать можно только тогда, когда ты, действительно, являешься очень хорошим специалистом, сам имеешь знания, которые можно дать студентам. А если тебе нечего показать, кроме того, что ты прочитал и пересказываешь, то ты никакой не ученый уж точно не сможешь создать научную школу. К сожалению, сегодня ситуация такова, что профессора умирают, и у

нас в университете большие потери. Если нам удастся удержать научные школы, которые у нас пока есть, мы сумеем решить задачи, которые перед собой ставим. Если мы не удержим существующие и не сможем обеспечить возможность создания новых научных школ, то задачи, которые мы перед собой ставим, решить не сможем.

Здесь многое зависит и от нас самих, от нашего желания. Конечно, внешние условия сейчас не вполне благоприятные: если посмотреть на нагрузку, которая возложена на профессора, то в ней лишь 10% идет на науку. Да, денег недостаточно, нас заставляют зарабатывать. Это беда, которая не дает возможности прикладывать свои интеллектуальные усилия в том направлении, которое (ученый лучше всех это знает) будет востребовано на 100%, но не сразу сейчас. Однако, приходится думать в первую очередь о кафедре, которой тоже нужно деньги зарабатывать и каким-то образом существовать. Поэтому далеко не так просто выжить в сегодняшней ситуации, тем более выполнять те «хотелки», которые и можно было бы выполнить, но в другой ситуации. Сейчас нас задавили такой бумажной работой, что на науку остается только ночь.

БОГДАНОВА М.В.: Сегодня среди участников семинара не только профессора со стажем, молодые профессора, и будущие профессора. Во втором тезисе, адресованном Тюменскому индустриальному университету, внимание сосредоточено на вопросах удержания особых профессионально-нравственных отношений на своей «внутренней территории» как факторах его успешности в настоящем и будущем. Доверие, самоорганизация, солидаризация являются характеристиками таких отношений. Отношений, обеспечивающих, в том числе сохранение академической преемственности в университетском сообществе.

На одном из предшествующих семинаров (в формате-офлайн) молодые ученые нашего университета говорили о желании сотрудничать с профессорами университета, о значении неформальной свободной коммуникации с ними, о важности обсуждения вопросов, которые возникают при вхождении в научную работу. Является ли этот интерес для них актуальным сегодня, или потребности такого рода уже вполне удовлетворяются иными способами вне стен конкретного университета? Раньше общение такого рода в университете имело важное значение для становления ученого. Например, об этом в свое время рассказывали участники постоянной рубрики «Жизнь в профессии» в журнале «Ведомости прикладной этики». Они особое значение придавали факту встречи с наставником на пути вхождения в науку, атмосфере свободных коммуникаций на научные темы, возможных только в университете.

МЕХРИШВИЛИ Л.Л.: Я хотела бы сказать несколько тезисов в продолжение выступления Алексея Владимировича Шлякова. Мы, действительно, живем не просто во время смены эпох, а мы живем в период их слома. И происходит это на всех уровнях, не может это не затронуть и образование, в том числе университетскую среду.

Мне представляется, что предложенные сегодня на обсуждение первый и второй тезисы связаны. Гуманитарная рефлексия, как известно, призвана акцентировать внимание, прежде всего, на базовых ценностных ориентирах в человеческом, личностном и институциональном аспектах. Поскольку мы сегодня говорим об университете, то для нас важен институциональный аспект. Нам сегодня, полагаю, необходимо осмыслить свою практику в новой реальности – на сломе эпох. Мы много говорим о том, как было раньше в университете, какие были университетские традиции. Это важно. И мы также понимаем, что сегодня нам необходимо самим определить для себя базовую ценностную систему университета. Только после этого мы сможем говорить о самоопределении, о конструировании своего места в новой реальности. И только после этого сможем быть субъектом выбора своих приоритетов. Потому что, прежде чем стать субъектом выбора, мы должны создать, возможно, новую, или спроектировать традиционную университетскую ценностную основу. Тогда можно будет говорить о самоорганизации, о взаимодействии поколений. Самоорганизация не может происходить на пустом месте – она должна иметь определенную ценностную основу.

Субъектная позиция университета, о которой говорил Консультант семинара, имеет особенно большое значение. Но она возможна, если мы будем понимать: кто мы, что для нас ценно сегодня и что будет ценно завтра.

ВЕДУЩАЯ семинара, предложив по намеченному плану последовательно обсуждать предложенные университету Тезисы, обратилась к будущим профессорам. «Молодежь молчит. Возможно, они еще не чувствуют себя готовыми обсуждать такие непростые вопросы. Однако я некоторых из них (кто сейчас с нами на семинаре) спросила бы о том, что их вернуло в университет? Значит, есть какая-то высшая ценность и она сохранена в университет?».

ПОНОМАРЕВ А.А.: Вероятно, вопрос адресован мне, поскольку я уходил из университета. Являясь по должности лаборантом, я занимался достаточно серьезной научной деятельностью, но мне не хватало оценки, признания моих научных начинаний. Однако когда я ушел из университета, постепенно пришло понимание, что мне уже не будет интересно на производстве, в душе я все-таки больше ученый, и все мои компетенции могут быть применимы именно здесь – в

университете на кафедре. Я вернулся уже не на должность лаборанта, а молодого преподавателя и, соответственно, затем стал ассистентом.

Сегодня коллеги уже говорили, что научная школа в университете имеет важное значение для становления ученого. Меня в научную деятельность влюбил Иван Иванович Нестеров. И я понимаю, что вряд ли смогу по своей специальности «Геология нефти и газа» реализовать себя вне нашего университета. В ТюмГУ, например, такой специализации нет.

На семинаре обсуждаются, действительно, фундаментальные вопросы, связанные с университетом, его будущим. Но пока мне достаточно сложно сформулировать свои мысли в этом ключе.

МЕХРИШВИЛИ Л.Л.: Небольшая реплика. Наш коллега, молодой ученый, рассуждая о том, почему и ради чего он вернулся в университет, выделил одну из базовых университетских ценностей – научную школу и ее значение для становления молодого ученого. Научная школа – один из базовых элементов ценностной структуры университета, поддерживающий университетское сообщество в его развитии. Элемент, оправдывающий, в том числе имя и статус «Университет».

ВЕДУЩАЯ семинара: На семинар приглашены сегодня два молодых ученых. Они – олицетворение того, как мы можем развиваться. Признаюсь, в тот момент, когда выступал Андрей Пономарев, я бы очень хотела стать Иваном Ивановичем Нестеровым.

Когда-то на семинаре мы говорили о сохранении наших академических традиций – не связано ли это и с научными династиями? Именно поэтому среди участников семинара Лев Максимов. Он не может вернуться в университет полностью, поскольку занят своим грантом, но ему удается сочетать в себе две разные ипостаси. Я приглашаю наших молодых коллег на семинар для того, чтобы послушать, узнать, что и как думает молодежь относительно университета. Мы порой очень строги к себе, это правильно, но всегда важно услышать, что привлекает их в университете. А это, собственно говоря, вы – уважаемые профессора, заведующие кафедрами.

СЫЗРАНЦЕВА К.В.: Если честно, я еще не ощущаю себя маститым профессором, хотя и занимаю эту должность, и давно работаю. Но я уже и не «зеленая» – это точно. Поэтому смогу предложить срединное видение тех вопросов, которые сегодня обсуждаются.

Во-первых, когда увидела на слайде слова «удержать амбицию “стать успешным политехническим университетом Западной Сибири”», сначала подумала, что заявлять такое несколько нескромно. Однако, если посмотреть по городам Западной Сибири, то кроме

Кургана и Омска, есть только мы. И в принципе у нас хорошие позиции. Я все-таки воспринимаю университет и институты как «кузницу кадров». Наши выпускники нужны нефтяникам, машиностроительным заводам, строителям. У нас есть специальности, которым ещё нет замены. И до тех пор, пока мы нужны производству, будем занимать хорошие позиции, будем жить, скажем так.

Окружающая нас действительность меняется так быстро, что порой не успеваешь осмыслить происходящее. Я имею в виду не столько обычную жизнь, сколько вузовскую. Вводятся новые специальности, но не ко всем специальностям мы готовы. Заводы запрашивают у нас выпускников по новым специальностям, но мы, порой, не готовы к такому запросу. Чтобы быть готовыми, нам необходимо идти на два шага впереди, в том числе иметь возможность либо доучивать, либо повышать квалификацию своих преподавателей для подготовки ими следующих поколений студентов по новым специальностям. В целом, чтобы соответствовать быстро изменяющейся картине мира, в университете на высоком уровне должно быть развито стратегическое планирование.

Сегодня тяжело не только нашему университету. С кем ни общаешься почти все вузы в такой ситуации, также завалены бумагами: Челябинск, Ижевск, Омск. Но у нас есть преимущество – наши специальности сегодня востребованы.

Теперь по поводу взаимоотношений с опытными профессорами – заведующими кафедрами, у которых уже сложились научные школы. Я уже защитила докторскую диссертацию, веду свои научные исследования, но мне очень не хватает общения с мудрыми, опытными профессорами. Если где-то в корпусе, хотя бы на пять минут удастся пересечься с нашими заведующими кафедрами, то стараюсь ловить каждую их фразу. Такое общение очень нужно. И наши студенты также смотрят на нас большими глазами и тоже ловят каждое слово. Если мы сохраним возможности для такого общения, выстроим мостики общения между поколениями в университете, то выживем. Я работаю почти одна, очень не хватает коллектива. Еще работаю с папой – Владимиром Николаевичем Сызранцевым – это здорово! Но мне хочется коллектив побольше. Отчасти удовлетворяю эту потребность общением с коллегами из других вузов, сохраняя дружбу с Ижевским государственным техническим университетом им. М.Т. Калашникова, с ЮУрГУ. Но общения с коллегами нашего университета категорически не хватает. Они устали – вал бумажной работы, нестыковка с методистами, или некоторые, например, разрабатывают учебные планы, а кафедры забывает спросить. Сделано все должно быть еще вчера. Это отвлекает и забирает время от науки. Чтобы

выделить на это время, уменьшила нагрузку до 0.8 ставки. Сделала это осознанно. Однако допустим, я могу так сделать, но не все: многих преподавателей, например, не готовы отпускать.

Мне думается, необходимо каким-то образом реорганизовать учебный процесс, принять какие-то внутренние решения в университете. Возможно, выделить научные школы, закрепить занимающихся исследованиями, оформив, например, на десятую долю ставки в каком-либо НИИ – то есть открыто узаконить в университете научную деятельность на формальном уровне. При потере многих профессоров что-то подобное необходимо сделать. Самая большая потеря – потеря людей. И это, к сожалению продолжается. Поэтому, чтобы жить и развиваться, университету хорошо бы подтягивать всех, кто готов заниматься научной работой.

Несколько слов относительно вопроса «Почему я в университете?». Как известно, у людей разные характеры, кому-то подходит работать на заводе – выполнять уже хорошо знакомую работу. А у меня в характере заложена потребность постигать новое, развиваться, расти. И я могу это делать в университете. Могу преподавать, работать со студентами, могу быть лидером и знаю, что за мной пойдут. Если мы не будем качественно учить молодежь, то останемся страной без профессионально подготовленных кадров. Таково мое видение ситуации.

ЗЕМЕНКОВ Ю. Д.: Слушаю коллег и понимаю, что со многим я согласен, некоторые суждения вызывают желание по diskutieren. С 80-го года XX в. и до сегодняшнего дня у меня не было ни одного шага в сторону от университета. Оказывается, я уже 46 лет хожу по этим коридорам. Естественно, нет смысла говорить о том, как я отношусь к вузу – конечно, как к родному, даже не представляю, где и как мог бы работать. Чувствую себя – хотел сказать «хозяином», не так, но где-то очень близко.

Если говорить об амбиции – об успешном политехническом университете Западной Сибири, – мне больше нравилось предыдущее название «Тюменский государственный нефтегазовый университет». Почему? Слово «государственный» мне больше нравилось (хотя определение «нефтегазовый» несколько сужало наше политехническое образование). В наименовании «Тюменский индустриальный университет», к сожалению, не звучит, что он государственный. Что касается – «Первый вуз корпораций», конечно, «корпорация» звучит здорово, но мой опыт работы показывает, что корпорации сейчас решают свои вопросы в основном самостоятельно, они приходят к нам все реже. А хотелось бы иметь большую поддержку корпораций. Тогда союз корпораций и университетского образования

давал бы лучший результат. Я не вижу проблемы «удержания амбиций» – они должны быть и они есть. Общаясь со многими вузами, могу точно сказать, что Тюменский индустриальный университет далеко не самый последний, и не где-то в тени. Мы недавно провели международную конференцию. И не было ни одного отечественного университета нашего профиля, который бы не принял в ней участия – 28 регионов, начиная с Дальнего Востока. Когда мы рассылали приглашения, отклик был однозначно положительный. Поэтому мы видимы – таков взгляд изнутри.

Что касается вопроса о перспективах нашего университета, то здесь, вероятно, стоит учесть разные видения настоящего и будущего его, в том числе и те, которыми поделились коллеги. Университет должен иметь свое уникальное лицо. Конечно, мы все разнопланово подготовлены, разноликие – в этом наше достоинство. Но абсолютная свобода, демократия в поведении профессуры, преподавателей в отношении науки, учебных дел, не дает оснований для формирования некоторого единства в достижении цели.

Как было сказано в начале семинара, условия меняются катастрофически быстро, в том числе и финансовая поддержка. Но я уверен, что амбиции (я бы даже не стал их так называть) мы удержим. Потому что, если человек работает достойно в соответствии со своей профессиональной должностью (знаю своих коллег и каждый из них достоин уважения), то и в университете все будет в порядке. Я смотрю с оптимизмом на будущее нашего университета (иначе нельзя, всю жизнь в этот университет вложил), и вижу, что мы достойно смотримся на фоне других.

ДАНИЛОВ О.Ф.: Хотелось бы услышать некоторое резюме по тезису о самоорганизации. Возможна ли и как возможна самоорганизация университета в условиях, в которых мы сегодня находимся? Как возможно сохранить идентичность университета, старые традиции и сформировать новые и стать лучшими.

ВЕДУЩАЯ: Я не вижу угроз для старых традиций, и вообще для традиций, пока есть люди – их носители. Мне импонирует, когда люди говорят: «Мы сейчас сконцентрируемся и сделаем. Давайте определим наш образ будущего, согласимся с ним, или, если не согласимся, то отредактируем его, внутренне примем и двинемся вместе». Движение вместе, как известно, может быть на разных уровнях, не обязательно взявшись за руки одним строем. Эти уровни движения зависят не только от того, хочу ли я, чтобы профессора двинулись в определенную сторону.

И я согласна с тем, что слово «амбиции», которое прозвучало вначале, не вполне точно определяет нашу цель – это не амбиция,

это новый образ. Не зря мы вспоминали, сколько раз за 65 лет изменялось название университета и почему. Почему вопрос о политехническом смысле университета ни у кого не отозвался в душе? Возможно, он уже всеми принят, и мы уже самоорганизовались в этом направлении? Самоорганизация, действительно, не исключает того, что мы должны быть разными, для того чтобы к нам притягивалось много интересных людей. Полагаю, что вы, профессора, все самоорганизованы, видите себя в контексте университета. Может быть, где-то есть разрыв связи, и надо подумать, как ее восстановить, трансформировав в нормальные взаимоотношения. Но, пока с профессорами молодежь – университет является самоорганизующейся системой.

КОНСУЛЬТАНТ: Предлагаю перейти к обсуждению четвертого тезиса. Казалось бы, он содержит извечный вопрос о соотношении количества и качества. Полагаю, что сегодня для университета этот вопрос стоит особенно остро. Он проблематизирует значимость качественных показателей успешности для современного университета

ФРАГМЕНТ СЦЕНАРНОЙ РАЗРАБОТКИ

Тезис четвертый

Университету, ориентированному на удержание амбиции *стать успешным политехническим университетом Западной Сибири*, предстоит рефлексия о согласовании количественных показателей успешности с качественными признаками университетской идентичности. Не забыть бы, что современные изменения в сфере высшего образования, к сожалению, определяют успешность только как способность успеть: Войти в рейтинги, гранты, программы...

Вопрос к четвертому тезису:

Вопрос к четвертому тезису

Доминирование количественных показателей в оценивании успешности университетов *не говорит ли* о замене этоса университета* культурой аудита, основанной на фордистских принципах, устанавливающих цели деятельности измерением показателей, которые становятся самоцелью? Прежде всего, в ситуации, когда возрастает значимость миссии профессорства, но одновременно понижается его статус и авторитет в университете? Как может конкретный университет профилактировать такую тенденцию?

**Примечание.* В основе этоса университета лежит принцип академической свободы, предусматривающий: доверие профессиональной деятельности профессора, его установку воздерживаться от самообмана; честность ученого, которая превосходит рамки контрактного статуса сотрудника. Принцип, защищаемый как коллективная ответственность академического сообщества.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ СЕМИНАРА

ДАНИЛОВ О.Ф.: На мой взгляд, здесь нет никаких противоречий: реалии и внешние вызовы говорят о том, что без неких метрик, измеряющих показатели работы университета, его успешность, сегодня нельзя. А то, что происходит у нас внутри – то, что мы называем этосом университета – это нечто другое, и оно должно соответствовать внешним вызовам. Мы выстраиваем внутренние взаимоотношения, исходя из целеполагания, которое построено на основе внешних вызовов. И я здесь не вижу предмета дискуссии. Если же говорить в целом об этосе университета, то, может быть, да – предмет для дискуссии есть.

СЫЗРАНЦЕВ В.Н.: Я не вполне согласен с Олегом Федоровичем. Приведу один пример из своей профессиональной жизни. Проверяют, соответствует ли профессор Сызранцев критериям, по которым определяют, кто может быть руководителем программ магистратуры: публикация пары статей, участие в конференциях международных и местных. Приходит ко мне человек и говорит, что я не имею права быть руководителем магистратуры. Говорю ему, что у меня вообще-то за спиной более 20-ти подготовленных кандидатов наук,

три доктора наук. Но, оказывается, – это не имеет значения. И поскольку я не соответствую критериям, то не могу руководить магистратурой. Это полнейшая глупость, которая, однако, статус профессора опускает «ниже плинтуса». Я и «ваковские» статьи давно уже не писал, и в конференциях местных не участвовал. Пусть молодежь выступает. У меня другая задача – мне нужно популяризировать свои разработки за рубежом, чтобы нас знали, причем не только на международных конференциях, а и в журналах. Я понимаю, не наше руководство изобрело эти показатели. Вероятно, эти разработки придумали люди, которые никогда не вели занятия и никакого отношения к учебному процессу не имели. Но – «будь добр выступай на конференциях, иначе ты не сможешь вести ни магистратуру, ни аспирантуру». Требование выполнения таких показателей статус профессора низводит на нет. Поэтому я не согласен с Олегом Федоровичем, что у нас тут все нормально. Ничего нормального в этом нет.

ПЛЕНКИНА В.В.: Я бы поставила под сомнение вопрос об оценке успешности университета. И Олег Федорович и Владимир Николаевич с разных позиций говорят о количественной, критериальной оценке результативности деятельности университета, о кем-то придуманных для того или иного субъекта университета – профессора, доцента – критериях, дающих им право осуществлять те или иные виды деятельности в университете. Но я бы не ставила знак равенства между этим набором показателей и количественных оценок, которые, действительно, основаны на фордистских принципах (причем не самого хорошего, качества) – и успешностью университета.

Количественные параметры определены для оценки результативности деятельности университета, отдельных групп профессорско-преподавательского состава, научных работников для решения вопросов о возможности вести какие-либо виды работ в университете. Но это все-таки не показатели успешности университета.

На мой взгляд, оценка успешности университета – предмет для размышления. И полагаю, что наша точка зрения в отношении критериев успешности университета будет несколько отличной от принятой на федеральном уровне.

БОГДАНОВА М.В.: Казалось бы, между количественными показателями работы и университетской идентичностью не должно быть противоречия. Самый простой пример – публикационная активность. Даже молодые ученые знают, что публикация статьи с результатами исследования в научном журнале – это передний край науки. Она позволяет заявить коллегам о своих достижениях в той или иной сфере. И уже затем результаты оформляются в монографии, учебные пособия, хрестоматии. Однако, все более распространено пред-

ставление о том, что публикация статьи – это побочный продукт работы ученого. А сосредоточенность лишь на количественных показателях публикационной активности девальвирует назначение публикации статьи в соответствии с научным этосом. И это уже говорит о конфликтности в современной практике университета количественных показателей и качественных характеристиках научной деятельности.

ДАНИЛОВ О.Ф.: Я не вижу противоречий в наших рассуждениях с Владимиром Николаевичем. Мы говорим о фордистских подходах и знаем, что они заключаются в том, чтобы «выжать» повышение эффективности любой ценой. Но нельзя сравнивать завод Форда и университет – у них разная ментальная среда. Это первое.

Второе. Искажения есть везде, но мы должны выправлять их сообща. Приведу в пример аккредитацию университетов: все говорили, что завалены бумагами, как это мешает заниматься полезным и нужным делом. Но произошел сдвиг в этом отношении – было принято решение относительно замены прежних принципов аккредитации – на новые.

Пример, который привел Владимир Николаевич в связи с магистратурой имел место и в моем опыте. Каждый раз мы сталкиваемся с подтверждением своих квалификаций с точки зрения ведения магистратуры. Я долгое время не занимался с магистрантами, аспирантами и хотел возобновить эту деятельность. Ко мне обратились три человека, которые хотели бы попасть на внебюджетные места, учиться за деньги. Когда я обратился в отдел магистратуры, мне сказали, что надо составить такие-то бумаги, подтвердить, актуализировать мою сегодняшнюю научную идентичность, показать «вот это», привести «вот это» и т.д. – я развернулся и ушел. Мне казалось, что это нужно университету, но если это не так, тогда это противоречие.

Однако полагаю, что это искажения, с которыми нужно разбираться в университете независимо от того, идут ли они от министерства, или от нашего департамента. Я абсолютно уверен, что наш ректор поддержит все начинания, связанные с преобразованием в лучшую сторону: от бюрократии к эффективным реальным результатам, повышению качества.

ЗЕМЕНКОВ Ю.Д.: Уважаемые коллеги, хотел обратить внимание: на последнем слайде сформулирован достаточно конкретный вопрос. Подразумевается, что, действительно, есть определенные тенденции, и они не очень положительные. Мне кажется – исходя из того, что мы уже не первый семинар обсуждаем такого рода проблемы – может быть, имеет смысл создать, например, академический совет, где была бы возможность обстоятельно обсуждать вопросы

такого рода. И, может быть, исходя из этого принимались бы какие-то конкретные решения, с которыми мы выходили бы на ректора. Мы – профессора – не выговариваемся, не договариваемся. То, что обсуждаем на ректорском семинаре – этого явно недостаточно. Я сейчас попросил слово, а остановиться не могу, потому есть еще что проговорить, но останавливаюсь, потому что регламент. На академическом совете в процессе обсуждения подобного рода вопросов, и вопросов более общего характера могли бы возникнуть какие-то новые решения.

(...)

ВЕДУЩАЯ семинара в своем заключительном слове отметила: Возможно, посылом к тому, что на семинаре состоялся активный разговор, было предложение задуматься, что происходит в университете с точки зрения идеологии. Идентичность и идеология стоят рядом, потому что цель идеологизируется, как только мы ее вербализуем. А путь к ее достижению определяет наше и соучастие, и соорганизацию.

К сожалению, мне также не нравится ограниченность во времени нашей дискуссии. Давайте, придумаем площадку (если это не может быть ректорский семинар?), чтобы чаще встречаться и разговаривать. Многое из того, что мы с вами, уважаемые профессора, сегодня обсудили, имеет большое значение для меня как для человека и как для управленца, в том числе. Площадка может быть любой, лишь бы мы могли высказываться «без погон». А когда, после многоуровневых обсуждений, будут сделаны выводы, они могут стать реальностью. Главное, чтобы было желание сказать, и чтобы были коллеги, которые это желание поддерживают и настроены на изменение университета к лучшему.

Заключительные замечания

Анализ наметившихся направлений дискурса в ходе семинара, «Востребованность имени “Университет” – непреложный потенциал институциональной успешности» подтвердил актуальность выбранной проблематизации. При этом, в выступлениях речь шла не столько о значимости имени «Университет» как репутационном факторе для ТИУ. Скорее – о заложенных в нем институциональных признаках: востребованности неписаных норм, традиций, о возможных только в университете коммуникациях, значимых для становления учебного, развития знания – в целом, об этосе университета. Удержание этоса университета обычно не рассматривается в качестве задач при формировании стратегий его развития. Однако именно неписанные правила, не формализуемые по своей природе *реально-должные* ориентиры деятельности профессора как уникальные факторы уни-

верситетской среды имеют значение для сохранения межпоколенческой академической преемственности.

Возникший в ходе семинара вопрос о необходимости иметь постоянную коммуникативную площадку при участии ректора является не только результатом пандемийный, но он может указывать на готовность профессоров своим экспертным потенциалом проявить сопричастность жизни университета. Однако самоценная «роскошь человеческого общения» в условиях, когда одной из важных задач становится повышение своей устойчивости, может быть особо востребована как площадка гуманитарной рефлексии *долгосрочных стратегий* университета. Одной из таких стратегий может быть укрепление университетом своей субъектности, права на особую позицию университетской корпорации в нефтегазовом регионе, в том числе в связи с надвигающимися вызовами «зеленого перехода». (Об этом шла речь в Тезисе 5, который, в соответствии с Программой, предлагалось также обсудить). «Зеленый переход», «зеленая экономика» – тренды, которые активно обсуждаются университетами, в том числе в связи с программой «Приоритет – 2030.». В ТИУ уже осуществляются проекты такой направленности (в том числе молодыми учеными: экологичная утилизация отходов водоподготовки; технология улавливания углекислого газа из атмосферного воздуха с его дальнейшей переработкой в алмазы и др.). Востребованной становится гуманитарная рефлексия долгосрочной стратегии образовательной деятельности в связи с «зеленым переходом» – не только в силу того, что перестраивание производств потребует других специалистов, но и с потребностью в образовании, которое позволяло бы выпускникам быть готовыми как технологически, так и профессионально этически к профессиональной деятельности в новых условиях. Для ТИУ исследовательская деятельность, развитие образования, подготовка специалистов такой направленности может быть значимым элементом его устойчивости на перспективу.

Список литературы

1. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
2. Бахитановский В.И., Богданова М.В., Новоселов В.В. Рефлексирующий университет: Рабочая книга ректорского семинара. Монография. – Тюмень: ТюмГНГУ. 2013.
3. Высоцкий В.С. Канатоходец // URL: <<https://tekst-pesni.online/vladimir-vysotskij-kanatohodets/>> (дата обращения 27.12.2021).

4. Десять тезисов НИИ ПЭ нефтегазовому университету // Дух образовательной корпорации. Ведомости / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Вып. 1. 1995 . С. 10 -12.

5. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах.– Т.1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992 С. 58-76. URL: <https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/mif_im.php> (дата обращения 29.12.2021)

6. Программа «Приоритет-2030». Министерство науки и высшего образования Российской Федерации // URL: <<https://priority2030.ru/>> (дата обращения 12.12.2021).

7. *Романенко К.Р., Лисюткин М.А.* Университетские объединения в России: четыре волны образовательной политики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Том 21. №3. С.112-120.

8. *Georghiou L., Harper J.* Mergers and Alliances in Context Luke // Curaj A., Georghiou L., Harper J.C., Egron-Polak E. (eds.) Mergers and Alliances in Higher Education. Springer International Publishing, 2015. P. 1-13.

В.А. Абиькенова

УДК 179.1

Станет ли блогерство профессией? (Блогерство – новый феномен среди профессий?)

Аннотация. От рассуждений двадцатилетней давности не заменит ли блогерство журналистику, чем отличается их нормативно-ценностная система и т.п., современный исследовательский дискурс конкретизирует сегодня дискуссия вокруг процессов, которые характеризуют становление блогерства как новой профессии. И если в темах социологических опросов утверждение «Блогер – профессия будущего?» подвергается сомнению, постановкой вопросительного знака, то, например, в таком же названии первого подкаста Общественной коллегии по жалобам на прессу имеет утвердительный смысл [3].

Ключевые слова: этика блогера, профессиональная этика журналиста, блогерство, блогер, профессионализация, моральные индикаторы профессии.

Признание блогерства профессией не за горами

Поводом для вопроса становится ли блогерство профессией, послужил аналитический доклад Центра социального проектирования «Платформа» и ВЦИОМ «От блогеров – к инфлюенсерам» (вышел в сентябре 2020 года как результат соцопроса о том, что думают россияне о блогерах [13]).

Авторы исследования аргументировали свое обращение к теме «нарастающими изменениями в информационном пространстве – ростом численности и влияния лидеров мнений в социальных сетях, воздействие которых сегодня сопоставимо с ресурсом традиционных медиа». Для исследования заявленной в статье темы, на наш взгляд, особого внимания заслуживают несколько блоков этого опроса.

В одном из них – «Профессионализация блогерства» – авторы заявляют: «Сегодня не только экспертам рынка, но и широким аудиториям очевидна профессионализация этого сегмента» [13]. В качестве аргументов они приводят такие данные 2017 года: из числа респондентов снижается доля тех, кто считает, что блогерами движет бескорыстная мотивация (32% vs 36%). Считающих, что это обычное желание заполнить свой досуг (4% vs 10%). Такая небольшая динамика для авторов опроса важна, так как они считают, что блогерство, возникшее как «тяга людей к самовыражению и поиску единомышленников», за 15 лет серьезно трансформировалось, прой-

для этапы: (1) «становление на принципах бескорыстной увлеченности»; (2) «скрытно-рыночные отношения»; (3) «явные рыночные отношения (в настоящее время), которые закреплены открытой маркетинговой политикой блогеров».

При этом блогеры формируют вокруг себя команду или структуру, которая и технически, и содержательно помогает им производить свой контент. Если проводить аналогию с традиционными СМИ, то блогеры фактически создают редакционные коллективы. Можно согласиться с авторами опроса, которые называют этот процесс этапом институционализации блогерства. Таким образом, переход от бескорыстного производства контента к его продаже, а также институционализацию такого рода занятий предлагается считать одним из этапов профессионализации блогерства. Любопытны также ответы респондентов на вопрос о том, зачем люди ведут блоги. Так 64% считают – ради заработка; 40% – привлечь к себе внимание; 32% – чтобы поделиться мыслями, информацией с другими людьми.

Характерно, что обращение к широкому исследовательскому дискурсу, описывающему природу профессии как таковой с помощью определенных индикаторов, позволит обнаружить среди них такой признак профессии, как зарплата за предоставленные услуги, регулярная природа этих услуг [7, 200].

Еще один аргумент авторов доклада в пользу профессионализации блогерства – это специализация внутри блогерства, в результате которой обособилось такое направление, как инфлюенсеры – лидеры среди блогеров.

«Это – “люди-бренды”, они организуют работу целых “медиа-заводов” и успешно конкурируют с традиционными медиа. Инфлюенсер – это “человек, который своим мнением или предпочтениями может влиять на других людей”», – говорится в докладе [13]. То есть инфлюенсеры, если проводить параллели со специализацией в традиционных СМИ, это, пожалуй, колумнисты или обозреватели. При этом авторы аналитического доклада считают, что «если сегодня они (инфлюенсеры – А.В.) уже оказывают влияние на потребительский выбор аудитории, в будущем они будут активно влиять на “убеждения и политическое поведение” аудитории». Этот вывод опирается на мнение Светланы Бодруновой, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, выступившей в докладе в качестве эксперта: «Пользователи осознают влияние блогеров на свою покупательскую позицию. На деле инфлюенсеры начинают оказывать влияние также на политический выбор, идентичность юзеров, их социальные связи в сети» [13].

Обратим внимание еще на один вывод: «Блогер – это профессия будущего, которая будет все больше востребована», – так считает 35% опрошенных. Каждый десятый россиянин хотел бы видеть своих детей или внуков в качестве представителей этой профессии – так высказались 14% респондентов, а среди 18-24-летней молодежи таких почти в два раза больше – 25%. И хотя эти данные, скорее всего, нельзя оценивать как массовый интерес к профессии, он все-таки обращает на себя внимание, определяя тенденцию. Тем более, что в центрах, которые традиционно формируют тренды, в Москве и Санкт-Петербурге, интерес к профессии выше – 40% и 37% соответственно. Любопытно, что скептиков, которые считают, что блогерство – это «краткосрочный всплеск моды», больше всего – 51%. Но среди молодежи (от 18 до 24 лет) больше (51%) позитивных ответов о будущем этого явления.

Подводя итоги социологического исследования, его авторы, опираясь на мнение своих экспертов – Светланы Бодруновой и Виктора Майклсона, основателя и генерального директора группы «Коммуникатор», – приходят к нескольким интересным выводам.

С одной стороны, «происходит постепенная профессионализация блогерства в восприятии аудитории». Аудитория видит блогера как профессионала в трех ролях: (1) трендсеттер, то есть «инноватор, воспринимающий новые идеи или тренды раньше других и своим примером внедряющий новшество в массовое использование»; (2) общественный активист и (3) бизнесмен. Если допустить некоторые упрощения, то этот ролевой диапазон по сути можно свести к двум ролевым моделям: первая – ньюсмейкер, носитель трендов, гражданской позиции; вторая – рыночный игрок на информационном пространстве.

С другой стороны, авторы исследования советуют с определенной долей осторожности говорить о будущем блогерства как профессии, поскольку доля скептиков среди опрошенных довольно велика. Тем не менее, основания для утверждения, что «массовое признание за блогерством статуса “профессии будущего” не за горами», – есть. Виктор Майклсон уверен: «Инфлюенсер станет профессией не менее уважаемой, нежели редактор или издатель»[13]. То есть из двух ипостасей (ньюсмейкер, носитель трендов, гражданской позиции и рыночный игрок на информационном пространстве) блогерство, по мнению эксперта, будет развиваться в сторону ньюсмейкера, который ближе всего к журналистике.

Светлана Бодрунова видит в результатах опроса «картину развития – возможности двух сценариев в отношении роста влияния блогеров на общественную жизнь». «Возможно как появление об-

щественной усталости от этого формата, так и переход рубежа, после которого скепсис уменьшается, социальная среда интегрирует новый вид активности и закрепляет за ним признанную область», – отмечает она [13]. Многое, по ее мнению, будет зависеть от участников процесса, но все-таки второй сценарий наиболее вероятен.

Итак, проведенное ВЦИОМ и ЦСП «Платформа» исследование и аналитический доклад по его итогам, позволяют говорить о тенденции профессионализации блогерства, о чем свидетельствуют такие признаки этого явления:

- появление явных рыночных отношений;
- наличие зарплаты; регулярная природа услуг (блогеры формируют контент-план);
- институализация (появление команд – блогер не одинок в производстве своего контента);
- специализация внутри блогерства – выделение инфлюенсеров как лидеров среди блогеров и их растущая популярность среди аудитории, в которой доля тех, кто считает блогерство профессией будущего, составляет значимую долю, особенно с учетом мнения молодежной среды.

Обращение к широкому исследовательскому дискурсу, описывающему природу профессии с помощью определенного набора индикаторов, подтверждает данный вывод: перечисленные нами признаки профессии (или характеристики процесса профессионализации) присутствуют в таких списках [8].

Моральные индикаторы блогерства

Для ответа на вопрос, вынесенный в заголовок статьи «Станет ли блогерство профессией?» – наиболее важную роль играет тот факт, что процесс профессионализации блогерства сопровождается и формированием моральных индикаторов профессии. По нашему мнению, *моральное измерение профессии* – это ключевой аспект, позволяющий отделять «профессию» от «вида деятельности», «специальности», «работы», «занятия» и т. д., так как другие характеристики профессии (получение прибыли, регулярность услуг и т.д.) принципиально мало чем отличается от других «видов деятельности».

О каких индикаторах идет речь? Выделим те, которые сегодня в той или иной степени можно обнаружить в блогерстве.

Ряд исследователей выделяют такой признак морального измерения профессии, как наличие профессиональных сообществ, ассоциаций, профессиональных групп. Повалко Р. считает это признаком «истинной профессии» и значимым критерием профессиональной идентичности [8, 54]. Известный американский социолог У. Гуд утвер-

ждает, что «профессионалы составляют однородное сообщество, члены которого имеют общие ценности, характеристики, имеют общие представления о своих интересах». Кроме того, представители профессии «связаны чувством идентичности» и «общими ценностями» [5].

Особую роль профессиональным организациям, ассоциациям отводят и В.А. Мансуров, О.В. Юрченко: «... профессиональные ассоциации, это своего рода элита группы, способные организовать совместные коллективные действия во имя сформулированных, чаще всего ими же, коллективных интересов группы, направленных на поддержание или изменение места группы в социальной иерархии [8, 42]. Они способны: «(1) стандартизировать и контролировать распространение экспертного знания; (2) лоббировать интересы группы, добиваться государственной поддержки» и т.д.

Анализируя деятельность блогеров в нашей стране, находим такой моральный индикатор. В России в 2019 году создана Национальная ассоциация блогеров (НАБ) [11]. По сути Ассоциация – это объединенное сообщество блогеров, которые разделяют одинаковые ценности и цели. В Уставе НАБ среди прочих определяются и такие цели, как «п.7. Разработка свода прав и обязанностей блогера, включая *ответственность* за создаваемый и распространяемый контент и *этические требования* к блогерскому контенту»; «п.8 Создание цивилизованных условий деятельности, разработка и внедрение единых стандартов работы блогеров и рекламодателей». В перечне видов деятельности НАБ, указанных в Уставе, есть и такие пункты: «3) поддерживает *развитие качества* и доступности блогерского контента и услуг, *соблюдение свода этических правил* и *социальной ответственности*, обеспечение защиты *интересов аудитории*; 4) содействует развитию профессиональных квалификаций в сфере блогерства, а также повышению осведомленности аудитории о возможностях блогерской деятельности» [11].

Комментируя свои намерения, представители НАБ практически вторят основным положениям социологов. «Без единых стандартов работы блогеров и рекламодателей рынок будет оставаться в тени и не будет вносить свой вклад в развитие государства. Именно поэтому у нас родилась идея создать Национальную ассоциацию блогеров», – объясняет позицию Ольга Берек, блогер, владелец брендингового агентства СМҮК Laboratory [4].

Итак, важно отметить не только наличие сообщества блогеров, но и нацеленность ассоциации на соблюдение этических норм, что следует из Устава сообщества. А это позволяет нам обратиться к следующему моральному индикатору профессии.

Г. Беккер определяет его как регулирование профессиональной активности члена профессиональной группы этическим кодексом [2, 77-78], одна из особенностей которого заключается в том, что он «особое значение отводит *преданности делу* и благосостоянию клиента и порицает употребление профессиональных навыков в эгоистических целях». На обязательное «наличие общих критериев и стандартов» указывает и А. Флекснер, называя шесть критериев отличия профессии от других видов деятельности [6, 198]. «Разработанный этический код закрепляет доверие обывателей к профессиональной группе», – отмечают В.А. Мансуров и О.В. Юрченко, выделяя профессиональную этику как одну из трех основных интегративных характеристик профессии [9, 39]. Под этическим кодексом они подразумевают не только стандарты профессии, но и такие ценности, как служение обществу, альтруизм.

Наличие этического кодекса логично связано с такой моральной характеристикой профессии, как саморегулирование. «Профессионал, благодаря эзотерическому характеру своего знания, свободен от непрофессионального контроля», – обращает внимание на роль этого института Г. Беккер [2, 82]. Западные социологи-функционалисты рассматривали эту характеристику как «иммунитет», производный от профессиональных знаний и этики». Выделяя также в отдельную характеристику профессиональную автономию, исследователи пришли к выводу, что «профессиональная автономия должна быть оправдана посредством внутреннего саморегулирования профессии (контроль коллег и профессиональной ассоциации) и внешнего – со стороны потребителей услуг и государства» [9, 39]. Отечественные социологи, изучающие природу профессии, выделяя ключевые этапы профессионализации, определяют саморегулирование как «контроль реализации профессионального проекта», где среди прочего – «регулирование поведения членов группы через механизм позитивных и негативных санкций» [9, 43].

Этический кодекс блогера как инструмент саморегулирования сегодня – не просто добрые намерения представителей российского блогерства, но и реальные шаги на пути к становлению этого важного для статуса профессии института. По нашему мнению, есть смысл обратить особое внимание на этот процесс.

Зачем блогерам этический документ

Большой интерес, в том числе и среди исследователей, вызывает развернувшаяся в научном сообществе дискуссия об (не)эффективности формирования этического документа, который бы регламентировал деятельность блогеров. Инициатором этого диалога стала Общественная коллегия по жалобам на прессу (ОКЖП),

которая выбрала эту тему одним из основных поисковых направлений проекта «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования СМИ, инструмент формирования основ социальной ответственности “новых медиа” и ресурсный центр защиты прав граждан в сфере массовой информации». Основная его цель – «определение внеправовых по характеру, морально мотивированных, норм/правил формирования и распространения непрофессионального информационного контента в цифровой среде»[10].

Аргументы такой инициативы подсказала сама практика ОКЖП, что стало внутренней потребностью Коллегии: в числе жалоб на журналистские материалы стали поступать жалобы на блогерский контент, то есть на материалы, которые нельзя отнести к традиционным СМИ и журналистике [6]. Чтобы рассматривать такие информационные споры качественно, Коллегии необходим ориентир, о чем говорится и в Уставе ОКЖП – «Коллегия выносит решения:

- опираясь на этические принципы, законодательные акты Российской Федерации, принципы и нормы международного права, решения Европейского Суда по правам человека;
- применяя к оценке конкретных ситуаций международнопризнанные стандарты профессиональной деятельности в сфере массовой информации;
- принимая во внимание кодексы и хартии журналистской этики и правила профессионального поведения, признаваемые организациями, коллективами и лицами – участниками рассматриваемых информационных споров;
- учитывая прецеденты, сложившиеся в практике Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, Большого Жюри Союза журналистов России, иных органов саморегулирования в сфере массовой информации, а также настоящей Коллегии» [14].

Поскольку блогерство и является уже не новым явлением на информационном поле, но необходимых для регулирования его деятельности правил и норм пока не выработано (не только в российской среде, но и, как показал анализ, за рубежом [10, 297]). Российским пользователям и исследователям известна публикация Кодекса американского блогера, о которой в 2012 году рассказал известный российский блогер Илья Варламов. Поэтому наличие такого ориентира – насущная необходимость в деятельности Коллегии. К тому же, учитывая стремительное развитие блогосферы, рост ее популярности и приобщение к этой сфере деятельности все большего числа новых игроков, позволяет прогнозировать рост числа подобных жалоб. «Может быть, ту роль, которую Общественная коллегия

по жалобам на прессу играет в сфере традиционных СМИ, она могла бы сыграть и для блогосферы», – отметил медиаюрист, председатель палаты медиасообщества ОКЖП Михаил Федотов [15].

Не останавливаясь подробно на всех этапах реализации этого проекта, попытаемся определить проблемное поле исследовательского дискурса этой непростой темы, зафиксированного в материалах проекта.

Кто эти люди, для которых создаются правила?

В числе первых неизбежных вопросов, которые ставили перед собой разработчики и который возник у экспертного сообщества – вопрос об идентификации адресата этических правил. Кому адресованы этические нормы? Если блогерам, то как определить круг этих лиц? Если новым медиа (первоначально документ назывался «Новомедийный стандарт»), то какая именно группа интернет-пользователей имеется в виду? Из документа ясно одно: «... актер новых медиа – не профессиональный журналист...». Инициаторы идеи и сами признавались (и с этим сложно не согласиться), что более-менее точное определение адресата в данном случае – чрезвычайно сложная задача. Вот как отреагировали на эту проблему эксперты [15].

Оксана Силантьева, мультимедийный продюсер и медиатренер.

Блогеры – это очень разнородное сообщество, это вообще в принципе общество. Тогда для кого эти правила?

Есть люди, которые экологично относятся к той информации, которую они потребляют и из себя исторгают, а есть люди, которым глубоко пофиг – вот это, как раз, и водораздел не в блогинге, на мой взгляд, а именно в том, как люди ведут себя вот в этой массовой коммуникации.

Мы пока не очень понимаем, для каких людей это (сформулировать правила и нормы – *В.А.*) хотим сделать.

Александр Винокуров, главный редактор Фонда независимого радиовещания, представитель фестиваля «Вместе медиа».

Мы все сходимся на одном недопонимании, кто такой блогер, кого считать блогером. Другой вопрос, что журналисты, которые уходят из СМИ в блогерство, все равно придерживаются каких-то журналистских этических принципов. Блогеры, у которых большое количество подписчиков, мне кажется, ни на какие кодексы обращать внимания не будут, потому что это их стиль ведения того же блога, не важно печатный он или видео-блог, или подкаст.

Анастасия Красильникова, шеф-редактор студии документального кино «Амурские волны», автор телеграм-каналов «Дочь разбойника» и «Вашу мать!».

Я бы предложила считать блогерами тех людей, которые имеют с этого денежный доход. Аудитория сейчас не изменится, а вместе с доходом, когда твой блог становится твоей работой, приходит та самая ответственность.

Екатерина Шульман, политолог, преподаватель РАНХиГС, доцент «Шанинки», автор канала «Екатерина Шульман» в YouTube и одноименного телеграм-канала.

Блогеры – не отдельное занятие, это просто функция, необходимая для жизни в информационном обществе.

Философия этического документа

Другой немаловажный вопрос, который обсуждался в дискуссиях, – что из себя должен представлять этический документ?

Михаил Федотов, председатель палаты медиасообщества ОКЖП, медиаюрист.

Мы можем опереться на такой существующий правовой институт, который называется «знак соответствия». Знак соответствия означает, что тот или иной товар действительно соответствует заявленному качеству. Эти знаки соответствия выдает независимая, негосударственная, как правило, международная структура, которая, например, отвечает за качество товаров из натуральной шерсти. Он может быть у тех блогеров, которые сказали: да, мы не будем материться, мы не будем никого оскорблять, мы будем делать общественно полезное дело и подчиняться той структуре, которая выдает эти знаки соответствия. И если она скажет – эта структура, которую сами и создаем, что мы что-то нарушили, значит, мы исправимся.

Галина Арапова, директор Центра защиты прав СМИ и член Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Это должен быть универсальный свод правил, свод рекомендаций, но он не должен создавать ощущение дополнительного ограничения. Это, наоборот, скорее защитная такая подсказка, защитная грамота.

Некий навигатор: как вам продолжать распространять информацию по тем темам, которые вы считаете важными, и при этом не подвергать себя лишним рискам. Это прививка, инструкция, как делать то, что вы считаете нужным для реализации своего права на свободу слова и при этом не чувствовать себя в ситуации риска, что к вам придут, постучат, подадут на вас в суд, будут вам трепать нервы. Вас заблокируют по жалобам какого-нибудь пользователя, или правоохранительных органов, или 330 правообладателя. Мне кажется, что эта защита, если её мягко подать, может быть воспринята условным блогерским сообществом как нечто полезное.

Екатерина Шульман, политолог, преподаватель РАНХиГС, доцент «Шанинки», автор канала «Екатерина Шульман» в YouTube и одноименного телеграм-канала.

Если предлагать блогерам дополнительные ограничения, им должно быть понятно, что они за эти дополнительные моральные обязательства получат. Для блогеров важно понимать, в чем выгода.

Ольга Кашубина, медицинский журналист и автор телеграм-канала «ШБмнк».

Этот документ должен содержать именно пользу, то, за что нас начнут ценить и уважать. Нужен человеческий подход, желание помочь людям, это вызовет положительный отклик.

Блогеры единодушны в том, что этический документ должен быть полезным: «Если хотите вовлечь блогеров в процесс регулирования, важно ответить на вопрос: какая польза от этого документа самим блогерам? Какую защиту они при этом получают? В качестве примера приводят уже не действующий сегодня закон о блогерах, который ограничивал их деятельность» (М.Терентьева-Галицких, председатель Совета, член Национальной Ассоциации блогеров) [4].

Блогеров будет регулировать платформа

Часть экспертов, участников круглого стола уверены в том, что блогерам не нужен никакой этический документ (сложно определить, кто такой блогер, сложно сформулировать критерии, по которым пользователей можно было (не) причислять к блогерам и т.п.). Самый эффективный регулятор для них – платформа [15]. Тем более что самые популярные платформы действительно оценивают пользовательский контент и при необходимости вводят свои санкции.

Екатерина Шульман, политолог, преподаватель РАНХиГС, доцент «Шанинки», автор канала «Екатерина Шульман» в YouTube и одноименного телеграм-канала.

У каждой из площадок существует своя цензурная политика, своя служба жалоб, свои ограничения и свои возможности для репрессий. Каждый, кого блокировали в «Фейсбуке» или блокировали видео в «Ютубе» по непонятно какой причине, знает, что такое – подчиняться законам, которые мало того, что ты не обсуждал, так о них тебе еще и не сообщают.

На этих площадках свои законы, своя цензура, и за последние годы блогосферу хорошо почистил вот этот цензурный инструментарий. Сегодня мало кто ругается матом, редко кто вывешивает картинку с голым человеком, избегают названия разных национальностей – мало ли что-то не то еще скажешь, или Пушкина не к месту процитируешь. Придет к тебе ночью страшная цензура и все уничтожит. А для людей это важная платформа: там они и деньги зараба-

тывают, и социализируются, и общаются с близкими, и, в значительной своей части работа во многом тоже туда переехала. Поэтому для людей это очень важно, потеря аккаунта, к которому еще, кроме всяких, так сказать, нарциссических плюшек, еще привязаны и магазины, в которых ты все покупаешь. Это как потеря паспорта, это в общем, в значительной степени обрубают твои социальные возможности.

Блогеры не действуют в пространстве свободы, в пространстве, в котором много разных правил, ограничений и угроз, не всегда понятных.

Анна Качкаева, директор Центра цифровых культур и медиаграмотности ВШЭ, член Палаты медиасообщества ОЖП.

Это (этические вопросы – *А.В.*) проблема алгоритмов и платформ <...> и пытаться в нее загнать сегодня подкасты, а завтра VR, послезавтра еще что-то – бессмысленно. Кодексы – это профессиональная принадлежность, их принимают врачи, журналисты и так далее.

Эта тенденция не про нас с вами, она про мир платформ, который наступил. И платформа, которая профессионально уже существует с платформенной экономикой и платформенной медийной деятельностью, вот они и начинают думать о том, что им нужен кодекс. Как во всякой профессиональной деятельности.

Мысль о том, что платформы сами выходят на (само)регулирование своего контента подтвердила и *Галина Арапова*.

Facebook создал некий AdvisoryBoard, который возглавил мой коллега, бывший директор международной организации АРТИКЛЬ 19, и туда вошли ключевые фигуры в области свободы слова, юристы, бывший специальный репортер по свободе слова в Латинской Америке. Этот орган обещает быть очень авторитетным, и он будет заниматься именно регулированием этических сфер.

При этом, по словам *М.Терентьевой-Галицких*, председателя Совета, члена Национальной Ассоциации блогеров, «блогеры негативно относятся к соцсетям – это Большой Брат, тот, кто эксплуатирует, наживается на блогерах. Почему это происходит? Все нормы, установленные соцсетями, – это ограничения. А пользовательские соглашения – 99% не читают, когда их подписывают»[3].

Итак, оставив открытыми многие темы, но проведя несколько этапов консультаций с экспертами и блогерами, в ОЖП спроектировали проект этического документа для блогеров. На первом этапе он назывался «Новомедийный стандарт», после многочисленных дискуссий – «Этические рекомендации для создателей контента в цифровой среде» [12] (правда, на сайте Коллегии его название пока

не поменяли). «Представляется, что оно адекватно отражает содержание документа и достаточно точно определяет адресата этих рекомендаций», – надеются разработчики [10, 333].

После экспертизы несколько изменился и сам текст этого документа: например, глаголы долженствования были исправлены на более мягкие варианты – «блогер избегает», «блогер указывает источники» и т.д.

Пожалуй, одно из важных уточнений, внесенных в документ, – это определение адресата этических правил. Были выбраны следующие критерии для такого определения: «регулярное обновление контента, значительный охват аудитории, наличие постоянного автора / постоянных авторов и редакционной политики / заданной тематики». «Это задаёт довольно чёткие рамки того, о каком именно цифровом контенте мы говорим, и сразу отбрасывает такие виды контента, как, например, комментарии в соцсетях (которые, однозначно, не подразумевались при написании рекомендаций) или личные блоги, где люди пишут на самые разные темы», – комментируют авторы Рекомендаций [10, 334].

Обратим внимание еще на одну поправку: в текст Рекомендаций были включены новые пункты: про уважение авторского права, уважение прав и свобод и уважение частной жизни. Разработчики не исключают того, что эти темы необходимо будет еще обсуждать в дальнейшем, но, отмечают они, «общая концепция «облегченных» правил для блогеров как основных создателей контента в цифровой среде осталась неизменной».

Таким образом, представляется, что констатация факта о том, что блогосфера сегодня находится в процессе формирования своего этического документа [12], вполне уместна. Следует также обратить внимание на то, что этическое нормотворчество в данном случае инициировано не со стороны самого профессионального сообщества, а со стороны Общественной коллегии по жалобам на прессу. Тем не менее, ассоциация блогеров активно включилась в эту работу и поддерживает экспертов и авторов проекта.

Однако, как представляется, российским блогерам необходимо решить, пожалуй, самую важную задачу, связанную с самоидентификацией. Потому что вопрос о том, кто они, российские блогеры – ньюсмейкеры, маркетологи, инфлюэнсеры, наконец, продавцы? – в контексте процесса формирования института саморегулирования является основополагающим. Ведь именно от четкого понимания, перед кем блогер несет ответственность – перед аудиторией, рекламодателями, покупателями, авторами и т.д. – зависит и концепция этического документа, и его основные положения. Более того, содер-

жание кодексов, если следовать этической природе таких документов, важно наполнять такими индикаторами профессии («элементами мировоззренческого яруса профессиональной морали»), как кредо и миссия профессии [1,222]. Видимо, эту заботу самым продвинутым блогерам можно оставить на будущее, а пока обратимся к материалам проекта, чтобы выяснить, что думают сами блогеры о необходимости самоопределения. В подкасте ОЖП можно обнаружить несколько высказываний на эту тему [3].

«Есть проблемы внутри блогосферы: ответственность перед аудиторией, перед авторами и перед рекламодателями. Блогер – агент влияния, часть маркетинга. И сами себе наступаем на хвост: у нас проблемы с рекламодателями и аудиторией. Сегодня блогеры ориентируются на правила соцсетей, платформа их четко и прозрачно наказывает. Это единственный инструмент, который 100% работает. Но этого не хватает. Важно понять, какую ответственность мы хотим на себя взять?» – мнение *М.Терентьевой-Галицких* (председатель Совета), член Национальной Ассоциации блогеров.

Она приводит примеры: блогер в Америке – инструмент продаж. Он ориентируется на Федеральную торговую комиссию – именно она контролирует и регулирует деятельность блогеров, но не этический кодекс. Есть свой кодекс у австралийских блогеров – этот документ сводится к авторскому праву.

«Мы считаем, что блогеры тяготеют к журналистике, а в Америке блогеры – помогают продавать», – рассуждает автор высказывания. В то же время демонстрируя четкое понимание разницы между журналистикой и блогерством: даже выгорание у журналистов и блогеров – разное. Журналист меняет издание, а блогер не может поменять блог. Если «примерять» пример Австралии, российские блогеры так же нуждаются в защите: крупные блогеры с 7 миллионами подписчиков сталкиваются с нарушением авторских прав, до сих пор не знают, что можно, а что нельзя.

«Российский блогер – на стыке маркетинга и журналистики, блогер – агент влияния», – пробует идентифицировать блогерство президент Национальной Ассоциации блогеров *Ольга Берек*. «Фактически популярным блогерам приходится использовать две ролевые модели: первая – ньюсмейкер, носитель трендов, гражданской позиции; вторая – рыночный игрок в информационном пространстве», – говорит она же для другого издания [4].

«Долг у блогера должен быть – перед аудиторией». На этот счет *Ольга Берек* приводит разные примеры: есть блогеры (их большинство), которые демонстрируют отсутствие ответственности перед аудиторией, а есть те, кто возвращает деньги пострадавшим от

недостовой рекламы, кто несет ответственность перед рекламодателями: выпускают рекламу в соответствии с договором. Но мелом в выборе чаще всего выступает не ответственность, а охват и вовлеченность аудитории.

Завершая краткий обзор проблемного поля исследовательского дискурса темы, связанной с формированием этического кодекса блогера и в целом со становлением института саморегулирования блогерства, отметим оптимизм представителей сообщества блогеров (наверное, разговор о чрезвычайной разношерстности представителей блогерства и важностью их объединения вокруг этического документа еще впереди). «Мы хотим поддерживать развитие качества и доступности блогерского контента и услуг, соблюдение свода этических правил и социальной ответственности, обеспечение защиты интересов аудитории. Мы сможем выработать инструменты контроля, которые устроят все стороны. Нам всем нужна устойчивая блогерская система, чтобы трансформировать рынок маркетинга влияния в стабильный, белый и приносящий пользу обществу», – заявляет президент Национальной ассоциации блогеров Ольга Берек.

В целом мы можем утверждать, что интерес к блогерству как к реальной профессии укрепляется – это показывают и результаты социологического опроса, и «повестка дня» исследовательского сообщества, и работа по самоорганизации самого сообщества блогеров. То есть, можно сказать, что, с одной стороны, наблюдается активность социальных субъектов (блогеров) по профессионализации своей деятельности, достижения высокой «социальной позиции» – это в первую очередь формирование профессионального сообщества – Национальной ассоциации блогеров, участие в становлении института саморегулирования и этического кодекса. С другой стороны, имеет место «естественно-исторический процесс профессионализации» [9,39] – это «постепенная профессионализация блогерства в восприятии аудитории» (результаты соцопроса), и рожденная в группе блогеров потребность к объединению, и сформулированные аргументы, отсылающие к серьезному этическому мотиву такого объединения, и назревший в ОКЖП разговор о необходимости этического нормотворчества в блогерстве, и растущее число желающих пополнить армию блогеров, что в свою очередь способствует стремительному росту различных Школ блогеров, и включение похожей дисциплины в учебные планы журналистских факультетов вузов... В свете вышесказанного сложно не согласиться с теми социологами, которые рассматривали процесс профессионализации как «реакцию со стороны профессиональных групп на потребности общества».

Так или иначе, с осторожностью, как советуют эксперты приведенного нами социологического опроса, предположим, что являемся свидетелями процесса становления (формирования) новой профессии или, как ее еще называют в опросе ВЦИОМ и «Платформы», «профессии будущего». Наибольший исследовательский интерес в данном случае представляет будущий результат самоидентификации профессионального сообщества блогеров: составят ли они конкуренцию журналистам и будут вновь претендовать на ее «замену» или останутся коллегами маркетологов или продавцов.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. 378 с.
2. *Беккер Г.* Природа профессии // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 3. Тюмень: Центр прикладной этики, 1995 год. 144 с.
3. «Блогер – профессия будущего». Подкаст Общественной коллегии по жалобам на прессу /URL: <https://presscouncil.ru/novosti/6279-bloger-professiya-budushchego-podkast-kollegii-po-zhalobam-na-pressu> (дата обращения: 6.06.2020).
4. Блогеры России. Кто они? / URL:<https://www.rspectr.com/articles/546/blogery-rossii-kto-oni> (дата обращения 15.05.2020).
5. *Дэннис Э., Мэррилл Д.* Беседы о масс-медиа. Изд-во «Вагриус», 1997. 383 с.
6. Жалоба на видеоканал «Аналитика Юга России /URL:<https://presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/6088-zhaloba-na-videokanal-analitika-yuga-rossii> (дата обращения: 06.06.2020).
7. *Лазари-Павловская И.* Профессиональная этика и конфликтующие социальные нормы и правила. / Идея гражданского общества //Ведомости. Вып. 22. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.
8. *Лукша А.В.* Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
9. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования, № 8, Август, 2009. URL:<https://ecsocman.hse.ru/data/911/411/1224/Mansurov.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).
10. *Назаретян К.А.* Разработка проекта специальных (морально ориентированных) рекомендаций для блогеров // Настольная

книга по медийному саморегулированию. Вып. 10. От «третьей» Коллегии к «четвёртой». Обновление задач, неизменность целей и ценностей/ Под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2020.

11. Национальная ассоциация блогеров / URL: <https://nablogger.ru/> (дата обращения – 10.04.2021).

12. Новомедийный стандарт Коллегии по жалобам на прессу / URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/6267-novomedijnyj-standart-kollegii-po-zhalobam-na-pressu> (дата обращения: 10.04.2021).

13. От блогеров – к инфлюенсерам: исследование ВЦИОМ и Платформы / URL: https://pltf.ru/2020/09/24/ot-blogerov-kinfluenceram-issledovanie-vciom-i-platformy/?fbclid=IwAR3gG1nRjR4FTxYA1mDz2K0zDRx_o_ayd1-A0PGr0wL5oAUUdDRJGKTPaF8 (дата обращения: 23.11.20).

14. Устав Общественной коллегии по жалобам на прессу / URL: <https://presscouncil.ru/kollegiya/dokumenty#ra> (дата обращения: 10.04.2021).

15. Этические рекомендации для создателей контента в цифровой среде. Круглый стол по разработке проекта / URL: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/6251-eticheskie-rekomendatsii-dlya-sozdatelej-kontenta-v-tsifrovoj-srede-kruglyj-stol-po-razrabotke-proekta> (дата обращения: 10.04.2021).

Рубрику «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики» в этом выпуске журнала представляют материалы гуманитарной экспертизы «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции», предпринятой Центром прикладной этики при Президиуме Тюменского научного центра СО РАН СССР в 1990-1991 гг.

Отечественная ситуация начала 90-х годов XX в. была отмечена становлением основ рыночных отношений, политического плюрализма и некоторого расширения гражданских свобод, с одной стороны, сложными ценностно-конфликтными ситуациями морального выбора переходного периода – с другой. Гуманитарная экспертиза предусматривала консультативный опрос экспертов – специалистов в различных сферах человекознания. Среди мотивирующих факторов ее инициирования авторы проекта выделяли академические интересы (расширение ойкумены этико-прикладного знания), но, прежде всего, вызовы российской реальной ситуации, запрос на обсуждение способов разрешения ее противоречий. Продекларированный в этот период правительством страны решительный переход к рыночной экономике, не отменял того факта, что для успешного преобразования общества «само общество должно признать данное решение достойным, не смиряться с ним, тяготясь новыми условиями, а самоопределиваться по отношению к ним и к самому факту свободного выбора»¹.

Основное содержание коллективного поиска исследователей, представленного в материалах гуманитарной экспертизы, образуют анализ и прогноз в отношении конфликтного состояния нравственности в российском обществе начала 90-х гг. XX в.

Публикуемые в рубрике материалы содержат развернутые программные аспекты консультативного опроса и избранные экспертные тексты.

Текст «Анкета» включает предлагаемый экспертам развернутый алгоритм консультирования. Во-первых, материалы предварительной диагностики обыденного сознания в отношении рыночной экономики в формате ценностных суждений двух условных позиций: «рынкофилов» и «рынкофобов». Во-вторых, один из вероятных, с точки зрения авторов проекта, вариантов классификации нравствен-

¹ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика общества «свободной близости и свободного антагонизма людей». (Размышления авторов Проекта) // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Прометей, 1991. С. 265.

ных конфликтов, определяющих ситуацию выбора при переходе к рыночной экономике. В-третьих, возможный алгоритм разрешения некоторых нравственных конфликтов.

В своем экспертном тексте Г.С. Батыгин предваряет экспертизу ценностных оснований отождествления оппозиции «рынкофилия – rynкофобия» с нравственным выбором обоснованием целесообразности разграничения вербальных и смутных образов рынка, бытующих в массовом сознании. Фокус внимания эксперта перемещается с ценностной конфликтности позиций «рынкофилов» и «рынкофобов» на «формирование нравственного конфликта внутри каждого из этих двух (?) типов социальной организации». Характеризуя преимущественно «рыночных целерациональных» схем поведения и нерациональный характер моральных императивов, автор предлагает рассматривать оппозицию целерациональной и ценностно-рациональной схем поведения в качестве основного измерения «рынкофилии» и «рынкофобии».

В.Н. Сагатовский в тексте «Гражданское общество или человеческая общность» рассматривает «этику гражданского общества» и оппозицию «рынкофилы – rynкофобы» в контексте «целостной человеческой общности и адекватной ей морали» с акцентированием имеющих место в каждой из составляющих оппозиции маргинальных элементов – как потенциальных источников постоянного воспроизведения ценностного конфликта. Относясь к предложенным на экспертизу основаниям для консенсуса «рынкофилов» и «рынкофобов» (инициаторы проекта предложили рассматривать в качестве такового симбиоз «идеалов свободы и равенства, либеральных и демократических систем ценностей»), автор обосновывает в качестве его основы совмещение «экономически полезного механизма конкуренции с приматом нравственной атмосферы в обществе».

В целом предпринятая в этом выпуске журнала «Ведомости прикладной этики» републикация избранных материалов гуманитарной экспертизы развития рыночных отношений в постперестроечной России демонстрирует инновационный характер становящегося направлением этико-прикладного знания – как с точки зрения методологии, так и предмета исследования. В фокусе внимания Инновационной парадигмы прикладной этики на начальном этапе ее формирования находились возникающие в изменяющемся обществе новые нравственные конфликты и ситуации морального выбора.

«На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции»
(Анкета)*

Уважаемый эксперт!

Временный научный коллектив исследовательского проекта «Этика гражданского общества» просит Вас принять участие в консультативном опросе экспертов на тему: «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции».

Мы осознаем Вашу занятость, а потому избрали форму заочного «полилога», материалы которого участники получают в форме отдельной книги.

Сама задача заочной консультации коллектива Проекта с экспертами диктует определенный алгоритм, предусматривающий последовательное движение по заложенным в предполагаемом документе этапам научного поиска. Разумеется, документ дает лишь общую конструкцию текста Вашей консультации и не претендует на педантичное следование ему в ответах экспертов.

В стране началось формирование гражданского общества. На этом долгом, сложном и мучительном пути встают барьеры идеологического, культурного, морально-психологического планов. Их преодоление предполагает вытеснение множества стереотипов и предрассудков, требует становления новых принципов и норм духовно-нравственной жизни. Нужна и новая этическая концепция, теория «общества свободного сотрудничества и свободного антагонизма людей». Этика гражданского общества – это утверждение ценностей свободы и ответственности, успеха и «игры по правилам», гармонии конкуренции и сотрудничества, динамического сочетания индивидуализма и коллективизма. Ее основными направлениями являются: предпринимательская и менеджеристская этика, трудовая и профессиональная мораль, этика потребления и досуга, этизация гражданского конфликта, этос добрососедства и благотворительности и т.д.

На стадии становления гражданского общества, в переходный период, самой «болевым точкой» оказывается проблема морального отношения к рыночной экономике. Как в массовом, так отчасти и в

* Анкета // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. С. 5-14.

специализированном теоретическом сознании отсутствует достаточно четкий и вместе с тем «желанный образ» гражданского общества и рыночной экономики. Хотя переход к последней на уровне политического решения и считается признанным, он не стал актом морального выбора: в общественном сознании сильны фобическое неприятие и даже отторжение новых ценностных предпочтений. За теми образами гражданского общества, которые уже кристаллизуются, тянется длинный шлейф представлений о принципиальной несовместимости свободы – и социальной справедливости, рыночной экономики – и нравственных начал, предпринимательства, коммерческой деятельности – и человеческой порядочности. Таков, увы, естественный (но безрадостный) итог семидесятилетнего эксперимента по формированию «нового человека».

Цель консультативного опроса экспертов: диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку; прогноз относительно возможностей и путей разрешения этой трудной ситуации выбора; обсуждение идеи морального консенсуса; формирование системы необходимой аргументации для обеспечения диалога между конфликтующими в отношении к рыночной экономике духовными структурами.

Первый этап консультации

Предлагаем Вашему вниманию материалы предварительной диагностики обыденного морального сознания в его отношении к рыночной экономике. В приведенной таблице даны характерные для современных речевых практик *ценностные суждения* носителей двух условно выделенных позиций - «рынкофобов» и «рынкофилов». Их полярность отражает, на наш взгляд, реальность схизмы в моральном сознании общества, дух нетерпимости и недиалогичности, интонации и методы идейно-нравственной борьбы.

<i>Ценностные суждения против рыночного общества («рынкофобия»)</i>	<i>Ценностные суждения в пользу рыночного общества («рынкофилия»)</i>
Рыночное общество стоит на идее «всеобщей полезности». Оно ставит знак равенства между Добром и Пользой, при их конфликте побуждает делать выбор «в пользу Пользы». Тем самым беспринципная си-	Магистральная тенденция человеческой истории демонстрирует не просто ущербность, но архаичность самого принципа альтернативности выбора между Добром и Пользой. Инвективы против рынка были бы

ла расчета оставляет Добру жалкий удел быть бессильным принципом общества чистогана. На долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает лишь равнодушие, в лучшем случае – унижительная жалость. Словом, «принцип пользы» губит совесть, душу человека, иссушает его нравственные чувства. Вовлеченность в рыночную экономику изгоняет из человека устремленность к Идеалу, духовные Начала, тягу к Вечности. Тем самым заводит его в болото мещанства, мелкобуржуазной обывательщины. «Идеалом» здесь служат «доход», всего только «умеренность и аккуратность», отсюда – крохоборство, мелочные расчеты («даже нос должен иметь свой интерес, прежде чем он решится понюхать»).

отчасти справедливы относительно периода первоначального накопления капитала и раннеиндустриальной цивилизации. Современная же история показывает, что именно насаждаемое казарменным социализмом «бескорыстие» в первую очередь глушит инициативу, губит душу человеческую, рождая множество форм показного и фальсифицированного и даже вынужденного бескорыстия.

В цивилизованных рыночных отношениях преодолевается кажущаяся несовместимость «Интереса» и «Идеала». Личный интерес все меньше воспринимается как элементарное своекорыстие. С другой стороны, снимается «очарование» жертвенности, аскетизма, ходульного «героического энтузиазма» и повышается значимость повседневного существования, непреложное достоинство частной жизни. Ориентация на личный интерес оказывается полезной и для всего общества, благоприятствуя – через самореализацию – самосовершенствованию человека.

Частная собственность привязывает к себе человека таким образом, что разъединяет его с другими людьми. Она порождает индивидуализм, эгоизм, ведет к росту аморализма, подрывает основы человеческой солидарности. Даже если частник и не станет рантье, выступает как человек работающий, но работает-то он лишь на себя. А потому, пусть даже и принося пользу обществу, в моральном отношении он имеет по-

Обвинения частной собственности суеверно догматичны. Вопрос сейчас стоит об индивидуализации собственности, которая в смешанной экономике существует в разных и равных ипостасях: как общественная (акционерная, кооперативная и т. п.) и как частная. Только разгосударственная и приватизированная (т.е. обретшая конкретного Владельца) собственность делает человека независимым, служит гарантом и

дозрительный статус. Если наше государство и стеснит экономическую свободу частного собственника, то это столь же морально оправдано, как и преследование наркомафии, проституции, мошенничества и т.п.

условием его достоинства: хозяином нельзя командовать. К тому же индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и сотрудничество, служит противником как стадному коллективизму, казарменности, так и мелочной бюрократической регламентации.

Героями рынка являются предприниматель, коммерсант, а вовсе не простой труженик. Их цель – богатство, их методы – «игра без правил», моральная вседозволенность. Предприниматель живет по закону сильного, он безжалостен к слабому. Его душа если и молится, то лишь идолам Успеха. Его кураж – риск, его услада – победа любой ценой. Стало быть, законы бизнеса – антипод законам морали. Конкуренция – борьба хищников.

Предприниматель, коммерсант, банкир, менеджер – пассионарии рынка, их ключевые фигуры. Но они отнюдь не мафиози, не спекулянты, не «теневеки», не коррупционеры. Требования рынка утверждают непреложные нормы честности, порядочности и доверия в качестве обязательных условий эффективности деловых отношений. Это в целом благотворно влияет на состояние нравов во всех сферах жизни. Конкуренция – воистину суровая борьба, но это «игра по правилам», соблюдение которых бдительно контролируется общественным мнением.

Рынок, с его обожествлением экономической свободы, несовместим с подлинным равенством, а потому рыночное общество по сути своей и антидемократично, и антинародно, как бы оно ни маскировалось под «ценности» формальной демократии. Равенство в бедности куда достойнее «свободного неравенства». Народная нравственность всегда выражает классовые интересы трудящихся: не тех, кто гребет прибыль с помощью предпринимательской изворотливости, а тех, кто честно живет на свою зарплату. Мо-

Сокровенность демократии заключается, прежде всего, в свободе, а справедливость и уравнительность – не одно и то же. Ведь равенство в бедности неизбежно приводит к кризису общественной нравственности и порождает пороки (массовое воровство, лицемерие, лень, иждивенчество, показуха и т.д.). Необходима моральная реабилитация прибыли (которую нельзя смешивать с наживой) как продукта очень сложного и ответственного труда и богатства, приобретенного по законам правового общества. Бедность,

раль – это особая свобода благодеяния, любви и альтруизма, а не рыночная «свобода», которая зиждется лишь на равенстве «эквивалентного обмена» по принципу «я тебе равно столько, сколько ты – мне». Именно этот принцип навязывает расчетливую «честность», выталкивает сокровенную суть морали: доброту без меры, любовь как неэквивалентное воздаяние.

разумеется, нуждается в социальной защите (как, впрочем, вся сфера культуры, здравоохранения, фундаментальной науки и т. п.), но в моральной и правовой защите, нуждается престиж, статус «сильных» – от подозрений в алчности, от зависти со стороны «ликующей» посредственности, от бюрократической ретивости

Рыночное общество ведет к отчуждению. Люди относятся друг к другу лишь как к средству, функции, нарушая тем самым золотое правило нравственности, категорический императив. Однако непреложные законы морали требуют рассматривать человека только как цель. В товарной же цивилизации человек и самого себя привыкает рассматривать как средство, а его себялюбие тоже оказывается односторонним, побуждающим использовать свои силы и способности по бесчеловечным законам рынка.

В рыночном обществе, безусловно, «заложена» возможность отчуждения личности. С одной стороны, недопустимо в одностороннем порядке противопоставлять статус человека как цели практическим целесредственным отношениям в деловой практике. С другой стороны – в развитом гражданском обществе существует множество норм, которые ограничивают функциональные, ролевые отношения между людьми. Это позволяет противостоять тенденции к абсолютизации отчуждения. В таком обществе вырабатываются способы погашения отрицательных последствий функционального подхода к человеку, их морально-психологической компенсации.

Прежде чем сформулировать наши вопросы, подчеркнем вновь условность выделенных культурно-нравственных «лагерей» – «рынокобов» и «рынокфилов». Более того, активные борцы с рынком и его адепты вряд ли сегодня образуют значительную часть населения страны. Однако уже проявившегося размежевания достаточно для утверждения все усиливающейся тенденции к духовно-нравственной поляризации. Вероятно, надо иметь в виду изменения формы и ак-

центров ценностных суждений «про» и «контра», характерных для наших дней, по сравнению с предшествующими этапами исторического развития гражданского общества.

А теперь:

а) просим Вас определить степень полноты представленной совокупности ценностных суждений. Мы будем благодарны за все внесенные Вами дополнения и коррективы. При этом меньше всего ждем от экспертов редакционных, стилистических и даже смысловых уточнений к предъявленным позициям.

Нам важнее:

б) анализ реальной силы, влияния того или иного совокупного суждения и связанного с ним имиджа рынка (антирынка). Мы, разумеется, понимаем неравнозначность сил «фобии» и «филии» в восприятии их самим моральным сознанием: левая колонка таблицы дана в опыте каждого либо как система догматов, либо через личное знание извращений рынка, в то время как правая – почти не дана в непосредственном опыте советского человека и потому может восприниматься как сумма «измов»;

в) просим Вас также дать комментарий относительно тех ценностных суждений, в которых сфокусированы наиболее острые грани современного нравственного конфликта;

г) наконец, последний аспект нашей заявки на этот этап консультации: экспертам предлагается провести анализ мировоззренческих оснований (идеалов – ценностей – норм), детерминирующих социальное бытие предъявленных суждений.

Второй этап консультации

Вы, наверное, уже обратили внимание на разнотипность и многогранность явных и неявных конфликтов в отношении к этике гражданского общества – реакцией на них и явились ценностные суждения каждой из сторон. Представляется, что попытка *классификации* нравственных конфликтов, связанных с ситуацией выбора при переходе к рыночной экономике, поможет объяснить специфику ситуации идейно-нравственной конфронтации в обществе, ввести момент конструктивности в разрешение нравственных конфликтов или, по меньшей мере, придать им цивилизованные формы.

Мы полагаем возможным предложить для экспертизы и консультации один из вероятных вариантов такой классификации, в

котором выделяем три типа конфликтов, инициируемых переходным этапом становления гражданского общества.

1. Конфликт норм и ценностей *моральной традиции*, нравственного опыта «гомо советикус» с характерным для него дорыночным образом жизни, формами общения, правилами делового поведения, с одной стороны, а с другой – *моральных инноваций*, обусловленных взрывом перемен: в отношениях собственности, трудовой мотивации, развитии предпринимательской деятельности, сферах потребления и досуга и т. п.

Особый пласт этого конфликта составляет столкновение идеологизированной морали, этической догматики и современной версии общечеловеческой морали, в основе которой лежат базовые ценности свободы и ответственности.

2. Конфликт внутри самой нормативно-ценностной системы, связанной с рыночной экономикой, т.е. атрибутивный конфликт этики гражданского общества, который отражает – особенно в переходный период – несбалансированность этой системы (например, между свободой и ответственностью, индивидуализмом и солидарностью, ориентацией на прибыль и благотворительностью, подчинением кодексам организации и личной инициативой).

Особый пласт этого типа конфликтности встроен в процесс конкретизации общечеловеческих норм и правил – так называемых Абсолютов – в исторически изменчивый контекст этики гражданского общества, в противоречивый процесс морального творчества. В общем виде здесь уже выявляется (?) проблема «нового зла» (моральное отчуждение, фурии частного интереса и т. п.).

Еще один пласт – конфликт в так называемых пограничных зонах этики гражданского общества – с политической этикой, этикой семейно-бытовых отношений.

3. Конфликт, активизирующий нравственные проблемы первых двух типов в ситуации их приложения к историческим, этнонациональным и политическим особенностям нашей страны («русская идея», «особый путь», регионы «мусульманской цивилизации» и т.д.).

Пожалуйста, дайте экспертизу предложенной классификации. Если Вы ее принимаете – целиком или частично, – приведите поддерживающие и развивающие аргументы. Возможно, итогом Вашей

работы явится консультация в виде типологии, построенной на иных началах...

Третий этап консультации

Заключительный этап нашей консультации с экспертами посвящен возможностям сближения позиций, предъявленных на первом этапе, снятия атмосферы нетерпимости и взаимного раздражения, налаживания диалога противостоящих сторон. Предстоит поиск принципов, основываясь на которые можно преодолеть антирыночные «фобии» морального сознания, его неподготовленность и потому неприятие гражданского общества в целом, а также преодолеть рыночную эйфорию, идеализацию бизнеса, обожествление гражданского общества. Меньше всего нашей фиксацией конфликтной ситуации мы хотели бы обострить и углубить противостояние «западников» и «почвенников», «инноваторов» и «традиционалистов». Трудно переубедить любую из сторон, тем более если она считает себя единственным и безраздельным «депозитарием» и распорядителем моральных ценностей. Наша задача – стимулировать фундаментальное мировоззренческое и ценностное обоснование идеи и практики гражданского общества, опираясь на метод, который избавляет участников противостояния от изнуряющего упорства и жажды победы. Эффективным методом такого рода мы считаем аксиологию и праксиологию консенсуса с учетом ценностей гражданского согласия и этики ненасилия.

Для экспертной оценки и консультирования предлагаются варианты разрешения, точнее, *алгоритм* разрешения некоторых из обсуждаемых выше нравственных конфликтов посредством снятия взаимной подозрительности, выявления диалогового потенциала каждой из позиций, определения неустойчивых моментов, положений в ней, допускающих трансформацию, что открывает саму возможность налаживания честного диалога. Речь при этом должна идти для каждой из сторон не о пассивном механическом выборе из заданных альтернатив, но о консультативном, творческом выборе, создающем новые альтернативы.

Ставя задачу «выращивания» морального консенсуса, мы видим проблему не только праксиологическую, организационно-технологическую и т.п., но и теоретическую: технология консенсуса морально-аналогична ли консенсусу политическому? А если «да», искать ли точку согласия в «центре» (аргументами «одной лодки» или «баланса

сил»)? Либо, понимая неизбежную поляризацию общества, именно в наши дни скептически отнестись к потенциалу «золотой середины»? А если «нет», то какие моральные аргументы сведут за «круглым столом» сторонников и противников рынка, когда каждая из структур конфликта оценивает другую только в черно-белом измерении?

В основе предлагаемых ниже вариантов конструктивного выбора лежит попытка гибкого симбиоза идеалов свободы и равенства, либеральных и демократических систем ценностей. Мотивацией разработки этих вариантов служит понимание недостаточности аргументов «логики выживания» (в одной лодке не может быть ни «своих», ни «чужих» и т. п.), «обмена полезностями» (с которыми, конечно, нельзя не считаться) и осознание необходимости поиска и нахождения моральных оснований решения конфликта.

К фобии против «принципа полезности». Она связана с убежденностью противников рыночной экономики в том, что мораль только на их стороне, тогда как в нравственном багаже оппонентов – лишь аморализм. «Предполье» консенсуса – апелляция к истории. Диалоговым потенциалом обладают прецеденты попыток морального оправдания – ранее предпринятых человеческой мыслью – гражданского общества, основывающегося на рыночной экономике. Возможно, консенсус в этом конфликте будет стимулирован преодолением ригористического отношения к утилитаризму, прагматизму, персонализму и их этическим системам. И вообще поиск консенсуса требует определить: из каких этических парадигм целесообразно исходить, для того чтобы «наводить мосты» между оппозициями (этика любви, солидаризма, общественного договора; этика долга, пользы, справедливости и т.д.).

Ясно, что особая задача в этом поиске – сделать предлагаемое поле консенсуса понятным и убедительным для обыденного морального сознания. И в этом помощь консультанта-гуманитария не менее важна.

К фобии против аморализма бизнеса. Возможное поле консенсуса здесь формируется вокруг сюжета о социальной (а не просто технологической или юридической) ответственности. Бизнес обычно ориентировался почти исключительно на прибыль. Однако современная этика предпринимательства и менеджеризма, не отказываясь в принципе от традиционной ориентации, новую акцентирует на социальную ответственность. Соответствующая ей мотивация связана с

принципом «собственность обязывает» (к учету близких и отдаленных последствий предпринимательской деятельности – экологических, воспитательных и т. п.).

Смежный – развивающий – сюжет поиска поля консенсуса связан здесь с идеей достижения социальной гармонии.

К фобии против конкуренции. Здесь возможное поле консенсуса – вокруг темы культурного лица конкуренции.

Конкуренция способствует развитию агонального (соревновательного) духа в обществе и тем принципиально меняет его культуру, опираясь на творческое, позитивное начало индивидуализма. При этом в «правила игры» вписана особая этика – этика успеха и поражения в конкурентной борьбе. «Игра по правилам» исключает бесстыдство победителя и унижение (и самоуничтожение) проигравшего.

Рыночная конкуренция – механизм, который обеспечивает справедливое распределение прав и обязанностей, базовых ценностей в обществе. Конкуренция сохраняет элемент саморегуляции социальной справедливости, стимулирует самореализацию дифференцированных индивидуальных потенциалов.

Снятие фобии возможно далее через обсуждение темы «*Конкуренция на основе достижений*» – технологических, интеллектуальных, организационных и т.д. Эти достижения ведут к росту общественного богатства и таким путем благотворно влияют на состояние общественной нравственности (повышают роль творческого элемента в трудовой деятельности, снижают агрессивность в межличностных отношениях, расширяют возможности для благотворительности и т. п.). Условия рыночной конкуренции, соревнования за лучшее удовлетворение потребностей потребителя цементируют расшатанную трудовую мораль, ограничивают возможности бесхозяйственности, наживы на ней, влияют на качество продукции и т. д.

Мы просим экспертов проанализировать предложенные подходы и, если возможно, продемонстрировать иные пути консенсуса.

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРИМ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО!

*Г. С. Батыгин**

Этика дела и/или этика долга

Следует прежде всего обозначить топику, в пределах которой возможно судить о существовании нравственного выбора. «Рынокфобия», «рынокфилия» и сам «рынок» являют собой в данном контексте не просто общественное мнение о рынке, но парафраз архитипичного нравственного решения: чем руководствоваться в своих поступках – долгом или склонностью. Или иначе, есть два пути: широкий и узкий. Один ведет к зависимости человека от внешних обстоятельств («рыба ищет, где глубже...»), «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»); другой – свободная воля – сам есть путь, и истина, и жизнь. Поэтому прежде, чем рассуждать о степени полноты и силы предложенных ценностных суждений «про» и «контра», об их мировоззренческих основаниях, следует разграничить, с одной стороны, вербальные и «смутные» образы рынка, бытующие в массовом сознании, где рыночная и антирыночная альтернативы переводятся на язык нравственно-оценочных установок и диспозиций, а с другой – формирование нравственного конфликта внутри каждого из этих двух (?) типов социальной организации. Здесь допустимо некоторое, на мой взгляд, простительное нарушение инструкции эксперту для того, чтобы поставить вопрос об основаниях отождествления оппозиции «рынокфилия – рынокфобия» с нравственным выбором. По крайней мере, такие основания сами нуждаются в основаниях.

В общественном мнении критерии нравственной оценки рынка формируются предрассудочно, примерно так же, как формировались схемы абстрактно-базарного вывода, приведенные Гегелем в статье «Кто мыслит абстрактно?»: если ты говоришь, что у меня яйца тухлые, то твоя мать проститутка, отец умер в канаве, и сама ты шлюха (прошу простить вольное переложение канонического текста). Аналогичным образом протекают нынешние дискуссии о мировоззренческих основаниях и последствиях рынка, в любом случае они оформлены в нравственно-идеологическую терминологию. Иное дело, разговор о том, как повлияет рынок на генезис и саморазвертывание

* *Батыгин Г.С.* Этика дела и/или этика долга // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. 1991. С. 47-54.

нравственного выбора. Ведь не исключено, что присутствуем мы у основания очередного безумного метаморфоза: «Мы никогда не были так свободны, как во времена застоя». Тогда каждый был тем, кто он есть на самом деле, и фальшивый декор, в том числе нравственный, воспринимался как фальшивый декор. Рынок может внести дополнительные aberrации в уже искривленную оптику путем создания самых настоящих фантомов-фальшценностей. Рынок (или квазирынок) способен создать настоящие фальшивки типа «этика бизнеса» как разновидности мошенничества и блефа. Чтобы проиллюстрировать такого рода превращения позволю себе реминисценцию из давнего новомирского «Очерка об очерке» Ю.Черниченко. Так вот: раньше на курортах Минвод всем и каждому можно было сфотографироваться в виде лихого джигита в белой папахе и черкеске, с шашкой и на боевом коне. Сзади, как и положено, белели отроги главного Кавказского хребта. Для получения такого впечатляющего изображения достаточно было сунуть физиономию в отверстие на листе фанеры, где были намалеваны джигит и конь на фоне отрогов, и смотреть на фотографа орлом. Сейчас ситуация кардинально переменялась. И конь, и белая папаха, и шашка, и орлиный взгляд, и вся физиономия псевдоджигита стали совершенно настоящие, без обмана. Можно только вспоминать о том наивном светлом очаровании, которое несли в себе изображения джигита и его боевого коня на листе фанеры – они были подлинными, потому что не могли, да и не хотели никого обманывать. Когда же все стало настоящим, замысел происходящего (то есть истина и правда вместе взятые) стал доступен только тому, кто сам знает, как эти штучки делаются. Так что по поводу нравственности рынка и безнравственности тоталитаризма бабушка надвое сказала (в данном случае под бабкой я разумею себя).

Первый этап экспертизы

Оценить степень полноты предложенных оппозиций для описания «рынкофобии» и «рынкофилии» можно как вполне достаточную. При этом все описания изложены в виде идеологем и в данном отношении получают осмысленность (идеологемы не переводятся и не транспонируются). Соотношение Добра и Пользы, Интереса и Идеала, индивидуализма и коллективизма, хищничества и порядочности т.п. можно обсуждать без особых сомнений в осмысленности такого занятия на съезде народных депутатов, в университетской аудитории, на митинге, в газетной статье. Идеологемы, кроме всего прочего, об-

ладают удивительной способностью создавать превращенные формы социальной реальности: достоинство здесь просит подаяния, глупость предстает в маске мудреца-пророка, простота слывет глупостью, и сама праведность служит пороку.

Продолжим этот немислимый шекспировский ряд историческими наблюдениями: самые отчаянные борцы за свободу превращаются в оголтелых тиранов, высокоморальные люди становятся причиной неисчислимых бед, и самые последовательные теоретики рынка ввели недавно тотальную карточную систему. Подобного рода перевертыши означают даже не «превращение», а метаморфоз в том смысле, что Зевс не стал быком, а принял вид прекрасного белого быка, и Нарцисс, равнодушный к нимфе, сохранил свой самодовлеющий эйдос в белом цветке. Так, и добро, и зло, и «рынкофилию», и «рынкофобию» имеет смысл описывать не только в терминах идеологем, но и в терминах проективных ситуаций, демонстрирующих выбор стиля поведения в различных «игровых пространствах».

Попробуем проиллюстрировать возможности идеологического и проективного описания «рынкофилии» и «рынкофобии». Речь идет уже об оценке реальной силы, влиятельности того или иного совокупного суждения. Самая сильная из всех шести оппозиций – Добро и Польза. Данная оппозиция образует краеугольный камень этического менталитета. Добро обречено на то, чтобы оберегаться от Пользы. Действительно, «на долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает равнодушие, в лучшем случае – унижительная жалость». Спор этот длится по меньшей мере два с половиной тысячелетия, и с тех пор ничего не добавилось к резюме Фразимаха Халкидонского, что самое лучшее – быть несправедливым, но прикидываться справедливым. Так и от врагов избавишься, и друзей облагодетельствуешь. Во всяком случае, добро редко остается безнаказанным. Можно вспомнить разъяснения Дж. Милля насчет правильного понимания утилитаризма и «недовольного Сократа», веберовскую трактовку категорического императива как мирского служения и т.п. Но остается ясным, что все оппозиции «рынкофобии» и «рынкофилии» снимаются на уровне идеологем путем разъяснений, что такое добро, польза, интерес, идеал, свобода, индивидуальность, делец-пассионарий и т.п. Снимается и необходимость нравственного выбора, который, как правило, дает человеку шанс явить автономию воли, стать свободным и на рынке, и в лагере, и на необитаемом острове.

Нравственные оппозиции, по всей вероятности, лучше всего искать в критериях нормативности, принятых в той или иной системе координат, когда осуществляется проекция выбора линии поведения. В дополнение к предложенным оппозициям имеет смысл ввести еще одно измерение, которое можно назвать жизненной схемой. Жизнь человека, руководствующегося эталонами рыночной деловой морали, подчинена жестким дисциплинарным правилам, соблюдение которых легитимизирует его социальные роли. Эти правила обладают силой внутренних императивов, безразличных к внешним обстоятельствам, и, по существу, являются собой автономную волю, реализованную в «мирском служении». Человек должен неукоснительно соблюдать свои обязательства, тщательно калькулировать каждую минуту своего времени, никогда не тратя его на пустяки, то есть бесполезно. Каждый отвечает за себя, поэтому нельзя вмешиваться в дела ближних. Вряд ли возможно придумать правдоподобную противоположную версию – версию «антирыночного» жизненного стиля. Неправдоподобную же версию придумать можно: непрерывные размышления о последних причинах бытия, изматывающее безделье, постоянная борьба со злом в трудовом коллективе, в трамвае, на лестничной клетке, в обществе в целом. Я отвечаю за все. Если не я, то кто? Как правило, день начинается с вопроса «Что делать? Этот вопрос сопровождает человека всю жизнь и не дает ему покоя до тех пор, пока борьба за торжество идеалов не доведет до конца по пути самосожжения. Страданием все очищается. Конь блед.

Критерии нормативного соответствия эталонам того или иного типа социальности определяются не столько предметным содержанием действия, сколько тем, как оно делается. Человек антирыночного этоса может не просто хорошо работать – он может работать, как зверь. Он может и любить, как зверь, а потом каяться с ангельской кротостью и смирением. Царь и раб, червь и бог в одном лице...

Несколько проективных ситуаций покажут дифференциацию этических критериев в деле. Ночь. На улице – ни души. К пешеходному переходу приближается гражданин «рыночного» типа. Светофор являет красный сигнал. Автомобилей нет. Что делать?.. Этот хрестоматийно русский вопрос никогда не возникает у человека, чьи правила жизненной игры сформировались в рыночной системе поведения, потому что рынок – это не просто свободная купля-продажа, а прежде всего неукоснительное соблюдение правил даже тогда, когда,

казалось бы, их можно нарушить без всяких последствий. Все равно нельзя. Запретельные вопросы, связанные с последними причинами, здесь отвергаются как нелегитимные. Не положено... Человек же, руководствующийся рефлексиями над вопросом «Что делать?» в плане судеб русской революции и перестройки, даже не взглянет, какой сигнал горит на табло светофора. Этот сигнал для него не значим, значимы иные обстоятельства и императивы: милиционер, «с толпой можно...». Именно здесь начинает работать этика утилитаризма – можно все, что мне в данный момент кажется полезным, хотя в качестве всеобщего закона такая схема поведения неприемлема. То же самое: когда я ворую – хорошо, когда ты воруеть – плохо.

Другая ситуация. Пассажир едет один в купе, имея билет на не очень удобное место. Может ли он занять то свободное место, которое ему нравится? Рыночная этика безукоризненного выполнения обязательств запрещает это делать, поскольку куплено место, указанное в билете.

Третья ситуация. Ученики пишут контрольную работу. Один, который от природы плохо соображает, просит своего друга помочь в решении задачи. Отказать товарищу означает свинство в одной – коллективистской – системе координат и проявление честности – в другой. Американская школа регламентирует такую схему поведения технически: как правило, оценки выставляются не в балльной (уравнительной) системе, а в рангах – на первом месте один, на втором – один, на последнем месте один. Двое не могут занять одно место, и кто-то должен уступить сильному.

Преимущество «рыночных» целерациональных схем поведения заключается в их эффективности и технической машинообразности нормативного регулирования. Моральные – нерациональные – императивы воспринимаются здесь как экзотическое, не всегда только забавное юродство и патология. Беда в том, что такая схема исключает из себя не только положительные нравственные деяния, но и безнравственные: обманывать не плохо, а невыгодно, неэффективно. Каждый человек стоит столько, за сколько его покупают, потому что всякие разговоры о самодостаточности добра нелегитимны, например: толковать о том, что совесть не продается, бессмысленно, ее и так никто не купит.

Таким образом, в качестве главного измерения «рынкофилии» и «рынкофобии» я мог бы предложить оппозицию целерациональной и

ценностно-рациональной схем поведения. Целерациональность интерпретируется, конечно, по Веберу, как техника, безразличная к моральным ценностям. Поэтому в расколдованном мире технических схем поведения нет и не может быть морали в том запредельном смысле, когда слова о блаженстве «плачущих, кротких, милостивых...» воспринимаются как подлинные.

Второй этап экспертизы

Вопрос о классификации нравственных конфликтов предполагает обсуждение оснований, на которых она строится. Вероятно, в советском обществе происходит конфликт двух способов нормативной регуляции поведения: их можно назвать традицией и инновацией – авторы Проекта в этом совершенно правы. Рыночные схемы поведения выступают в роли инноваций лишь в той степени, в какой они переходят из статуса маргинальных в статус институциональных. Например, спекуляцию (скупку и продажу с целью наживы) нельзя считать в нашем обществе инновацией – спекуляция известна со времен Анны Иоанновны, когда были предприняты первые попытки регулировать цены указанием начальства. Предстоящая декриминализация указанного состава означает, что запрещенная схема поведения легитимизируется. Таким образом, данный конфликт являет собой вытеснение традиционных схем нормативной регуляции маргинальными и нелегальными. Это можно было бы назвать деморализацией общества, но о морали как извечном столкновении долга и склонности здесь говорить неправомерно. Один вид техники замещает другой, казалось бы, устаревший. Вообще, судить о большей моральности рынка и «рынкофилов» надо с осторожностью. Ничего хорошего в рынке, конечно, нет, разве только все остальные способы регуляции общественной жизни влекут несравнимо большее число бед. Конечно, можно возвысить склонность до долга, декларировать труд в качестве молитвы и объявить спасение души эквивалентным эффективному мирскому служению. Но все-таки в идее мирской аскезы положено некое замедленного действия противоречие. Аскеза «рыночного человека» не автономна, потому что привязана к своему предмету. Мирской аскет – бизнесмен – может вызывать симпатию и уважение, но смысл его служения заключается в эффективности преобразования мира. Такого человека нельзя, например, любить, потому что любовь (в христианском смысле) – не то, что входит в поле его преобразований. Ему нужна эффективная любовь, например, секс и дружба (говоря

словами Лазарсфельда и Мертона, дружба для него – это социальный процесс). Д. Карнеги – эталон бизнесмена – демонстрирует стопроцентное попадание в суть проблемы: «Как приобретать друзей?..». До такой оптики нельзя дорасти, ее надо иметь изначально. Можно, конечно, в духе «Протестантской этики» объявить «гомо фабер» – человека преобразующего – моральным, но тогда мораль превратится в средство разрушения мира. Вместе с миром «бизнесмен» разрушает и самого себя – посмотрите на них, этих до омерзения счастливых людей! И не положена ли в «мирской аскезе» идея социализма, который, конечно же, вырастает из сект и партий, созданных реформационным менталитетом.

Третий этап экспертизы

Выработка консенсуса – коль скоро она возможна – означает победу целерациональной схемы поведения. Даже сам факт участия «почвенников», «традиционалистов» и вообще «партейцев» в консенсусе-сделке означает принятие ими этих ненавистных им правил игры. Компартия фактически разрушила себя, допустив свободные выборы и завоевав большинство мест – ее попросту обманули. Торговля «рынкофилов» и «рынкофобов» означает победу «рынкофилов» даже тогда, когда они будут кормиться с руки нуворишей – «рынкофобов». Бред какой-то!

В конструктивном плане наиболее оптимален диалог об «этике бизнеса» как технике делания денег. Аргумент заключается в том, что честная игра возможна здесь только при свободном рынке, насыщенном товарами. Тогда начнет выигрывать не оборотистый проходимец, а бизнесмен-профессионал, для которого обманывать невыгодно. Этика бизнеса создается не на пустом месте, а самим бизнесом, конкуренция справедлива при игре без блефа. Однако формирование делового менталитета проходит через коррупцию, девиантное поведение и массовую деморализацию. Маркс был прав по крайней мере в одном: на этом этапе один русский стоит трех евреев.

Однако не исключено, что оппозиция свободного рынка и тоталитаризма – видимость. Гитлеризм и сталинизм похожи на логическое завершение той линии развития европейской «сциенции», которая явила себя в идеологии Просвещения. Не случайно весь цивилизованный мир приветствовал успешное построение социалистического общества в СССР, «несмотря на отдельные недостатки», а затем

замер от ужаса, как бы увидев свое отображение. Целерациональный «этик» расколдованного мира никогда не остановится в изумлении перед Его творением и не задумается над тем, имеет ли он право преобразовывать действительность, какой бы несовершенной та ни казалась. У Христа нет ни слова о морали, зато цивилизация готова распространить моральные оценки на все, что ей показалось целесообразным. И не исключено, что человечеству еще придется расплатиться за «этику активизма», за мирскую аскезу, за Освенцим и еще много за что.

В. Н. Сагатовский

Гражданское общество или человеческая общность?*

В чем суть проблемы?

Сознание на уровне моды живет по принципу маятника: из одной крайности в другую. Достоин ли такой тип поведения ученых мужей? Почему мы сначала принимаем неинтервализированные догмы (берем модели без анализа сферы их адекватной применимости), потом торопимся извлечь из них прикладные выводы, потом заходим (и заводим!) в тупик, потом начинаем от противоположного, но по тому же алгоритму? Давно ли мы выводили профессиональную этику из «развитого социализма», теперь будем это делать из «гражданского общества»? Я думаю, что ни модель общественно-экономической формации, ни модель гражданского общества не покрывают общества в целом. Чтобы в той или иной сфере общественной жизни была здоровая мораль, она должна быть таковой в обществе в целом. Этика должна сначала понять, к чему мы стремимся в «перестройке», что мы считаем нормальным и достойным, что необходимо (если еще возможно...) возродить, какой должна быть мораль человеческой общности. Если мы сумеем на этом уровне расчистить авгиевы конюшни вульгарного материализма, социологической редукции и функционализма, то аспекты гражданского общества, предпринимательской этики и т. д. станут на свои места почти сами собой. Разве Ж.Кальвин учил этике менеджеризма? А какая этика возникла из общих основ пуританства! Или мы ставим перед собой задачи на уровне Д.Карнеги? Но тогда причем тут этика? Иными словами, не имея аксиологического гештальта, эксперт-гуманитарий пойдет на поводу модных штампов эмпирии. Чтобы разобраться в ней, нужен масштаб оценки, нужна своя модель и рефлексия по поводу пределов ее применимости. Субъективизм, конечно, неизбежен. Но когда он дает о себе знать системно и по возможности отрефлектирован, то и преодолеть его – другому эксперту – легче.

* Сагатовский В.Н. Гражданское общество или человеческая общность? // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. 1991. С. 209-217.

Итак, я хотел бы поместить и «этику гражданского общества», и спор «рынкофобов» и «рынкофилов» в контекст целостной человеческой общности и адекватной ей морали. Если предельно кратко охарактеризовать принимаемый мной идеал, то это – общество доброжелательных уступок, обеспечивающих оптимальное соотношение (развивающуюся гармонию) солидарности, полифоничности (свободного развития индивидуальностей) и соборности (органического единства на основе «правды отношений», превалирующей над «борьбой интересов»).

Постараюсь показать, что автоматически зачислившие меня после этой тирады в левый (на уровне моды – правый) столбец, т. е. к рынкофобам, ошибаются. Не торопитесь включать маятник!

Разговор «мимо»

Рынкофобы и рынкофилы произносят свои монологи мимо внимания и понимания друг друга. Они говорят о разных вещах, в чем-то правы и не правы – те и другие. Прежде чем выявить плюсы и минусы обеих позиций, попробуем отразить сами позиции: о чем идет речь, о каких предметах? Рынкофобы обсуждают и осуждают рынок с позиций морали, не являющейся функцией утилитарной деятельности, дают аксиологический портрет «героя рынка», уже выходя за рамки этики, предлагают социально-политические оценки и рекомендации относительно рыночной экономики; отрицая утилитарную мораль рынка, тут же признают классовый характер морали. Очень это разные рынкофобы, и уровень критики рынка очень разный.

Рынкофилы вообще плохо представляют себе, что такое мораль. Добро должно быть полезным, не глушить инициативу. Морализация утопична, ходульна, а мы хотим хорошо жить сейчас, и никто не придумал стимула лучше, чем личный интерес. Частная собственность моральна, ибо обеспечивает достоинство человека: «хозяином нельзя командовать». Мораль должна реабилитировать прибыль и предприимчивость. Одним словом, рынок и мораль могут быть полезны друг другу.

Очень похожа «рынкофилия» на марксизм, только с обратным знаком: марксизм хотел повенчать мораль с общественной собственностью и пролетариатом, рынкофилы – с частной собственностью и предпринимателями. Морали от этого не легче: она редуцируется к социальной полезности.

Теперь проведем две последующие операции: сначала отсечем явно ошибочные и неприемлемые (разумеется, с моей точки зрения) утверждения обеих сторон, а затем из оставшегося материала попробуем реконструировать возможный конструктивный диалог.

Отсечение лишнего

Рынкофобы. Моральная подозрительность к частной собственности и «оправдание» ее стеснения несостоятельны. Конечно, любая форма собственности имеет свои плюсы и минусы, но значимость частной собственности как начала, делающего человека более ответственным, инициативным и заботливым, была прекрасно показана еще Вл. Соловьевым в «Оправдании добра». Абсолютное противопоставление предпринимателя как хищника «простому труженику», отождествление «народной нравственности» с «классовыми интересами трудящихся», противопоставление прибыли, которую «гребут», и зарплаты, на которую «живут честно», – все это результат недооценки частного интереса как стимула организационного (а не только исполнительского, физического труда) аспекта деятельности и выражение позиций зависти и уравниловки.

Какие социальные слои, какая психология стоит за такими взглядами? Это люди неквалифицированного труда с психологией маргиналов-завистников, они не готовы к свободной конкуренции, боятся ее и пытаются «морально» оправдать свою слабость и завистливость.

Рынкофилы. Некорректно утверждать абсолютное благо современного рынка на основании несостоятельности «бескорыстия» казарменного социализма: из того, что «у нас» плохо, никак не следует, что «там» все прекрасно. Из полезности личного интереса не следует, что противоречие между идеалом и интересом лишь «кажущееся»: экономическая польза может и не покрывать моральный ущерб. Утверждение, что «индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и «сотрудничество», относится к числу благих пожеланий и надежд на «разумный эгоизм», утилитарную этику, несостоятельность которой столь же убедительно показана историей, как и уравнилельных «идеалов». Точно так же трудно поверить под «честное слово», что «пассионарии рынка» – «отнюдь не мафиози». Где у нас «честные купцы» (я не исключаю наличие таковых, но, во-первых, есть и другие в любой рыночной ситуации, а, во-вторых, в нашей конкретной ситуации именно эти другие задают тон)?

За этими взглядами стоят либо люди, которые видят преимущества рынка и не хотят (психологически) видеть его минусы (обратное движение маятника), либо адвокаты, желающие «отличиться» и занять официальное престижное положение в теневой экономике.

Закljučая, я бы сказал так: маргиналы порождают две крайности – завистливых уравнилелей («грабь нагpaбленное!») и грабителей. Эти крайности чреваты вечным воспроизведением своего конфликта: одни готовы наживаться любым способом, другие – любым путем экспроприировать и заниматься уравнилельным распределением. В обоих случаях «моральное оправдание» может иметь лишь демагогический характер.

Реконструкция возможного диалога

Устранив неприемлемые элементы рынокофобии и рынокофилии, мы получаем возможность смягчить противоположности и обозначить участников диалога как «Моралиста» (ревнителя интересов нравственности, духовности) и «Экономиста» (ревнителя интересов экономики).

Моралист: Рыночная экономика руководствуется принципом выгоды, максимизации прибыли. Но то, что невыгодно, может оказаться очень ценным: фундаментальная наука, большое (некоммерческое!) искусство, отношения, стимулируемые доброжелательностью, деятельность во имя долга. Не рискуем ли мы в угоду функциональному и временному погубить вечное, подлинно человеческое? Не означает ли рынок безудержное торжество кота Матроскина и полную ненужность кота Леопольда?

Экономист: Но, во-первых, ваши высокие идеалы недостижимы, если подавлен основной двигатель прогресса – частный интерес. Богатый человек – добрый человек; бедный – завистлив, неинициативен, склонен к уравниловке. Успех и обеспеченность создают базу для достоинства: хозяином нельзя командовать. Во-вторых, сила общественного мнения, необходимость «игры по правилам», наконец, здравый смысл обеспечат честный характер конкуренции и морально-психологическую компенсацию для погашения отрицательных последствий рыночного функционализма.

М.: Думаю, что Вы тут смешиваете разные вещи. Богатство и бедность сами по себе не являются гарантиями ни достоинств, ни пороков в духовном измерении. Я не отрицаю экономической рациональности рыночной конкуренции (в определенных, разумеется, гра-

ницах, которые ставит сама экономика, право и моральные традиции). Хозяин рачительнее и производительнее. Но гарантирует ли это само по себе нравственность? Нравственно быть добрым и честным хозяином: не только реализовать свою волю к власти и комфорту, но не шагать по головам, совершенствовать, а не расхищать природу (С. Н. Булгаков называл это *софийностью* в ведении хозяйства). Хозяин может быть нравственным, но достаточно ли экономической самостоятельности и процветания, чтобы стать таковым? Тем более в нашем обществе, где мораль почти на нуле? Не отрицаю я и вклад общественного мнения, демократических традиций, добрых обычаев и т. д. в смягчение рыночной конкуренции. Но есть ведь и злая воля, и «правила зла», и реальное отсутствие добрых традиций, и базарный характер самого общественного мнения (охлократия). Что переборет? Даже развитые страны с вековыми устоями не могут справиться с мафией. И, наконец, не оскорбительно ли довольствоваться лишь компенсацией «убогим» (пусть талантливый, тонкий, но не склонный к рыночным играм)? Не приведет ли это к торжеству коммерческой массовой культуры и к существованию нравственности лишь в меценатских заповедниках?

Э.: А что Вы хотите? Жизнь нельзя подчинить утопическим идеалам. Моральность рынка в справедливом воздаянии инициативе, в одобрении законного приобретения богатства, в осуждении завистливой посредственности и бюрократических препон. Конечно, и социальная защита нужна – и бедности, и культуре вообще. Чего же больше? Нельзя же подчинить общим рассуждениям о человеке как самоцели реальные целесредственные отношения в деловой практике. Ведь это будет мешать Прогрессу.

М.: Боюсь, что Вы все же смешиваете правовые гарантии и положительные оценки деловитости с моралью. Подлинная же мораль – бескорыстное принятие Другого как самоценности и способность к добровольному, не мотивированному внешней необходимостью самоограничению – для Вас экзотический цветок, который, может быть, и следует занести в Красную книгу, но ведь нельзя же всерьез поставить его рядом с Делом, тем более выше его.

Э.: Вы правы. Сначала надо накормить людей и обеспечить их реальные права и свободы. Вы же толкуете о чем-то, может быть, и возвышенном, но очень абстрактном.

М.: Нет! Все три задачи – экономическую, политическую и духовно-нравственную – надо, во-первых, решать одновременно, а во-вторых, во главу угла – в смысле определения Храма (идеала) и пути к нему – надо, конечно же, поставить третью задачу, а две первых – рассматривать как средства, «приводные ремни». Давайте уважать друг друга. Без рынка и частного интереса мы не проживем. Но только разумная политика может придать их развитию направление, где интересы народа будут выше интересов «героев рынка» (подразумевается не администрирование, но экономические меры – налогообложение, инвестиции и т. д., и защита национальной экономики на международном уровне). В свою очередь и политика, и экономика могут преодолеть свою неизбежную функциональную ограниченность только через атмосферу софийности, сообщаемую им высшими духовными, в том числе нравственными, ценностями. Без этого не было, нет, и не будет великих культур. Без Возрождения и Реформации не было бы индустриального общества в Западной Европе. И у нас, если мы не смиримся с превращением в совокупность разрозненных стран на уровне третьего мира, не может быть иначе. А Вы говорите «абстракция»!

Э.: Согласен с призывом уважать друг друга, хотя порой мне трудно понять ваш подход. Попробуем работать вместе на базе здоровой экономики, может быть, дойдем и до консенсуса.

М.: Попробуем понять, что здоровый дух столь же необходим обществу, как и здоровая экономика. Тогда именно консенсус и будет естественным следствием конкуренции в условиях солидарности, а не солидарности как правового момента конкуренции.

Экспертиза классификации нравственных конфликтов при переходе к рыночной экономике

Сохранив общую формулировку 1-го и 3-го типов (конфликт моральных традиций и моральных инноваций; конфликт между 1-м и 2-м типами, помещенными в контекст этнонациональных и иных особенностей), я изменил бы формулировку 2-го типа и поместив бы его на первое место. Ведь внутренняя несбалансированность есть следствие конфликта ценностей, инициируемых рынком, с другими этапами развития форм отчуждения и их нравственной оценки в истории человечества. В самом деле, «рыночный» этап – это культура индустриального общества, вступающая в конфликты с доиндустриальным и постиндустриальным обществом. На это уже наслаиваются

особенности истории советского периода и региональные особенности (России, Средней Азии и т.д). Плюс к этому надо ввести еще 4-й тип: конфликты с учетом особенностей международной обстановки, в которой совершается у нас переход к «нормальной» рыночной форме индустриального общества.

Итак:

1. Общий конфликт индустриального общества в контексте истории.
2. Модификации этого конфликта в условиях советской предис-
тории.
3. Его модификация в условиях нынешней международной си-
туации.
4. Модификации конфликта применительно к особенностям
культурных регионов.

О путях консенсуса (анализ предложенных вариантов)

1. *К фобии «принципа полезности».* Вариант представляется не-
удовлетворительным.

а). В багаже морального оправдания рынка – не аморализм; его
аргументы просто *вне* сферы этики, ибо добро для них – одна из
функций полезности, а не самоценность.

б). Ставить в один ряд утилитаризм и персонализм некорректно,
ибо они суть противоположности. Противники редукции морали к
пользе полны почтения к персонализму (если они знают, что это та-
кое).

в). Что такое этика пользы? Что-то вроде праксиологии любви?
На такой основе мостов не наведешь. Основа тут нужна другая: идея
взаимной дополнительности принципов пользы, долга и добра.

2. *К фобии против аморализма бизнеса.* Социальная ответст-
венность в бизнесе (в преобразовательной деятельности вообще) мо-
жет означать только одно: дополнение юридической, технологичес-
кой и т. п. ответственности ответственностью моральной, эстетиче-
ской, религиозной. Быть в мире ответственным не просто как в лабо-
ратории, но как в Храме. А это уже не только социальная, но также
экзистенциальная и трансцендентальная ответственность. Может
ли бизнес послужить софийности (ведь у Лютера и Кальвина он дол-
жен был служить Богу)?

На такой основе возможен конструктивный диалог, если у апологетов бизнеса выкроится для него время (которое у них сопоставляется с деньгами, а не с вечностью).

3. *К фобии против конкуренции.* Здесь мне вспоминается интервью Г. Каспарова для «Плейбоя» (см.: Диалог, 1990, № 1). Конкуренция вещь полезная, но зачем технологии придавать нравственный ореол?

а). «Игра по правилам» – это категория права, социальной психологии, но только не этики. Требования этики здесь такие же, как и везде: честность, отсутствие злорадства, унижения и т.д.

б). Почему права и обязанности распределяются наряду с «базовыми ценностями»? Это некорректно. Базовые ценности – это не блага, а внутренние ориентации выбора.

в). Саморегуляция через конкуренцию – это хорошая технология, но при чем тут мораль?

г). Почему «состояние общественной нравственности» раскрывается через повышение роли творческого элемента в трудовой деятельности (разве нет аморальных творцов?) и расширение возможностей для благотворительности (ведь она осуществляться может и не по нравственным мотивам)? Тем более из того, что конкуренция ограничивает бесхозяйственность, влияет на качество продукции и т.д., следует лишь, что это – хороший экономический механизм и не более того. Но еще и еще раз: если не сводить мораль к обслуживанию пользы, то при чем тут она? Основа для консенсуса – совсем другая: как совместить экономически полезный механизм конкуренции с приматом нравственной атмосферы в обществе.

Общее резюме

Авторы вариантов исходят все же из примата рынка. Я – из примата духовности. В более общем плане: культура как момент, обслуживающий цивилизацию, или цивилизация как технология на службе у культуры как аксиологии? Как же прийти к консенсусу? Пожалуй, на следующих основаниях: 1) «Богу – Богово, кесарю – кесарево» и 2). «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Ибо нравственность без экономики бессильна, но экономика без нравственности губительна. Поскольку бедность все же лучше гибели (а индустриальная цивилизация движется по разным дорогам, но к одному обрыву), постольку речь идет о примате нравственности.

Но лучше всего – разумная развивающаяся гармония.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

***Prokofiev, Andrey V. Three Ages of the Applied Ethics Research Institute, or Russian University in a Changing World* 10**

The paper deals with a practical and theoretical context of three recommendations (theses) of the Applied Ethics Research Institute addressed to the Industrial University of Tyumen (the former Tyumen Oil and Gas University). They delineate main ways of acquiring and retaining the status of an authentic university by this organization. The theses prepared in 1995, 2005, and 2021 are interesting documentary sources allowing us to trace the recent development of Russian universities and Russian academic ethics. The author shows as the Applied Ethics Research Institute went from quite general and formal way of putting the problem of transforming a typical soviet organization of higher education into an authentic university (1995) to the bold declaration of the wide range of non-pragmatic university values (2005) and then to the application of the mission of the university to particular conditions of the engineering education (2021). Taking into account that the theses of the Applied Ethics Research Institute are not mere practical recommendations or pieces of advice but meaningful manifests in the sphere of academic ethics, the author tries to reconstructs their theoretical content and proposes some critical remarks on the understanding of the university's essence and basic threats to the university in Russia grounding the theses.

Keyword: academic ethics, mission of the university, university values, destructive tendencies in the academic life, Applied Ethics Research Institute.

***Sogomonov, Alexander Yu. University as creating social reality naming* 32**

Evolution of the university nomination from its historic roots to current transformations is under the discussion. The very notion «university» has passed through several stages in its semantic development. Initially it denoted the usual corporation in the medieval city. Moreover, the corporation of magisters and scholars was institutionally ordered in accordance with other urban economic corporations. The universities of the early modern times (the s.c. Humbolt university) structurally and organizationally were completely different, but preserving the metaphorical connection with their roots, still presenting themselves as close urban corporations. Under the conditions of high modernity the name «univer-

sity» has become ordinary market oriented label, free to be implied and voluntarily operated. The second quarter of 21 century could become the new epoque of the rising «sustainable university», both as the bi-component naming and the innovayiove institution. It would more adequately correlate to all global challenges, and harmonically combine different missions in its public role.

Keywords: university, corporation, sustainable university.

Sychev, Andrey A. University identity in the contemporary world: values and challenges 47

The article examines the main challenges for the identity of a contemporary university. The author considers autonomy, academic freedom, unity of education and research, universality of the scope of knowledge, the spirit of humanism and creativity to be the values that define the identity of a classical university. Although in reality, it is impossible to find a university in which all these values are fully realized, the very striving for them seems to be a sufficient condition for maintaining a university identity. A contemporary university faces various identity challenges, including state control, regionalization, commercialization, digitalization, a decline in the prestige of the teaching profession, dehumanitarization of education, etc. As the external influence intensifies, the university's activities become less free and universal: it starts to function asa bureaucratic organization, commercial corporation, ora developer of massive open online courses, and the teacher is imposed to perform the functionof an official, an entrepreneur, or a moderator. In the face of unprecedented pressure, the university should clearly define its own goals, and decide what, despite the importance and novelty, should remain only means. Accodrdingly, the key condition for self-determination of the university should be the sustainability of choice, that is, the development paths should always be planned in such a way that the possibilities for further self-determination remain. Perhaps over time, the goals of the university, the format of its work, the interaction of teachers and students will radically change. But, if it retains the basic value orientations, if all these changes will be the consequences of its own free and conscious choice, it will be able to maintain the university identity.

Keywords: university, identity, values, self-determination, autonomy, digitalization, sustainability.

Tulchinskii, Grigorii L. University as the image future generator and its ambiguous perspectives 60

The article contains consideration of two interrelated topics. First, it is the role of the university as a social institution, which not only lays the foundations for the future, but also shapes the image of this future. Se-

condly, the erosion of this role in the context of the marginalistic transformation of the university, digitalization and the expansion of education in the online format.

Keywords: the future image, online education, socialization, university, digitalization.

Skvortsov, Alexey A. University as a moral world64

The article is devoted to the issue about the status of universities in contemporary Russia. The author considers it fair to speak about the processes of de-universityization, which were expressed in the tendency for the higher school to lose its influence in society. Universities under the influence of endless reforms in higher education are rapidly losing their identity, turning into faceless social institutions. In this form, they no longer meet the expectations of society and partially lose their relevance among young people. This state of affairs follows from the general logic of the development of any instability in society. Universities in Russia have never been protected from social upheavals and often became their first victims. This was largely due to the special position of higher education, which was guided by the ideal aims of science and education, often oblivious to the impending dangers. At the same time, the universities critically perceived themselves, their achievements and role in the world around them and often could not give an account of their work. The author calls all these considerations - striving for ideal aims and an honest, sometimes derogatory, attitude towards himself «the moral world» and shows that the continuing de-universityization of society will inevitably lead to its demoralization.

Keywords: ethics, academic ethics, morality, responsibility, education, science, values.

Belyaeva, Elena V. «The ethics of responsibility» as a type of theory of morality in comparison with «ethics of duty» and «ethics of good»..... 73

The text is devoted to the comparison of «ethics of responsibility» with «ethics of good» and «ethics of duty» according to the parameters that characterize any theory of morality: the key category, the essence and specificity of morality, the type of moral subject. This makes it possible to substantiate the existence of the «ethics of responsibility» as a special type of moral theory capable of becoming the basis of the moral life of a contemporary person. «Ethics of responsibility» believes that the essence of morality is responsible behavior within its competence, which provides a favorable solution to a problem situation.

Keywords: responsibility, ethics of duty, ethics of good, ethics of responsibility, moral subject, essence of morality, specificity of morality.

Gibbs, Paul. An ethos for scholarly freedoms 93

This paper discusses the importance of a distinction between academics and scholars and the appropriateness of academic freedom for each. It suggests the utility of the market, which manifests academic employment as a transmitter of knowledge and skills may not justify personal academic freedom nor institutional autonomy and advocates a focus on scholarly moral practice and obligation to justify these privileges. In this sense it does not support unconditional academic freedom nor institutional autonomy attributed to those who are classified as academic or universities but require evidence of their commitment to moral conditions of trustfulness, courage and truth.

Keywords: ethics, scholarly ethos, academic freedom, post-truth, scholar's integrity.

COLUMN OF ACADEMICIAN A.A.GUSEYNOV

Sociological trilogy by Alexander Zinoviev 103

The article gives an outline of the sociology of the outstanding Russian thinker A.A. Zinoviev. The essay is focused on three key teachings: communism as a reality, Westernism, global human. The interrelation of these doctrines revealing the logic of modern social processes in Russia and the world is shown. Zinoviev developed a sociological apparatus for studying Soviet communism and Western-type society from the standpoint of social criticism. This approach requires, as a complement, a special ethically oriented anthropology. The philosopher considers the movement of modern societies towards a single global supersociety as a socio-mechanical degradation of individuals.

Keywords: communism as a reality, Westernism, global human, society and supersociety, future, moral ideal.

Section: UNIVERSITY MISSION

Bakshtanovsky Vladimir I., Bogdanova Marina V., The name «University»: an actual value reference or a fact of historical memory?115

Do the trends in the formation of signs of a new university identity imply a change in its name? The article presents the experience of humanitarian reflection of the benchmarks of success that justify the name «University». Humanitarian reflection was undertaken in the format of a rector's seminar by professors of the Tyumen Industrial University. She outlined the role of the ethos of the university in its success. Attention was also paid to strengthening intergenerational academic communication at the university for its success in the future.

Keywords: «University» nomination, humanitarian reflection, rector's seminar, professorship, university ethos.

Section: DEPARTMENT OF APPLIED ETHICS

Abilkenova, Valeria. A. Will blogging become a profession? (Is blogging a new profession?) 141

From the reasoning twenty years ago about whether blogging will replace journalism, how their normative value system differs, etc., modern research discourse differs in concretization: today the discussion is taking place around the processes that characterize the formation of blogging as a new profession. And if in the topics of opinion polls the statement "Is a blogger a profession of the future?" questioned by a question mark, for example, the same title of the first podcast of the press council (Russia) uses an affirmative sentence.

Keywords: ethics of a blogger, professional ethics of a journalist, blogging, blogger, professionalization, moral indicators of the profession.

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Towards a civil society: moral oppositions (questionnaire) 159

The text presents the detailed programmatic aspects of the humanitarian expertise «On the way to civil society: moral oppositions». Humanitarian expertise was undertaken by the Center for Applied Ethics under the Presidium of the Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences USSR in 1990-1991. Questionnaire for a consultative survey of experts is devoted to the study of the conflict state of morality in Russian society in the early 1990s.

Keywords: civil society, private property, moral conflicts, moral consensus.

Batygin, Gennady S. Business ethics and/or duty ethics 169

When identifying the opposition «market-philia – market-phobia» with a moral choice, the author substantiates the expediency of distinguishing the verbal and vague images of the market existing in the mass consciousness. The need to study the moral conflict within each of these two types of social organization – «market-philia» and «market-phobia» is shown. As the main dimension of «market-philia» and «market-phobia», the author proposes to consider the opposition of the goal-rational and value-rational behavior patterns.

Keywords: purposeful-rational, value-rational types of behavior, traditions, innovations, business ethics.

Sagatovsky, Valery N. Civil society or the human community? 177

In his expert text, the author focuses on the marginal elements that make up the opposition «market-philia – market-phobia». As the basis for the consensus of «market-philia» and «market-phobia» the author substantiates the combination of «an economically useful mechanism of competition with the predominant role of the moral atmosphere in society».

Keywords: ethics of civil society, marginality, morality, economics.

Авторы выпуска

Абилькенова Валерия Анатольевна, к.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; доцент Гуманитарного института Югорского государственного университета, руководитель ОПОП «Журналистика»; Kab-valerya@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; bakshtanovskijvi@tyuiu.ru

Беляева Елена Валериевна, д.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет (БГУ); belyaeva.minsk@gmail.com

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; bogdanovamv@tyuiu.ru

Гиббс Пол (Gibbs, Paul), почетный профессор Мидлсекского университета (*Middlesex University London*); руководитель докторантуры в Восточноевропейском университете (Грузия), приглашенный профессор Азербайджанского университета; P.Gibbs@mdx.ac.uk

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Скворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н., доцент кафедры этики, Философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф., профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; sychovaa@mail.ru

Тульчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук; профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Abilkenova, Valeriya Anatolievna, Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); Associate Professor of Institute of Humanities of Yugra State University, the head of the educational programme «Journalism»; Kab-valerya@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); bakshtanovskijvi@tyuiu.ru

Belyaeva Elena Valerievna, PhD in Philosophy, Belarusian State University; belyaeva.minsk@gmail.com

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); bogdanovamv@tyuiu.ru

Gibbs, Paul, D.Litt., emeritus professor of Middlesex University; professor and head of doctoral studies at East European University, Georgia and visiting professor at Azerbaijan University; P.Gibbs@mdx.ac.uk

Guseynov, Abdusalam Abdulkirimovich, D.Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Leading Research Fellow, Department of Ethics, RAS Institute of Philosophy; Leading Researcher, IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Skvortsov, Alexey Alexeyevich, Phd, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lam-bis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii Lvovich, Doctor of Philosophy, Professor, St.Peterburgian State University, department of interdisciplinary synthesis; National Research University «Higher School of Economics» – St.Petersburg; Hohored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38;

тел. (3452)28-30-54; e-mail: bakshantnovskijvi@tyuiu.ru

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИМЕНИ *УНИВЕРСИТЕТ*:
НЕПРЕЛОЖНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО УСПЕХА

Ведомости прикладной этики

Выпуск 59

Под ред. В. И. Бакштановского

Редактор выпуска И. А. Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 28.02.2022. Формат 70x100/8.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 24,3. Тираж 500 экз. Заказ № 2362.

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: bakshtanovskijvi@tyuiu.ru.

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г. Тюмень, ул. Киевская, 52.